С 8/85.
На отб
Д. Мережковскій.
801-91
10169-1
801-14
2559

БОЛЬНАЯ РОССІЯ.

СПБ.
Книгоиздательство
„Общественная Польза".
1910.

Рисунокъ обложки работы: Т. ГИППІУСЪ.

2011143072

Типографія т-ва „Общественная Польза“ Б. Подъяческая 39.

Оглавленіе.

	стр.
Зимнія радуги	1
Конь блѣдный	15
Иванычъ и Глѣбъ	39
Головка виснетъ	77
Семь смиренныхъ	93
Къ соблазну малыхъ сихъ	111
Сердце человѣческое и сердце звѣриное	123
Борьба за догматъ	139
Арекчеевъ и Фотій	141
Елизавета Алексѣевна	167
Тургеневъ	183
Пророчество и провокація	199
Душа Сахара	211
Свинья матушка	219
Земля во рту	249
Когда воскреснетъ	267

ЗИМНІЯ РАДУГИ

9 Января 1905 года, надъ Петербургомъ видны были радуги. Великія событія того дня связывались въ народной молвѣ съ этимъ небеснымъ знаменьемъ.

Изъ будущей лѣтописи.

У меня, должно быть, лихорадка. Не удивляйтесь же, что слова мои будутъ похожи на бредъ. Кто нынче не бредитъ? Вы къ этому привыкли. И если все чаще слова здравомыслящихъ напоминаютъ бредъ, то, можетъ быть, въ бреду окажется крупица смысла...

Ну, довольно. Предисловія вообще безполезны. Лучше сразу начать. Только вотъ не знаю, какъ бы повѣжливѣе.

Моя ежедневная прогулка—въ Лѣтнемъ саду, мимо домика Петра Великаго. Тамъ на старыхъ липахъ множество вороньихъ гнѣздъ. Когда убійцы Павла I проходили ночью по средней аллеѣ сада къ Михайловскому замку, то поднялось такое карканье, что заговорщики боялись, какъ бы не проснулся спящій императоръ. Вороны и надо мною каркаютъ. Есть легенда, что эта вѣщая птица живетъ столѣтія. Можетъ быть, нѣкоторыя изъ нихъ помнятъ Петра.

И вотъ, въ послѣднее время мнѣ чудится въ ихъ карканьи злое пророчество, то самое, за которое въ 1703 году, при основаніи города, били кнутомъ, ссылали на галеры, рвали ноздри и рѣзали языки: „Петербургу быть пусту“.

„Три старыхъ рыбака, жившихъ до основанія Петербурга въ мѣстахъ, гдѣ возникъ потомъ городъ, раз-

сказывали, въ 1721 году, что за тридцать лѣтъ передъ тѣмъ было такое наводненіе, что вся страна до Ніеншканца была потоплена, и что подобныя бѣдствія повторяются почти каждыя пять лѣтъ. Поэтому первобытные жители невскаго прибережья никогда не строили тамъ прочныхъ жилищъ, но небольшія рыбачьи хижины. Какъ только, по примѣтамъ, ожидалась большая буря, крестьяне ломали свои хижины, а бревна и доски складывали, какъ плоты, и привязывали къ деревьямъ; сами же, въ ожиданіи убыли воды, спасались на Дудерову гору" („Петербургская Старина", академика Пекарскаго).

Вѣря этимъ пророчествамъ, русскіе люди, насильно загнанные въ „Парадизъ", говорили, что здѣсь жить нельзя, что городъ будетъ снесенъ водою или провалится въ трясину.

Осенью 1905 года я какъ-то разъ вечеромъ шелъ по Невскому. Вдругъ всѣ электрическіе фонари потухли. Наступила темнота, словно черное небо обрушилось. Подростки-хулиганы засвистѣли пронзительно, и раздался звонъ разбитаго стекла. По направленію отъ Аничкина моста къ Литейной бѣжали черныя толпы. Ковыляющая старушка-барыня со съѣхавшей на бокъ шляпой закричала мнѣ въ лицо: „Не ходите, тамъ стрѣляютъ!" И мнѣ, дѣйствительно, послышались или почудились выстрѣлы. Было страшно, какъ во снѣ. И вспомнился мнѣ сонъ. Впрочемъ, сновъ разсказывать не слѣдуетъ. Только два слова. Черный обликъ далекаго города на черномъ небѣ: груды зданій, башни, купола церквей, фабричныя трубы. Вдругъ по этой чернотѣ забѣгали огни, какъ искры по куску обугленной бумаги. И понялъ я или кто-то мнѣ сказалъ, что это взрывы

исполинскаго подкопа. Я ждалъ, я зналъ, что еще мигъ—и весь городъ взлетитъ на воздухъ, и черное небо обагрится исполинскимъ заревомъ.

Я уѣхалъ въ томъ же году, когда уже почти все было кончено; вернулся этою осенью, въ самое сердце реакціи, въ самое сердце холеры. Ни той, ни другой не видно конца. Каждый день на страницахъ „Новаго Времени" печатается Memento mori: „заболѣло 17 человѣкъ, умерло 9". Кажется, на всемъ Петербургѣ, какъ на стклянкѣ съ ядомъ, появилась мертвая голова. Свѣдущіе люди увѣряютъ, будто бы холера никогда не кончится, и устье Невы сдѣлается необитаемымъ, какъ устье Ганга: „Петербургу быть пусту".

Но ни холера, ни реакція, ни чудовищные слухи о самоубійцахъ, объ „одинокихъ", о „кошкодавахъ", ни даже эта страшная тоска на лицахъ,—о, конечно, всероссійская, но которая именно здѣсь, въ Петербургѣ, достигаетъ какихъ-то небывалыхъ предѣловъ безумія (никто не замѣчаетъ своего и чужого безумія, кажется, потому, что всѣ вмѣстѣ потихоньку сходятъ съ ума),—нѣтъ, не все это, а что-то иное заставляетъ меня испытывать вновь знакомое „чувство конца", видѣть въ лицѣ Петербурга то, что врачи называютъ facies Hyppocratica, „лицо смерти".

„Я замѣчалъ,—говоритъ Печоринъ въ лермонтовскомъ Фаталистѣ, — что часто на лицѣ человѣка, который долженъ умереть черезъ нѣсколько часовъ, есть какой-то странный отпечатокъ неизбѣжной судьбы".

Главное, что поразило меня въ Петербургѣ, это именно то, что лицо его ничуть не измѣнилось. Петербургъ тогда и теперь—какъ двѣ капли воды. Правда, весь онъ осунулся какъ-то, одряхлѣлъ, постарѣлъ со-

бачьей старостью. Но ничего не убавилось и не прибавилось. Только электрическіе трамваи, кинематографы, да призрачный двойникъ московскаго Василія Блаженнаго. Но вѣдь этого мало даже для октябристовъ и мирнообновленцевъ.

Надо прожить нѣсколько лѣтъ въ Европѣ, чтобы почувствовать, что Петербургъ все еще не европейскій городъ, а какая-то огромная каменная чухонская деревня. Невытанцовавшаяся и уже запакощенная Европа. Ежели онъ и похожъ на городъ иностранный, то развѣ въ томъ смыслѣ, какъ лакей Смердяковъ „похожъ на самаго благороднаго иностранца“.—Какъ въ частушкѣ поется:

Если баринъ при цѣпочкѣ,
Это значитъ—безъ часовъ.
Если баринъ при галошахъ,
Это значитъ—безъ сапогъ.

Да, Петербургъ не измѣнился, и въ этой-то неизмѣнности, неизмѣняемости—„лицо смерти“.

Шлепая по невѣроятной, черно-коричневой жижѣ среди невѣроятнаго, черно-желтаго тумана, я думаю: точь-въ-точь, какъ три года назадъ; три года—три вѣка; намъ казалось, что произошли въ нихъ бо́льшія событія, чѣмъ въ смутное время, чѣмъ петровская реформа и двѣнадцатый годъ. Но вотъ оказывается, что ничего не произошло. Было, какъ бы не было. Да ужь полно, было ли? Всѣ голоса Петербурга вопятъ: не было! Но я знаю, помню. Мнѣ надо сойти съ ума, чтобы забыть. Тутъ-то и начинается мой бредъ, мой ужасъ, мое „чувство конца“. И тутъ же вспоминается мнѣ Достоевскій:

„Петербургское утро, гнилое, сырое и туманное..

Мнѣ сто разъ среди этого тумана задавалась странная, но навязчивая греза: а что, какъ разлетится этотъ туманъ и уйдетъ кверху,—не уйдетъ ли съ нимъ вмѣстѣ и весь этотъ гнилой, склизлый городъ, подымется съ туманомъ и исчезнетъ, какъ дымъ, и останется прежнее финское болото, а посреди него, пожалуй, для красоты, бронзовый Всадникъ на жарко-дышащемъ, загнанномъ конѣ?.. Вотъ они всѣ кидаются и мечутся, а почемъ знать, можетъ быть, все это чей-нибудь сонъ? Кто-нибудь вдругъ проснется, кому все это грезится,—и все вдругъ исчезнетъ“.

Было, какъ бы не было.

Недавно ѣздилъ я въ Москву. Это нашъ древній паломническій путь, освященный первою книгою русской свободы — радищевскимъ „Путешествіемъ изъ Петербурга въ Москву“. Сразу очнулся отъ бреда, какъ будто изъ подземной темницы вырвался на Божій свѣтъ.

Люди, какъ люди; городъ, какъ городъ. Веселыя санки скрипятъ по крѣпкому снѣгу, и можно не бояться, что завтра превратится онъ въ черную слякоть. Румяныя торговки у Спасскихъ воротъ, зазывая въ лавочки, предлагаютъ, должно быть, точно такія же, какъ въ XVII вѣкѣ, вязаныя рукавички. И, кажется, пахнетъ въ воздухѣ старозавѣтнымъ славянофильскимъ бубликомъ. Вотъ-вотъ встрѣтишь на углу И. С. Аксакова, который скажетъ мнѣ, какъ нѣкогда говаривалъ Достоевскому: „Первое условіе для освобожденія въ себѣ плѣненнаго чувства народности — возненавидѣть Петербургъ всѣмъ сердцемъ своимъ и всѣми помыслами своими“. Я съ нимъ поспорю, поругаюсь, а все-таки почувствую въ немъ какую-то родную бабушкину сказку, бабушкину правду. Несмотря на чудовищный декадентскій Метро-

поль и горячечный, розово-фіолетовый блескъ электрическихъ солнцъ на бѣлокаменныхъ стѣнахъ Китай-города, лицо Москвы все еще напоминаетъ лицо пушкинской няни, Арины Радіоновны—„голубка дряхлая моя“. Но что-то есть въ этой дряхлости юное, вѣчное, что даетъ понять, что не отречется она отъ того, что здѣсь было. И если Петербургъ скажетъ: не было,—то камни Москвы возопіютъ: было! было!

И вотъ еще что. Какъ это ни странно, но въ нѣкоторыхъ уголкахъ Кремля я чувствую себя, какъ на старыхъ площадяхъ Пизы, Флоренціи, Перуджіи: недаромъ строили эти соборы и башни, вмѣстѣ съ русскими каменщиками, итальянскіе зодчіе. Я здѣсь ближе къ подлинной святой Европѣ, чѣмъ въ Петербургѣ. И пусть это первое прикосновеніе русскаго духа къ духу всемірному — слѣпое, слабое, сонное, для насъ теперь уже невозможное, но оно все-таки правдивое, безъ тѣхъ двусмысленныхъ петербургскихъ „комплиментовъ“ („Приклады како пишутся куплименты“. Спб., изд. 1717 г.), о которыхъ говоритъ Антіохъ Кантемиръ въ своихъ виршахъ:

Иной бѣдный, кто сердцемъ учиться желаетъ,
Всѣми силами къ тому скоро поспѣшаетъ;
А пришедъ комплиментовъ увидитъ не мало,
Высокихъ же наукъ тамъ тѣни не бывало.

Ну, тѣнь-то, пожалуй, и была, но именно только тѣнь, сонъ: „проснется, кому все это грезится—и все вдругъ исчезнетъ“.

Изъ русской земли Москва выросла и окружена русской землей, а не болотнымъ кладбищемъ съ кочками вмѣсто могилъ и могилами вмѣсто кочекъ. Москва вы-

росла—Петербургъ вырощенъ, вытащенъ изъ земли, или даже просто „вымышленъ“.

„Въ 1714 году Петръ задумалъ умножить Петербургъ; замѣтивъ, что въ городѣ медленно строились дома, царь запретилъ во всемъ государствѣ, кромѣ Петербурга, сооружать каменныя зданія, съ угрозою въ противномъ случаѣ разоренія имѣнія и ссылки. Постановлено было на всѣхъ судахъ, приходившихъ въ Петербургъ черезъ Ладожское озеро, также на всѣхъ подводахъ привозить камень и сдавать его оберъ-комиссару. Кто не исполнялъ этого положенія, съ того доправлялось за каждый камень по гривнѣ“.

Еще бы не „умышленный“ городъ!

Рабочіе, которыхъ сгоняли, какъ скотъ, со всѣхъ концовъ Россіи, пѣли заунывную пѣсню:

Подымались добры молодцы,
Добры молодцы, люди вольные,
Все ребятушки понизовые
На работушку государеву.

Одинъ изъ этихъ вольныхъ людей на Васильевскомъ славномъ островѣ корабли снаститъ и на вопросъ красной дѣвицы, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, отвѣчаетъ:

Что ты, глупая, красна дѣвица,
Неразумная дочь отецкая:
Не своей волей корабли снащу,
Не своею я охотою,—
По указу государеву,
По приказу адмиральскому.

Воплощеніе этой „не своей воли“ и есть Петербургъ.

При возведеніи первоначальныхъ укрѣпленій нужна была земля, а ея по близости не находилось: кругомъ была только трясина, покрытая мхомъ; землю таскали

къ бастіонамъ изъ дальныхъ мѣсть въ старыхъ мѣшкахъ, рогожахъ, или даже просто въ полахъ платья. Люди оставались безъ хлѣба, безъ крова и мерли, какъ мухи. Покойниковъ не успѣвали хоронить и волокли, какъ падаль, въ общую яму. Сооруженіе Петропавловской крѣпости стоило жизни 100 тысячъ переселенцевъ. О Петербургѣ сказано:

Богатырь его построилъ,
Топь костями забутилъ.

Недавно, по поводу холеры, одинъ врачъ въ городской думѣ замѣтилъ, съ циничеcкой, но живописной грубостью, что „весь Петербургъ стоитъ на исполинскомъ нужникѣ“.

Красуйся, градъ Петра, и стой
Неколебимо, какъ Россія!

Ужасно то, что этотъ исполинскій нужникъ—исполинская могила, наполненная человѣческими костями. И кажется иногда въ желтомъ туманѣ, что мертвецы встаютъ и говорятъ намъ, живымъ: „Вы нынче умрете!“—какъ сказалъ Печоринъ Вуличу, замѣтивъ на лицѣ его „странный отпечатокъ неизбѣжной судьбы“.

Мѣдный Всадникъ — „петербургская повѣсть“ — самое революціонное изъ всѣхъ произведеній Пушкина. „Пушкинъ представлялъ поэму въ цензуру,—говоритъ Ефремовъ,—но разрѣшенія на напечатаніе не послѣдовало“. Если бы поэму поняли, какъ слѣдуетъ, то, чего добраго, и въ наши дни не послѣдовало бы разрѣшенія.

Подъ видомъ смиренной хвалы тутъ ставится дерзновенный вопросъ о томъ,

чьей волей роковой,
Надъ моремъ городъ основался,—

обо всемъ „петербургскомъ періодѣ русской исторіи“.

О, мощный властелинъ судьбы,
Не такъ ли ты надъ самой бездной,
На высотѣ, уздой желѣзной
Россію вздернулъ на дыбы?

„Дыбой“ называлось орудіе пытки, на которомъ били кнутомъ. Сынъ Петра, царевичъ Алексѣй, за два дня до смерти, вздернутъ былъ въ застѣнкѣ на дыбу—„дано 25 ударовъ“—и „спрашиванъ о всѣхъ его дѣлахъ, и по разспросамъ и съ розыску, сказалъ: „Учитель-де Вяземскій въ разговорѣ съ нимъ, царевичемъ, говаривалъ: Степанъ-де Бѣляевъ съ пѣвчими при отцѣ твоемъ поютъ: Богъ идѣже хощетъ, побѣждается естества чинъ; а то-де всѣ поютъ маня (льстя) отцу твоему; а ему-де то и любо, что его съ Богомъ равняютъ“.—„Богъ, идѣже хощетъ, побѣждается естества чинъ“—это значитъ: волею Бога побѣждаются законы природы, совершается чудо. Петербургъ и есть такое чудо. Здѣсь „чинъ естества“ побѣжденъ „чудотворнымъ строителемъ“—не человѣкомъ, а „богомъ“. Ѳеофанъ Прокоповичъ называлъ его „христомъ“, а раскольники называли „антихристомъ“. Петербургъ — вѣчная дыба, на которой пытаютъ—Христосъ или Антихристъ?

Достоевскій понялъ, что въ Петербургѣ Россія дошла до какой-то „окончательной точки“ и теперь „вся колеблется надъ бездной“.

...надъ бездной...
Россію вздернулъ на дыбы.

Но нельзя же вѣчно стоять на дыбахъ. И ужасъ въ томъ, что „опустить копыта“ значитъ рухнуть въ бездну.

И тутъ уже дерзновенный вопросъ переходитъ въ дерзновеннѣйшій отвѣтъ, въ безумный вызовъ:

Добро, строитель чудотворный!
Ужо тебѣ!..

Это и есть первая точка нашего безумія, нашего бреда, нашего ужаса: Петербургу быть пусту.

И вдругъ стремглавъ
Бѣжать пустился. Показалось
Ему, что грознаго царя,
Мгновенно гнѣвомъ возгоря,
Лицо тихонько обращалось.

Лицо бога обращается въ лицо демона. И всѣ мы, какъ этотъ „безумецъ бѣдный“, бѣжимъ и слышимъ за собой,

Какъ будто грома грохотанье
Тяжело-звонкое скаканье
По потрясенной мостовой.

Бѣжимъ, какъ мыши отъ кота. Но сначала котъ ловитъ мышей, а потомъ кота мыши хоронятъ. „Мыши кота хоронятъ“—лубочная картинка на кончину Петра I, а можетъ быть, и на конецъ „всего петербургскаго періода русской исторіи“.

„По Петербургу пронеслись вдругъ слухи, что у Калинкина моста сталъ показываться по ночамъ мертвецъ въ видѣ чиновника, ищущаго какой-то утащенной шинели, и сдирающій со всѣхъ плечъ, не разбирая чина и званія, всякія шинели“. Это Акакій Акакіевичъ. Мертвецъ ухватилъ за воротникъ „одно значительное лицо“: „А, такъ вотъ ты, наконецъ... Я тебя того“...—„Ужо тобѣ!“

Навстрѣчу Мѣдному Всаднику несется Акакій Акакіевичъ. И не онъ одинъ. Безчисленные мертвецы, чьими костями „забучена топь“, встаютъ въ черно-желтомъ, холерномъ туманѣ, собираются въ полчища и окружаютъ глыбу гранита, съ которой Всадникъ вмѣстѣ съ конемъ падаетъ въ бездну.

Въ Призракахъ Тургенева тотчасъ же послѣ видѣнія Петербурга возникаетъ иное видѣніе: „Что-то изжелта-черное, пестрое, какъ брюхо ящерицы — не туча и не дымъ—медленно, змѣинымъ движеніемъ, двигалось надъ землей... Гнилымъ, тлетворнымъ холодомъ несло... Отъ этого холодка тошнило на сердцѣ, и въ глазахъ темнѣло, и волосы вставали дыбомъ. Это сила шла: та сила, которой нѣтъ сопротивленія, которой все подвластно, которая безъ зрѣнія, безъ образа, безъ смысла—все видитъ, все знаетъ, и, какъ хищная птица, выбираетъ свои жертвы, какъ змѣя, ихъ давитъ и лижетъ своимъ мерзлымъ жаломъ...

„Громадный образъ закутанной фигуры на блѣдномъ конѣ мгновенно всталъ и взвился подъ самое небо...“

Тутъ, конечно, Тургеневъ вспомнилъ Апокалипсисъ: И я взглянулъ, и вотъ Конь Блѣдный и на немъ всадникъ, которому имя смерть.

Нѣсколько лѣтъ назадъ въ одинъ морозно-ясный день появились вокругъ низкаго солнца надъ Петербургомъ какія-то блѣдныя радуги, похожія на сѣверное сіяніе. Видѣвшіе помнятъ ли или забыли, какъ забываютъ нынѣ все, что было? Было, какъ бы не было.

Когда я смотрѣлъ на это знаменье, то казалось, вотъ-вотъ появится „Конь Блѣдный и на немъ всадникъ, имя которому смерть“.

Смерть Россіи—жизнь Петербурга; можетъ быть, и наоборотъ, смерть Петербурга—жизнь Россіи?

Глазами смотрѣть будутъ и не увидятъ; ушами слушать будутъ и не услышатъ. Не увидятъ; Всадника на блѣдномъ конѣ, не услышатъ трубнаго голоса: Петербургу быть пусту.

КОНЬ БЛѢДНЫЙ

I

Русское освобожденіе безсловесно. Ни единымъ звукомъ не отразилось оно въ русскомъ словѣ, достойномъ этого имени. „Бѣсы“ Достоевскаго—не отраженіе прошлаго, а видѣніе будущаго—та тѣнь, которая иногда отбрасывается великими событіями впередъ. Къ тому же тѣнь искажающая, карикатура, внушенная такою злобою, что хочется спросить: гдѣ же всѣмъ бѣсамъ бѣсъ—ужь не въ самомъ ли Достоевскомъ?

Но карикатура исполинская. А прочее—Смердяковское зеркальце, вздумавшее отразить Божью грозу.

Такъ, вѣроятно, и должно быть; такъ и бываетъ всегда. Океанъ съ берега кажется плоскимъ; чтобы поднялся горизонтъ, нужно самому подняться; отойти отъ великаго, чтобы измѣрить величіе. Столѣтіе нужно было Петру, чтобы отразиться въ Мѣдномъ Всаднике, и полъ-столѣтія—Двѣнадцатому году, чтобы отразиться въ Войнѣ и Мирѣ.

Хорошо или дурно русское освобожденіе, оно, во всякомъ случаѣ, не меньше, чѣмъ Петръ и Двѣнадцатый годъ. Дастъ Богъ, дождется и оно великаго слова.

А пока помолчимъ. Среди этого вольнаго и невольнаго молчанія единственный звукъ—маленькая кни-

жечка, отрывокъ отрывка, нѣсколько разрозненныхъ листковъ дневника—Конь Блѣдный.

Книжечка маленькая, бѣдненькая, бѣленькая, точно отъ испуга вся побѣлѣвшая, съежившаяся, спрятавшаяся подъ шапкой-невидимкой, съ такимъ выраженіемъ лица, какъ будто хочетъ сказать: только бы меня не замѣтили, только бы мнѣ прошмыгнуть.

Я назвалъ книжку отрывкомъ,—вѣрнѣе было бы назвать ее оглодышемъ. Глодала ее, однако, не старая добрая цензура правительственная, а новая, освободительная. Уже при первомъ появленіи Коня Блѣдняго въ Русской Мысли, тамъ вымыли, выстирали всѣ опасныя пятна до неприличныхъ дыръ. Въ своемъ настоящемъ видѣ книжечка напоминаетъ загадочныя картинки или Помпейскую живопись. А все-таки давно не появлялось въ Россіи такой смѣлой книги съ такою трусливою внѣшностью.

А пожалуй, и трусить было нечего. Въ вопросѣ о томъ, кому книга опаснѣе—самъ чортъ ногу сломитъ: ломанье же чортовой ноги кое-кому всегда выгодно. Намъ такія книги вообще не по зубамъ. Пожевали, не раскусили и выплюнули.

Сначала какъ будто и задымило, затрещало гдѣ-то; казалось, вотъ-вотъ выкинетъ. Но залили во-время.

Успѣла, впрочемъ, одна проницательная сибилла догадаться, что Конь Блѣдный — произведеніе извѣстной декадентской писательницы, которая, не имѣя никакого понятія о русскомъ террорѣ, всю эту чепуху высосала изъ собственнаго пальца. Вотъ что значитъ не въ бровь, а въ глазъ. Сибилла, по крайней мѣрѣ, утѣшила, а остальные плели такой вялый вздоръ, что теперь даже вспомнить нѣтъ никакой возможности.

Наконецъ, самимъ стало скучно, да и жалко старыхъ зубовъ. А тутъ еще подоспѣли дѣла важнѣйшія: еврейскій анекдотъ Чирикова, „національное лицо“ Струве, Синяя Птица, Вѣхи—ну, словомъ, хлопотъ полонъ ротъ.

Такъ и забыли о Конѣ Блѣдномъ. Какъ ключъ пошелъ ко дну. И напрасно Шиповникъ побѣлѣлъ отъ страха.

Въ литературѣ забыли, ну, а въ жизни? Забытое литературой не вспомнитъ ли жизнь?

Отвѣтить на этотъ вопросъ мнѣ труднѣе, чѣмъ кому-либо, потому именно, что въ книгѣ черезчуръ много жизненнаго, близкаго не мнѣ одному. Это наше, но не отъ насъ, а къ намъ идущее, какъ грозная лавина, катящееся, какъ сокрушающее бремя отвѣтственности, падающее. Не оказаться бы намъ тѣми неискусными заклинателями, которые, вызвавъ духа, не умѣютъ съ нимъ справиться.

Мы роемъ два подземныхъ хода, не зная, не видя другъ друга: каменная толща между нами, но уже звенятъ удары съ обѣихъ сторонъ; рано или поздно, встрѣтимся.

Если бы спросили меня сейчасъ въ Европѣ, какая книга самая русская, и по какой можно судить о будущемъ Россіи, послѣ великихъ произведеній Л. Толстого и Достоевскаго, я указалъ бы на Коня Блѣднаго. Это покажется преувеличеннымъ, но, можетъ быть, не такимъ чрезмѣрнымъ, если помнить, что рѣчь идетъ не столько о книгѣ, сколько о томъ, что за нею.

Можетъ быть, уже и сейчасъ для кое-кого это не книга, а острый ножъ въ сердце, своего рода азефовщина, хотя и въ иномъ, обратномъ, но еще болѣе страшномъ

смыслѣ. Пусть тамъ—конецъ стараго, здѣсь—начало новаго: такое начало для многихъ страшнѣе конца.

И что имъ до того, что книга въ литературѣ не сдѣлаетъ шума? Когда отъ шума нашихъ печатныхъ листовъ останется не болѣе, чѣмъ отъ шума прошлогоднихъ листьевъ,—не перестанутъ звучать голоса человѣческой совѣсти, пробужденные этою книгою, подобно гулу отъ камня, брошеннаго въ пропасть.

Не „что я писалъ,—писалъ", могъ бы сказать написавшій Коня Блѣднаго, а „что я сдѣлалъ,—сдѣлалъ".

II

Художникъ ли онъ?

Искусство ревниво къ дѣйствію. Искусство требуетъ совершеннаго созерцанія. А если не метафизически, то эмпирически, совершенное созерцаніе противоположно дѣйствію. Это не должно быть такъ; это будетъ иначе; но сейчасъ такъ, и съ этимъ нельзя не считаться. Нельзя водить по струнамъ Аполлоновой скрипки мечомъ, какъ смычкомъ: или мечъ притупится, или струны оборвутся.

Искусство—искусъ, подвигъ всей жизни; а писанія Ропшина,—это слишкомъ чувствуется въ нихъ самихъ,—только отдыхъ между двумя иными искусами, остановка между двумя иными дѣйствіями. Пѣсня воина.

> Мнѣ борьба мѣшала быть поэтомъ,
> Пѣсни мнѣ мѣшали быть бойцомъ.

Вотъ опасность Ропшина: отъ одного берега отплылъ, къ другому не присталъ; полусозерцатель, полудѣятель; земноводное, оборотень. Это, впрочемъ, повторяю, не

гибель, а только опасность. Ропшинъ человѣкъ смѣлый, а смѣлыхъ Богъ хранитъ.

И все-таки иногда кажется, что для него самого было бы лучше, если бы книга осталась ненаписанной. Онъ увидѣлъ въ ней слишкомъ многое, чего нельзя забыть. А не забывъ,—не забудешь; не забывшись—не сдѣлаешь.

Для него самого, но не для насъ. Ему уронъ—прибыль намъ. Въ книгѣ есть то, что не всегда бываетъ въ величайшихъ созданіяхъ искусства. Послѣдняя глубина созерцанія—только въ послѣдней глубинѣ дѣйствія. Брутъ зналъ о Цезарѣ то, чего не знаетъ Шекспиръ. Будь семи пядей во лбу говорящій о дѣлѣ,—не сдѣлавшій не скажетъ того, что сдѣлавшій.

„Помню, я сидѣлъ въ тюрьмѣ и ждалъ казни. Днемъ я лежалъ на желѣзной койкѣ и читалъ прошлогоднюю Ниву... Какъ-то не вѣрилось въ смерть. Было какое-то странное равнодушіе. Не хотѣлось жить, но и умирать не хотѣлось. Не тревожилъ вопросъ, какъ прожита жизнь; не рождалось сомнѣніе, что тамъ,—за темною гранью. А вотъ помню: меня занимало, рѣжетъ ли веревка, больно ли задыхаться. И часто вечеромъ, послѣ повѣрки, когда на дворѣ затихалъ барабанъ, я пристально смотрѣлъ на желтый огонь моей лампы, стоявшей на покрытомъ хлѣбными крошками тюремномъ столѣ. Я спрашивалъ себя: нѣтъ ли страха въ душѣ? И отвѣчалъ себѣ: нѣтъ. Потому что мнѣ было все—все равно...

„А потомъ я бѣжалъ".

У кого не было веревки на шеѣ, тотъ не написалъ бы такъ. Можетъ быть, написалъ бы художественнѣе, трогательнѣе, страшнѣе, какъ Л. Андреевъ—Семь Повѣшенныхъ,—но н е т а к ъ.

Красота слова—красота дѣла. Можетъ быть, говорить о ней, любоваться ею грѣшно, но таковъ ужъ первородный грѣхъ всякой эстетики, всякой словесности.

Мы всѣ—эпигоны, послѣдыши, александрійцы, собиратели недожатыхъ колосьевъ; слово для слова, а не для дѣла—вотъ наша „блѣдная немочь“. Чтобы вылѣчиться, надо вернуться къ дѣлу. Хорошо говорить только тотъ, кто хорошо дѣлаетъ.

Ничего лишняго, ничего украшающаго. Красота слова—простота дѣла.

И какъ отдыхаешь на этой классической простотѣ отъ сложности дурного вкуса, на этой горной ясности—отъ болотной мглы Навьихъ Чаръ. Какъ радуешься, что снова понятенъ русскій языкъ; не нужно чувствовать себя дуракомъ, ломая голову надъ загадками, которыя, разгадавъ, видишь, что и разгадывать не стоило.

Дѣловая точность, сжатость, мастерство тѣхъ сокращеній, которыя въ живописи называются раккурсами, и требуетъ наибольшей силы кисти — таковы особенности Ропшинскаго языка. Слова вылетаютъ, какъ искры, изъ-подъ кующаго молота.

„Въ городѣ ѣдкая пыль и смрадъ. По пыльнымъ улицамъ тащатся вереницы ломовиковъ. Тяжело грохочутъ колеса. Тяжело везутъ тяжелые кони. Стучатъ пролетки. Ноютъ шарманки. Звонко звонятъ звонки конокъ“.

Это показалось бы нѣкогда декадентствомъ; но теперь это вошло въ языкъ, привилось къ нему, какъ пушкинская простота и толстовская искренность.

„Мы сидимъ въ грязномъ трактирѣ Прогрессъ. Хрипло гудитъ машина. Въ синемъ дыму бѣлѣютъ фартуки половыхъ“.

Не тотъ же ли это самый трактиръ, въ которомъ

„русскіе мальчики“ Достоевскаго ведутъ апокалипсическіе разговоры? Да и весь Конь Блѣдный—не воплощенное ли видѣніе Достоевскаго? Кого онъ звалъ, тѣ и пришли. У Достоевскаго геометрія тѣлъ, у Ропшина тѣла; тамъ—будетъ, здѣсь—было. Никакой современной книги не прочелъ бы Достоевскій съ такимъ негодованіемъ и любопытствомъ, какъ этой; ни отъ какой не почувствовалъ бы такъ, что яблочко отъ яблони недалеко падаетъ.

„Динамитъ сильно пахнетъ аптекой, у меня по ночамъ болитъ голова... А въ сердцѣ святыя слова: Я дамъ тебѣ звѣзду утреннюю“.

Вотъ русскій стиль начала XX вѣка, какъ—Бѣдная Лиза—XIX. Запахъ динамита, смѣшанный съ апокалипсическимъ ладаномъ. Одинъ волосокъ отдѣляетъ этотъ ужасъ отъ пошлости. Слава Богу, что книга не зачитана!

Печать живого—печать смѣха. Среди насъ, увы, рѣдчайшій даръ. Кажется, намъ легче умереть, чѣмъ усмѣхнуться. Кто перечтетъ прелестный разсказъ „не иначе,—кадеты“... или Ѳедора о „солидарной“, тотъ согласится, что со времени Чехова никто не смѣялся такъ, а если признакъ душевнаго здоровья—прощающій смѣхъ, то и никто не былъ такъ здоровъ.

Достоевскій, Ницше, декадентство, символизмъ, мистицизмъ, все прошло по этой душѣ, какъ вода по кремню. Отточило, но не разрушило; здоровье осталось здоровьемъ, кремень кремнемъ. И опять—слава Богу!

III

Въ маленькомъ нормандскомъ городкѣ, на берегу океана, противъ оконъ рыбачьяго домика, гдѣ я живу,—

городская школа. Я каждый день слышу, какъ учатъ дѣтей пѣть Марсельезу. Точно такъ же, какъ въ русскихъ гимназіяхъ учили насъ пѣть „Боже, царя храни“. Каждый день слышу и все не могу привыкнуть. Удивительна эта пѣснь кроваваго бунта, распѣваемая дѣтскими голосками, какъ почти колыбельная пѣсенка, республиканское баюшки-баю.

Революція сдѣлалась республикой, насилье—свободой, бунтъ—послушаніемъ, кровь, пролитая на площади—кровью, льющейся въ жилахъ дѣтей.

Такъ было и будетъ всегда.

„Убить всегда можно“, говоритъ Жоржъ, русскій террористъ, герой Коня Блѣднаго. Дѣти въ школѣ поютъ—и броненосцы, и дальнобойныя орудія, и военные аэропланы твердятъ: „Убить всегда можно“.

Кому и во имя чего можно убить,—иногда мѣняется; но что всегда можно,—остается неизмѣннымъ.

Это основная, хотя неписанная, статья всѣхъ законодательствъ; краеугольный, хотя невидимый, камень государственнаго права. Выньте этотъ камень и зданіе рушится. Нѣтъ насилья,—нѣтъ и закона; нѣтъ закона,—нѣтъ и государства. Никто никогда не говоритъ, что это такъ; но всѣ всегда дѣлаютъ, чтобы это было такъ.

Всѣ государственники—бывшіе революціонеры; всѣ революціонеры—будущіе государственники. Отъ Робеспьера до Наполеона одинъ шагъ; правда, нужно быть Наполеономъ, чтобы сдѣлать этотъ шагъ. Всякая государственность—застывшая революція; всякая революція—расплавленная государственность.

Законное насилье для насъ почти неощутимо, потому что слишкомъ привычно. Нельзя не дышать: дышимъ и законодательствуемъ; дышимъ и насилуемъ, проливаемъ кровь. Это ежедневное, ежечасное, ежесекундное кровопролитіе такъ же безболѣзненно, какъ правильное движеніе крови въ жилахъ. Эта по капелькѣ сочащаяся или только испаряющаяся кровь безцвѣтна, какъ воздухъ, безвкусна, какъ вода.

Но стоитъ ринуться толпѣ къ Бастиліи уже не съ дѣтской Марсельезой,—и привычное становится необычайнымъ; вкусъ крови—острымъ, лакомымъ или отвратительнымъ; утвержденіе: „убить всегда можно“,—недоумѣніемъ: когда можно и когда нельзя?

Самое опасное для государства во всѣхъ революціяхъ—не насиліе, а вотъ этотъ вопросъ о возможности, о святости насилія, т. е. о самомъ бытіи государственномъ, неосторожное прикосновеніе къ тому Соломонову перстню, въ которомъ заключенъ грознѣйшій изъ демоновъ бунта. Тысячи насилій, тысячи убійствъ невиннѣе предъ лицомъ государства, чѣмъ этотъ вопросъ, произнесенный шопотомъ.—„Только не прикасайтесь къ этому, не будите этого, не ворошите,—тутъ мѣсто заклятое, проходите мимо. Circulez, messieurs, circulez!“—какъ французскіе сержанты,—„честью просятъ“ насъ всѣ государственники и всѣ революціонеры.

Во всякой революціи наступаетъ такая рѣшительная минута, когда кому-то кого-то надо разстрѣлять, и при томъ непремѣнно съ легкимъ сердцемъ, какъ охотникъ подстрѣливаетъ куропатку. А если возникаютъ малѣйшее сомнѣніе, то все къ чорту летитъ,—революція не удалась.

Вопросъ о насиліи, метафизическій, нравственный, личный, общественный, возникалъ во всѣхъ революціяхъ. Но ни въ одной не обнажалось его значеніе религіозное съ такою неотразимою ясностью, съ такою рѣжущею остротою, какъ въ русскомъ освобожденіи.

И это вовсе не потому, что мы избранники. А просто времена уже не тѣ. Наступило лѣто—побѣлѣли жатвы. Можно, конечно, и теперь, послѣ Войны и Мира, Преступленія и Наказанія, стрѣлять въ людей, какъ въ куропатокъ,—но уже нѣтъ-нѣтъ, да и заскребутъ на сердцѣ кошки. Соломоновъ перстень разбитъ—не спаяешь; вырвался изъ него демонъ. Вотъ, кажется, главная причина того, что русское освобожденіе не удалось.

Не такъ ужъ мы, въ самомъ дѣлѣ, бездарны; не боги горшки обжигаютъ. Если бы мы шли опредѣленно и сознательно отъ одного государственнаго порядка къ другому, отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, то, по всей вѣроятности, давно уже были бы у пристани. Но мы отплыли отъ всѣхъ береговъ и пустились въ открытое море, въ поискахъ Града Божьяго. Немудрено, что потерпѣли крушеніе.

Здравый смыслъ могъ бы посмѣяться надъ нами: ловили журавля въ небѣ и выпустили синицу изъ рукъ; захотѣли „того, чего не бываетъ на свѣтѣ“, и получили шишъ.

Но послѣдній судъ надъ всемірной исторіей не всегда принадлежитъ здравому смыслу. И не ему—лучшій, потому что послѣдній, смѣхъ.

Кто знаетъ, можетъ быть, величіе русскаго освобожденія заключается именно въ томъ, что оно не удалось, какъ почти никогда не удается чрезмѣрное; но чрезмѣрное сегодня—завтрашняя мѣра всѣхъ вещей. Можетъ быть, величіе русскаго освобожденія въ томъ, что не промѣняло оно своего первородства на чечевичную похлебку.

Въ древней антологіи есть надгробная надпись: „Потерпѣвшій крушеніе на этомъ берегу мореплаватель

говоритъ тебѣ: подними паруса; вѣтеръ, погубившій насъ, умчалъ въ море стаю кораблей“.

Не должны ли мы сказать освобожденію грядущему: подыми паруса.

IV

„Убить всегда можно“—отвѣтъ на вопросъ: „если любишь, можно тогда убить или нельзя?“

Спрашиваетъ объ этомъ террориста Жоржа его противоположный двойникъ, террористъ Ваня. Жоржъ и Ваня—два воплощенія одного духа, двѣ стороны одного лица,—какъ бы Иванъ Карамазовъ и Алеша русской революціи. Въ ихъ противоположности, въ ихъ соединеніи—будущее.

— „Убить всегда можно.

— „Нѣтъ, не всегда. Нѣтъ, убить—тяжкій грѣхъ. Но вспомни: нѣтъ больше той любви, какъ если за други свои положитъ душу свою. Не жизнь, а душу. Пойми: нужно крестную муку принять; нужно изъ любви, для любви на все рѣшиться. Вотъ я живу. Для чего? Можетъ быть, для смертнаго моего часа живу. Молюсь: Господи, дай мнѣ смерть во имя любви. А объ убійствѣ вѣдь не помолишься. Убьешь, а молиться не станешь... И вѣдь знаю: мало во мнѣ любви, тяжелъ мнѣ мой крестъ... Какъ прольешь кровь? Какъ нарушишь законъ? А проливаемъ и нарушаемъ... Вѣрую во Христа, вѣрую. Но я не съ Нимъ. Недостоенъ быть съ Нимъ, ибо въ грязи и крови.

— „Такъ не убій. Уйди.

— „Какъ можешь ты это сказать? Какъ смѣешь? Вотъ, душа моя скорбитъ смертельно. Но я не могу не

идти, ибо я люблю. Если крестъ тяжелъ,—возьми его. Если грѣхъ великъ,—прими его. А Господь пожалѣетъ тебя и проститъ.—И проститъ,—повторяетъ онъ шопотомъ".

И, когда уже идетъ на убійство, вопросъ этотъ возвращается, повторяется, какъ однообразный напѣвъ.

— „Ну, Жоржикъ, прощай. Навсегда прощай. И будь счастливъ.

— „Ваня, а *не убій*!?..

— „Нѣтъ, Жоржикъ, нѣтъ.

— „Это ты говоришь?

— „Да, я говорю. *Чтобы потомъ не убивали*. Чтобы потомъ люди по Божьи жили, чтобы любовь освящала міръ.

— „Это кощунство, Ваня.

— „Знаю. А *не убій*?..

„Не убій", противопоставленное, какъ послѣднее „нѣтъ" закона послѣднему „да" любви—развѣ не кощунство?

„Я исполнилъ мой долгъ,—пишетъ онъ изъ тюрьмы передъ казнью.—Жду суда и спокойно встрѣчу приговоръ.—Можетъ быть, тебѣ странно, что я говорилъ о любви и рѣшился убить, т. е. совершилъ тягчайшій грѣхъ противъ людей и Бога.—Я не могъ. Будь во мнѣ чистая и невинная вѣра учениковъ, было бы, конечно, не то. Я вѣрю: не мечомъ, а любовью спасется міръ, такъ любовью онъ и устроится. Но я не зналъ въ себѣ силы *жить* во имя любви и понялъ, что могу и долженъ во имя ея *умереть*".

Умереть — убить. Убить другого — самому умереть вѣчною смертью, положить не жизнь, а душу свою за любовь.

„У меня нѣтъ раскаянья, нѣтъ и радости отъ совершеннаго мною. Кровь мучитъ меня, и *я знаю*: смерть не есть еще искупленіе. Но знаю также: „Азъ есмь Истина, и Путь, и Животъ".—Люди будутъ судить меня.—Кромѣ ихъ суда будетъ, я вѣрю, судъ Божій. Мой грѣхъ безмѣрно великъ, но и милосердіе Христово не имѣетъ границъ".

Жоржъ, читая это письмо, счастливъ, какъ будто знаетъ, что Ваня спасенъ,—и его, Жоржа, еще не любящаго, не вѣрующаго, своею любовью и вѣрой спасетъ..

„Свѣтлымъ праздникомъ, торжественнымъ воскресеніемъ звучатъ пророческія слова:

„Отъ престола раздался громкій голосъ, говорящій: совершилось".

„Я счастливъ: да, совершилось".

„Кощунство,—скажутъ люди, религіозно оправдывающіе противоположное государственное насилье. Что въ ихъ устахъ само слово о кощунствѣ—кощунство, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Но вѣдь не только имъ, а и Ванѣ „убій" и „не убій" кажутся двумя равными кощунствами.

Въ чемъ же дѣло? Откуда этотъ вопросъ? И почему у обѣихъ сторонъ одинаковое забвеніе всемірной исторіи? Вотъ уже почти два тысячелѣтія, какъ люди только и дѣлаютъ, что убиваютъ во имя Христа, и видятъ въ этомъ не кощунство, а святость. Святъ Сергій Радонежскій, благословляющій воиновъ; святъ Александръ Невскій, растопившій ледъ кровью; почти святъ Суворовъ, при взятіи Праги, навалившій груды на груды человѣческихъ тѣлъ. И мы, грѣшные, до сихъ поръ чувствуемъ, что эти святые *были* святы,—иначе, нѣтъ

у насъ родины, нѣтъ прошлаго, нѣтъ будущаго.—А никому изъ нихъ въ голову не приходило спрашивать: можно ли воевать-убивать во имя Христа? Еще бы нельзя, когда свято.

Но вотъ люди безъ роду, безъ племени, сегодняшніе убійцы, завтрашніе висѣльники спрашиваютъ о кощунствѣ тамъ, гдѣ святые не спрашивали; видятъ предѣлъ святости тамъ, гдѣ святые не видѣли. Не когда и за что, не кому и кого можно,—а можно ли вообще когда бы, за что бы, кому бы и кого бы то ни было, убивать во имя Христа,—спрашиваетъ Ваня.

И единственные два отвѣта—государственно-революціонное „убій", „разрѣшеніе крови по совѣсти". и мнимо-христіанское, подлинно-буддійское, толстовское, духоборческое „не убій", „непротивленіе злу насильемъ" — одинаково плоски, нерелигіозны, кощунственны. Въ обоихъ отвѣтахъ глубина вопроса не услышана. Какъ будто спрашивающій не знаетъ, что нельзя убить, что убійство неискупимый „тягчайшій грѣхъ противъ людей и Бога", вѣчная погибель; но вмѣстѣ съ тѣмъ знаетъ онъ, что надо убить, надо погибнуть, принять грѣхъ, „положить не жизнь, а душу свою за любовь", въ мѣру любви;—если же мѣра любви его—не жизнь, а смерть: умереть—убить,—то это не его вина: онъ больше любить не можетъ. Кто любитъ больше, пусть первый броситъ въ него камень.

Нельзя и надо. Надо и нельзя. Весь вопросъ въ томъ, какъ выйти изъ этого противорѣчія.

Это не противоположность добра и зла, закона и преступленія, кощунства и святости, а противорѣчіе въ самомъ добрѣ, въ самомъ законѣ, въ самой святынѣ.

Это, можетъ быть, не только человѣческая, но и божеская антиномія Ветхаго и Новаго завѣта, Отца и Сына.

„Цѣпь неразрывная. Нѣтъ мнѣ выхода, нѣтъ исхода. Иду убивать, а самъ въ Слово вѣрю, поклоняюсь Христу. Больно мнѣ, больно..."

Пусть боль не искупаетъ, не оправдываетъ;—но, съ такою болью кто шелъ ко Христу? Съ такою болью и съ такою надеждою?

„Свѣтлымъ праздникомъ, торжественнымъ воскресеніемъ звучатъ пророческія слова: „Отъ престола раздался громкій голосъ, говорящій: совершилось".

„Я счастливъ: да, совершилось".

Пусть это кощунство;—но съ такимъ кощунствомъ и съ такою жаждою святости кто вѣрилъ во Христа?

Да, вотъ что страшнѣе всего: н е б ы в а л о е. Во всякомъ страданіи человѣкъ можетъ утѣшиться: не я первый,—это было и съ другими людьми до меня. Но этого утѣшенія для Вани уже нѣтъ. Того, чѣмъ онъ страдаетъ, не испытывала еще ни одна душа человѣческая. Онъ одинъ, онъ первый. Безъ опыта, безъ помощи. Гибнетъ или спасается—за свой собственный страхъ. И не поможетъ ему вся мудрость мудрецовъ, вся святость святыхъ. Спрашиваетъ—и люди молчатъ, небо молчитъ, какъ будто само Слово молчитъ, можетъ быть, потому, что не исполнились еще времена и сроки, чтобы отвѣтить. Но и замолчать вопросъ, уйти отъ него уже нельзя, некуда—поздно.

„Исхода нѣтъ", говоритъ Ваня. Но знаетъ, что есть или будетъ исходъ, хотя, можетъ быть, болѣе страшный для человѣческаго разума, чѣмъ сама безысходность. Онъ также знаетъ, что разумъ—н е в с е, что, „кромѣ

разума, есть еще что-то, да шоры у насъ на глазахъ—не видимъ, не знаемъ".

На религіозный вопросъ о насиліи можетъ отвѣтить не разумъ, а только это именно „еще что-то", большее, чѣмъ разумъ.

— „Трудно въ чудо повѣрить. А если въ чудо повѣришь, то уже нѣтъ вопросовъ. Зачѣмъ насиліе тогда? Зачѣмъ мечъ? Зачѣмъ кровь? Зачѣмъ „не убій"? А вотъ нѣту въ насъ вѣры. Чудо, молъ, дѣтская сказка. Но послушай и самъ скажи, сказка или нѣтъ".

И Ваня читаетъ Жоржу Евангеліе о воскрешеніи Лазаря, о воскресеніи Христа.

Вопросъ о насиліи—вопросъ о чудѣ.

Государственный порядокъ — продолженіе порядка естественнаго; законы государственные — продолженіе законовъ природы: государство такъ же естественно, природно человѣку, какъ пчелѣ—улій, муравью—муравейникъ. Законъ государственный—звено въ той цѣпи причинности, необходимости, которую разумъ человѣческій считаетъ своимъ собственнымъ верховнымъ закономъ. Нельзя мыслить разумно, внѣ закона причинности; нельзя жить разумно, внѣ закона государственнаго. Но, если, кромѣ разума, есть „еще что-то", то и кромѣ государства. Выходъ изъ порядка естественнаго, разумнаго, необходимаго, государственнаго, прерывъ въ цѣпи причинности и есть чудо. Отрицаніе насилія государственнаго, отрицаніе необходимости и есть утвержденіе чуда. Крайнее насиліе природы—смерть, крайнее насиліе человѣческое — убійство. „Убить всегда можно", говоритъ законъ человѣческій вмѣстѣ съ природою. Не убьешь—не проживешь. Сказать живущему: не убій—такъ же трудно, какъ сказать умершему: воскресни.

Побѣдить насиліе—значитъ побѣдить смерть. Только смертью смерть Побѣдившій, Воскресшій и Воскрешающій можетъ сказать: не убій; — можетъ упразднить насиліе въ свободѣ, царство отъ міра сего въ царствѣ Божьемъ, государство въ Церкви.

Вопросъ о чудѣ—вопросъ о Церкви. Церковь—или ничто, „гнусный обманъ жрецовъ", или непрестанное, очевидное, всемірно-историческое чудо, ибо Церковь совершается Таинствомъ, а Таинство—чудомъ. Отношеніе насилія къ свободѣ, необходимости къ чуду, есть отношеніе государства къ Церкви.

Но вопросы эти уже за предѣлами Коня Блѣднаго. Онъ только подходитъ къ нимъ и черезъ нихъ—къ намъ, потому что мы—воплощенный вопросъ о Церкви.

Достоевскій все это предвидѣлъ. Но лишь предвидѣлъ, а не испыталъ. Испугался и спрятался. Въ религіозномъ вопросѣ о насиліи между Достоевскимъ и Конемъ Блѣднымъ—такая же разница, какъ между химической формулой взрыва и взрывомъ. Тотъ сказалъ, этотъ сдѣлалъ.

V

Жоржъ погибаетъ, потому что убилъ? Нѣтъ, скорѣе наоборотъ: убиваетъ, потому что погибъ.

Почти тотчасъ послѣ убійства губернатора, убиваетъ онъ мужа своей любовницы.

Глубочайшій замыселъ книги, хотя слишкомъ слабо намѣченный,—параллелизмъ этихъ двухъ убійствъ, параллелизмъ пола и общественности—двухъ сообщающихся сосудовъ, въ которыхъ жидкость стремится къ одному уровню. Быть въ родѣ—значитъ быть въ госу-

дарствѣ. Начало родовое, безличное—начало государственное. Любить женщину безъ ревности, безъ насилія надъ личностью—такое же чудо, какъ любить родину безъ революціоннаго или государственнаго насилія. Между бракомъ и блудомъ нѣтъ границы внѣ Церкви—внѣ чуда. Прелюбодѣяніе—половое убійство.

О, какъ убійственно мы любимъ!
Какъ въ буйной слѣпотѣ страстей,
Мы то всего вѣрнѣе губимъ,
Что сердцу нашему милѣй!

Любить—убить. „Убить всегда можно“, говоритъ онъ.—Любить всегда можно,—говоритъ она.—„Зачѣмъ ты такъ говоришь: то можно, то нельзя?.. Въ счастьи нѣтъ грѣха... Почему я должна любить одного?.. Зачѣмъ выбирать?“

Она повторяетъ его же слова, и ему отвѣтить нечего. „Въ моемъ желаніи—мое право. Я такъ хочу“,—не отвѣтъ. „Ты для себя лишь хочешь воли“—могла бы она возразить, какъ Земфира. Одно и то же смердяковское: „все позволено“—у нея въ полѣ, у него—въ общественности. Одинъ уровень въ двухъ сообщающихся сосудахъ.

Когда онъ думаетъ о соперникѣ, ему кажется, что онъ думаетъ не о немъ, а о томъ, кого уже нѣтъ: „мнѣ кажется, что губернаторъ все еще живъ“.

Два убійства—одно.

„До сихъ поръ я имѣлъ оправданіе: я убиваю во имя идеи, во имя дѣла. Но вотъ я убилъ для себя. Я захотѣлъ и убилъ. Кто судья? Кто судитъ меня? Кто оправдываетъ?.. Нѣту грани, нѣтъ различія. Почему для идеи бить—хорошо, для отечества—нужно, а для себя—невозможно? Кто мнѣ отвѣтитъ?“

Въ обоихъ убійствахъ—самый обыкновенный убійца, разбойникъ. „Мой разбойничій выстрѣлъ выжегъ любовь“—любовь не только къ женщинѣ, но и къ родинѣ. Хуже, чѣмъ разбойникъ,—палачъ: „я—мастеръ краснаго цеха; я опять займусь ремесломъ; буду жить смертью“.

„Мы—нищіе духомъ,—говоритъ Ваня.—Чѣмъ, милый, мы живемъ? Голой ненавистью живемъ... Душимъ, рѣжемъ, жжемъ. И насъ душатъ, вѣшаютъ, жгутъ. Во имя чего?“

Да, во имя чего?—„Я не хочу быть рабомъ. Я не хочу, чтобы были рабы“.—Но если послѣдній отвѣтъ на всѣ вопросы: „въ моемъ желаніи—мое право; я такъ хочу и такъ дѣлаю“,—то свобода одного, произволъ одного—рабство всѣхъ: „ты для себя лишь хочешь воли“.

„Я вѣрю, что сила ломитъ солому“. Но вѣдь это и есть вѣра въ абсолютную власть, та самая вѣра, которою держатся всѣ черныя сотни, всѣ старые порядки, въ томъ числѣ и русскій. Онъ, кость отъ кости, дитя стараго порядка. Отъ него и къ нему идетъ. Какъ будто борется съ нимъ, отрицаетъ, а на самомъ дѣлѣ, помогаетъ, утверждаетъ. Мнимая революція—подлинная реакція.

Революція для него не общественное, а личное дѣло. „Я одинъ. Я ни съ кѣмъ.—То—комитетъ, а то—я“... говоритъ онъ члену центральнаго комитета и могъ бы сказать всей Россіи: то—Россія, а то—я. Государство—это я. Революція—это я.

Нерелигіозное самоутвержденіе приводитъ къ самоотрицанію, самоубійству личности.

—„Никого ты не любишь, даже себя“, говоритъ ему Ваня и сравниваетъ его съ остервенѣвшимъ отъ злобы

извозчикомъ, который хлещетъ лошаденку вожжей по глазамъ.—„Такъ и ты, Жоржикъ, всѣхъ бы ты вожжей по глазамъ. Эхъ, ты, бѣднята!“

Не сильный и страшный, а слабый и жалкій человѣкъ. Это слабость и жалость всей русской революціи.

Судъ любви—страшный судъ. Насколько страшнѣе, чѣмъ судъ ненависти! Какой дѣтскій лепетъ передъ этимъ судомъ всѣ обличенія Вѣхъ! Какъ безпомощны всѣ науськиванія и подсиживанія не только современныхъ бѣсенятъ, но и Бѣсовъ Достоевскаго!

„Богъ есть любовь.—Я не люблю и не знаю Бога.—Проклятъ міръ.—Нѣтъ любви, нѣтъ міра, нѣтъ жизни. Есть только смерть.—Я могу сказать про себя: „я взглянулъ—и вотъ Конь Блѣдный, и на немъ всадникъ, которому имя: Смерть“.

Это самоосужденіе революціонера было бы осужденіемъ революціи, если бы не было Вани. Напрасно Жоржъ хочетъ стереть то, что ихъ раздѣляетъ.

„Ваня вѣрилъ во Христа, я не вѣрю. Я лгу, шпіоню и убиваю. Ваня лгалъ, шпіонилъ и убивалъ.—Въ чемъ же разница между нами?“

Гибелью своею отвѣтилъ онъ на этотъ вопросъ. Въ гибели Жоржа—послѣднее „нѣтъ“; въ гибели Вани—послѣднее „да“ освобожденія. Одинъ весь—любовь; другой—весь ненависть. Одинъ знаетъ, во имя чего борется; другой не знаетъ. Для одного—„нельзя и надо“; для другого не надо, хотя и можно.—„Я не хочу убивать. Зачѣмъ?—Ничего больше дѣлать не буду. Прощайте“. Жоржъ уходитъ; Ваня приходитъ. Тотъ—конецъ стараго; этотъ—начало новаго.

Но недаромъ любятъ они другъ друга, какъ братья-близнецы. Ваня отвѣчаетъ за Жоржа, какъ прошлое

отвѣчаетъ за будущее. Недаромъ прозвучали нѣкогда и въ сердцѣ самого Жоржа святыя слова: я дамъ тебѣ звѣзду утреннюю.—„Свѣтлымъ праздникомъ, торжественнымъ воскресеніемъ“, можетъ быть, прозвучатъ для него когда-либо и эти святыя слова, съ которыми Ваня умираетъ:

— „Я вѣрю: вотъ идетъ дѣло крестьянское, христіанское, Христово. Во имя Бога, во имя любви.—Маловѣры мы и слабы, какъ дѣти, и поэтому подымаемъ мечъ. Не отъ силы своей, а отъ страха и слабости. Подожди, завтра придутъ другіе, чистые. Мечъ не для нихъ, ибо будутъ сильны. Но раньше, чѣмъ придутъ,—мы погибнемъ. А внуки дѣтей будутъ Бога любить, въ Богѣ жить, Христу радоваться. Міръ имъ откроется вновь, и узрятъ въ немъ то, чего мы не видимъ“.

Пусть наши кости сгніютъ прежде, чѣмъ исполнится это пророчество;—уже и теперь могутъ указать на него въ отвѣтъ на обычную провокацію: „гдѣ ваши дѣла?“—люди, вѣрящіе въ религіозную правду освобожденія: это сказано—сдѣлано, ибо, кто сказалъ, тотъ и сдѣлалъ.

Повторимъ же вмѣстѣ съ Ваней: „Будетъ удача! Услышитъ Господь моленія наши“.

Не знаемъ, когда, гдѣ и какъ, но знаемъ: будетъ.

ИВАНЫЧЪ И ГЛѢБЪ

ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

I

Глѣбу Иванычу Успенскому, во время предсмертной душевной болѣзни, казалось, что онъ состоитъ изъ двухъ личностей—„Глѣба“ и „Иваныча“.

„Борьба между ними идетъ ожесточенная,—записываетъ лѣчившій Успенскаго врачъ. — Случалось, что Глѣбъ отвоевывалъ свое существованіе, но ненадолго. Иванычъ снова заполнялъ Глѣба. При окончательномъ его пораженіи, больной не только казался себѣ, но и дѣйствительно являлся въ самыхъ отвратительныхъ видахъ, до образа свиньи включительно, съ ея черепомъ, и мордою, и хребтомъ, и ребрами, и даже перестановкою верхнихъ конечностей снаружи внутрь: руки его такъ и тянулись къ тому, чтобы сростись съ грудью и направиться впередъ; онъ употреблялъ неимовѣрныя усилія, чтобы перетянуть ихъ назадъ“.

При торжествѣ Глѣба, совершалось превращеніе обратное—„свиньи“ въ „ангела Господня“.—„Увѣряю тебя, дорогая моя,—писалъ онъ въ то время женѣ,—горячая любовь къ Богу съ каждой минутой охватываетъ меня все больше и больше. Величайшее счастье—жить на бѣломъ свѣтѣ; свѣтлое, далекое будущее обрадуетъ всѣхъ, кто меня любитъ. А я люблю всѣхъ и воскресаю

въ любви ко всѣмъ страждущимъ и обремененнымъ".— И подписывался: „Ангелъ Господень Глѣбъ".

Душевная болѣзнь Успенскаго, какъ это часто бываетъ съ такими болѣзнями, не исказила, а только обнажила сердце его, давая возможность какъ бы заглянуть въ это сердце сквозь раскрытую рану.

Успенскій—типичнѣйшій русскій интеллигентъ. А если такъ, то по обнаженному сердцу его нельзя ли изслѣдовать то отношеніе христіанскаго подвижничества къ интеллигентскому героизму, о которомъ вопросъ поднятъ С. Н. Булгаковымъ въ Вѣхахъ?

„Какъ между мучениками первохристіанства и революціи, въ сущности, нѣтъ никакого внутренняго сходства, при всемъ внѣшнемъ тожествѣ ихъ подвига,— говоритъ Булгаковъ,—такъ и между интеллигентскимъ героизмомъ и христіанскимъ героизмомъ остается пропасть, и нельзя одновременно находиться на обѣихъ ея сторонахъ. Одно должно умереть, чтобы родилось другое, и, въ мѣру умиранія одного, возрастаетъ и укрѣпляется другое".

Въ мѣру умиранія Иваныча, возрастаетъ Глѣбъ, и наоборотъ. Это и есть душевная болѣзнь—раздвоеніе единой личности—Глѣба Ивановича.

Ежели русскіе интеллигенты всѣ сплошь Иванычи-свиньи, то надо помириться съ тѣмъ, что русская интеллигенція — стадо свиней, которому уподобляетъ ее Достоевскій въ Бѣсахъ: „бѣсы вошли въ свиней; и бросилось стадо съ крутизны въ озеро и потонуло". Туда ему и дорога.

Но ежели русскій интеллигентъ не одна изъ двухъ половинъ, не Глѣбъ и не Иванычъ, а цѣльная личность,— то, когда погибъ Иванычъ, куда дѣвался Глѣбъ? На это

Булгаковъ не только не отвѣчаетъ, но объ этомъ и не спрашиваетъ.

А вѣдь главный ужасъ трагедіи, пережитой Успенскимъ, переживаемой всею русскою интеллигенціей,— не въ языческомъ героизмѣ, или простомъ свинствѣ Иваныча, не въ христіанскомъ подвижничествѣ, или простомъ „сумасшествіи" Глѣба, а въ ихъ смѣшеніи, сращеніи, въ томъ, что съ одинаковой возможностью свинья превращается въ ангела и ангелъ въ свинью. Булгаковъ опять-таки не только не преодолѣваетъ, но и не видитъ этого ужаса.

Видитъ лишь „свиное рыло" Иваныча, „безбожнаго" русскаго интеллигента.—„Въ здоровомъ состояніи Успенскій былъ совершенно равнодушенъ къ религіознымъ вопросамъ, говоритъ Н. К. Михайловскій.—Не то, чтобы не вѣрилъ въ бытіе Божіе или въ истинность христіанскихъ догматовъ, а просто не останавливался на этихъ вопросахъ".

Ну, конечно, это не такъ просто, какъ представляется безбожному Михайловскому и православному Булгакову.

Глубже смотритъ Короленко: „Въ послѣдній періодъ слова „Богъ", „нѣтъ Бога въ душѣ", въ рѣчахъ и писаніяхъ Успенскаго, попадались часто, и мнѣ кажется, что въ нихъ было больше, чѣмъ простая форма.—Можетъ быть, уже тогда въ душѣ его вставали мысли и образы, которые впослѣдствіи отлились въ опредѣленныя представленія инокини Маргариты (одно изъ его видѣній), ангеловъ, Бога".

Но глубже всѣхъ опредѣляетъ „безбожіе" Успенскаго В. Починковская въ своихъ Воспоминаніяхъ (Минувшіе Годы, I и II, 1908). „Въ послѣднихъ

I

Глѣбу Иванычу Успенскому, во время предсмертной душевной болѣзни, казалось, что онъ состоитъ изъ двухъ личностей—„Глѣба“ и „Иваныча“.

„Борьба между ними идетъ ожесточенная,—записываетъ лѣчившій Успенскаго врачъ. — Случалось, что Глѣбъ отвоевывалъ свое существованіе, но ненадолго. Иванычъ снова заполнялъ Глѣба. При окончательномъ его пораженіи, больной не только казался себѣ, но и дѣйствительно являлся въ самыхъ отвратительныхъ видахъ, до образа свиньи включительно, съ ея черепомъ, и мордою, и хребтомъ, и ребрами, и даже перестановкою верхнихъ конечностей снаружи внутрь: руки его такъ и тянулись къ тому, чтобы срастись съ грудью и направиться впередъ; онъ употреблялъ неимовѣрныя усилія, чтобы перетянуть ихъ назадъ“.

При торжествѣ Глѣба, совершалось превращеніе обратное—„свиньи“ въ „ангела Господня“.—„Увѣряю тебя, дорогая моя,—писалъ онъ въ то время женѣ,—горячая любовь къ Богу съ каждой минутой охватываетъ меня все больше и больше. Величайшее счастье—жить на бѣломъ свѣтѣ; свѣтлое, далекое будущее обрадуетъ всѣхъ, кто меня любитъ. А я люблю всѣхъ и воскресаю

въ любви ко всѣмъ страждущимъ и обремененнымъ".— И подписывался: „Ангелъ Господень Глѣбъ".

Душевная болѣзнь Успенскаго, какъ это часто бываетъ съ такими болѣзнями, не исказила, а только обнажила сердце его, давая возможность какъ бы заглянуть въ это сердце сквозь раскрытую рану.

Успенскій—типичнѣйшій русскій интеллигентъ. А если такъ, то по обнаженному сердцу его нельзя ли изслѣдовать то отношеніе христіанскаго подвижничества къ интеллигентскому героизму, о которомъ вопросъ поднятъ С. Н. Булгаковымъ въ Вѣхахъ?

„Какъ между мучениками первохристіанства и революціи, въ сущности, нѣтъ никакого внутренняго сходства, при всемъ внѣшнемъ тожествѣ ихъ подвига,— говоритъ Булгаковъ,—такъ и между интеллигентскимъ героизмомъ и христіанскимъ героизмомъ остается пропасть, и нельзя одновременно находиться на обѣихъ ея сторонахъ. Одно должно умереть, чтобы родилось другое, и, въ мѣру умиранія одного, возрастаетъ и укрѣпляется другое".

Въ мѣру умиранія Иваныча, возрастаетъ Глѣбъ, и наоборотъ. Это и есть душевная болѣзнь—раздвоеніе единой личности—Глѣба Ивановича.

Ежели русскіе интеллигенты всѣ сплошь Иванычи-свиньи, то надо помириться съ тѣмъ, что русская интеллигенція — стадо свиней, которому уподобляетъ ее Достоевскій въ Бѣсахъ: „бѣсы вошли въ свиней; и бросилось стадо съ крутизны въ озеро и потонуло". Туда ему и дорога.

Но ежели русскій интеллигентъ не одна изъ двухъ половинъ, не Глѣбъ и не Иванычъ, а цѣльная личность,— то, когда погибъ Иванычъ, куда дѣвался Глѣбъ? На это

Булгаковъ не только не отвѣчаетъ, но объ этомъ и не спрашиваетъ.

А вѣдь главный ужасъ трагедіи, пережитой Успенскимъ, переживаемой всею русскою интеллигенціей,— не въ языческомъ героизмѣ, или простомъ свинствѣ Иваныча, не въ христіанскомъ подвижничествѣ, или простомъ „сумасшествіи" Глѣба, а въ ихъ смѣшеніи, срощеніи, въ томъ, что съ одинаковой возможностью свинья превращается въ ангела и ангелъ въ свинью. Булгаковъ опять-таки не только не преодолѣваетъ, но и не видитъ этого ужаса.

Видитъ лишь „свиное рыло" Иваныча, „безбожнаго" русскаго интеллигента.—„Въ здоровомъ состояніи Успенскій былъ совершенно равнодушенъ къ религіознымъ вопросамъ, говоритъ Н. К. Михайловскій.—Не то, чтобы не вѣрилъ въ бытіе Божіе или въ истинность христіанскихъ догматовъ, а просто не останавливался на этихъ вопросахъ".

Ну, конечно, это не такъ просто, какъ представляется безбожному Михайловскому и православному Булгакову.

Глубже смотритъ Короленко: „Въ послѣдній періодъ слова „Богъ", „нѣтъ Бога въ душѣ", въ рѣчахъ и писаніяхъ Успенскаго, попадались часто, и мнѣ кажется, что въ нихъ было больше, чѣмъ простая форма.—Можетъ быть, уже тогда въ душѣ его вставали мысли и образы, которые впослѣдствіи отлились въ опредѣленныя представленія инокини Маргариты (одно изъ его видѣній), ангеловъ, Бога".

Но глубже всѣхъ опредѣляетъ „безбожіе" Успенскаго В. Починковская въ своихъ Воспоминаніяхъ (Минувшіе Годы, I и II, 1908). „Въ послѣднихъ

письмахъ изъ Колмова (лѣчебница, гдѣ провелъ онъ послѣдніе годы) появляется нѣчто какъ будто новое — восторженность религіознаго чувства. Психіатры опредѣлили психозъ... Въ самомъ дѣлѣ, что это такое?... Безуміе или осіявшая истина.—„Глубокая любовь къ Богу и ко всей твари",—вотъ новый видъ этого ненормальнаго состоянія... Но дѣйствительно ли было тутъ новое?—Здоровый, онъ никогда не говорилъ ни о Богѣ, ни о религіи. Но, (можетъ быть, во всей русской литературѣ не найдется писателя болѣе религіознаго, чѣмъ онъ.) Богъ какъ будто всегда стоитъ передъ нимъ, когда онъ пишетъ.—Больной и здоровый, онъ вѣренъ себѣ самому, онъ все тотъ же".

Того, что сказано здѣсь о русскомъ интеллигентѣ по преимуществу,—нельзя ли сказать и о всей русской интеллигенціи? Можетъ быть, и у нея безбожіе—не безбожіе, а только безмолвіе о Богѣ?

Болѣзнь Успенскаго — зараза; онъ заболѣлъ ею первый, но не послѣдній; въ большей или меньшей степени, заражены ею мы всѣ: во всѣхъ насъ борется Глѣбъ съ Иванычемъ. Глѣбъ хочетъ превратить Иваныча въ свинью, что дѣлаютъ Вѣхи; Иванычъ—Глѣба въ сумасшедшаго, что дѣлаютъ противники Вѣхъ.

Конецъ борьбы—одно изъ двухъ: или соединеніе героической правды Иваныча съ подвижнической правдой Глѣба; или конецъ самой личности—самоистребленіе.

Однажды, въ припадкѣ безумія, Успенскій „размозжилъ себѣ мягкія части темени камнемъ". Не это ли именно сейчасъ происходитъ съ Булгаковымъ и остальными участниками Вѣхъ?

II

„Юродивый Парамонъ былъ самый настоящій крестьянскій, мужицкій святой человѣкъ. Происходилъ онъ изъ мужиковъ, былъ женатъ, но, повинуясь гласу и видѣнію, оставилъ домъ, жену, дѣтей и ушелъ спасать свою душу.—Душу онъ спасалъ также русскимъ крестьянскимъ способомъ, т. е., самымъ подлиннымъ умерщвленіемъ плоти: на головѣ носилъ чугунную, около полу-пуда вѣсомъ, шапку, обшитую чернымъ сукномъ, въ рукѣ таскалъ чугунную полутора-пудовую палку, а на тѣлѣ носилъ вериги.

„Помню потрясающее впечатлѣніе, которое произвело на весь нашъ домъ первое его появленіе.—Онъ шелъ медленно. Голова въ тяжелой шапкѣ свѣсилась къ груди и качалась, какъ бы въ забытьи; каждый шагъ босыми ногами задерживался тяжелой палкой, которую переставливать надо было съ большими усильями. Тяжело тукала она въ землю, и этотъ короткій, тупой звукъ больно отдавался въ больномъ сердцѣ каждаго зрителя. Что-то необыкновенное—не то погибель, не то милость, не то само будущее—шло къ намъ".

Будущее Глѣба Ивановича Успенскаго—вся его жизнь, вся судьба шла къ нему въ лицѣ Парамона Юродиваго; шелъ Глѣбъ на борьбу съ Иванычемъ.

И какъ пришелъ разъ, тогда въ дѣтствѣ—такъ ужъ не уходилъ никогда. Только спрятался за Иваныча.

„Въ послѣдній періодъ жизни Успенскаго,—говоритъ Короленко,—проснулся въ немъ обычный типъ подвижника, знакомый нашей русской старинѣ".—

Проснулся, потому что дремалъ всегда. „Больной и здоровый, онъ вѣренъ себѣ самому, онъ все тотъ же."

„Можетъ быть, въ другія времена его бы оставили на свободѣ,—продолжаетъ Короленко,—и онъ бродилъ бы по деревнямъ, или жилъ бы въ какой-нибудь обители, и говорилъ бы людямъ о своей инокинѣ Маргаритѣ, которая учитъ побѣждать въ человѣкѣ звѣря и помогаетъ святому Глѣбу бороться съ животнымъ Иванычемъ".

Это значитъ: въ другія времена сумасшедшій Глѣбъ оказался бы святымъ Глѣбомъ или Парамономъ Юродивымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ лишь нѣсколько пристальнѣе вглядѣться въ жизнь и творчество Успенскаго, чтобы увидѣть Глѣба изъ-за Иваныча.

III

Я помню Успенскаго въ концѣ 80-хъ годовъ, когда болѣзнь уже подкрадывалась къ нему; я встрѣчался съ нимъ въ редакціи Отечественныхъ Записокъ и Сѣвернаго Вѣстника; былъ у него въ Чудовѣ. Онъ познакомилъ меня съ народнымъ проповѣдникомъ Василіемъ Сютаевымъ, толстовцемъ до Толстого.

Однажды, завидѣвъ меня, Глѣбъ Ивановичъ подошелъ ко мнѣ торопливо, какъ будто за спѣшнымъ дѣломъ, схватилъ обѣ руки мои, крѣпко сжалъ въ своихъ и, пристально глядя мнѣ въ глаза, проговорилъ своимъ особеннымъ, какъ будто задыхающимся, захлебывающимся шопотомъ:

— Какъ хорошо! Ахъ, какъ хорошо!

— Что такое?

— Да вотъ то, что вы написали. Развѣ не помните? А я все твержу наизусть.

И онъ повторилъ четыре стиха изъ переведеннаго мною отрывка древней буддійской книги Лалита-Вистары—молитвенное обращеніе къ Буддѣ:

Въ этотъ пламень необъятный
Мукъ, желаній и страстей
Ты, какъ ливень благодатный,
Слезы жалости пролей.

— Да это не мое, Глѣбъ Ивановичъ.

— Ну, все равно, чье... А только какъ хорошо! Вотъ именно: слезы—въ пламень необъятный...

И вдругъ выпустилъ мои руки, какъ будто задумался, забылъ обо мнѣ. Привычнымъ движеніемъ пальцевъ пощипывая свою жиденькую, интеллигентски-мужичью бородку, раскуривая свою вѣчно-тухнущую папиросу, склонилъ голову на бокъ, какъ будто прислушиваясь; неизмѣнный, нелѣпый и милый хохолъ торчалъ на макушкѣ, какъ у больной взъерошенной птицы; одна бровь поднялась выше другой, наморщивъ кожу на лбу въ болѣзненныя складки. И онъ повторилъ еще разъ про себя:

— Вотъ именно: слезы—ливень благодатный...

Но безъ слезъ, горячечно-сухимъ блескомъ блестѣли его собственные глаза, какъ будто онъ давно уже хотѣлъ, но не могъ плакать. Никогда не забуду я этихъ глазъ, широко раскрытыхъ, свѣтлыхъ, плачущихъ безъ слезъ. Тогда я не понялъ ихъ—теперь понимаю: передо мною былъ великій христіанскій подвижникъ, „святой Глѣбъ". И въ томъ не разубѣдятъ меня сорокъ тысячъ Булгаковыхъ.

Любить — жалѣть, по слову народному. Это не

буддійская жалость, но и не христіанская милость. Это что-то иное, болѣе жгучее, жалящее, пронзающее. Не христіанское, но, можетъ быть, Христово? „Это разъ пронзаетъ сердце—и навѣки остается рана“, по слову Достоевскаго. Кто не заглянулъ сквозь эту рану въ сердце русскаго народа и русской интеллигенціи—единое сердце,—тотъ ничего не знаетъ о нихъ.

Это любленіе-жалѣніе—все творчество, вся жизнь Успенскаго.

Въ одномъ письмѣ изъ Парижа вспоминаетъ онъ Туньку, маленькую лохматую собаченку, которую подобралъ гдѣ-то въ Россіи на улицѣ, съ переломленной ногой, цѣлый мѣсяцъ лѣчилъ потомъ холодными компрессами и вылѣчилъ.

Однажды, зимнею ночью, въ деревнѣ жена Успенскаго услыхала со двора голосъ его:

— Дайте мнѣ что-нибудь надѣть! Я все ему отдалъ.

Онъ снялъ себя до нитки и отдалъ замерзающему бродягѣ.

То было первое явленіе святого Глѣба, первый припадокъ безумія.—„Безуміе или осіявшая истина?“.

Вся Россія—замерзающій бродяга или собаченка Тунька съ переломленной ногой. И не только вся Россія, но и „вся тварь, совокупно стенающая объ избавленіи“.

„Глубокая любовь къ Богу и ко всей твари“. Иванычъ — тварь; Глѣбъ — ангелъ Господенъ. Но и тварь въ Богѣ; Иванычъ—въ Глѣбѣ. Собаченка Тунька и „Агнецъ, закланный отъ созданія міра“,—между ними должна быть связь. Любленіе-жалѣніе твари—любленіе-жалѣніе Бога. Объ этомъ почти нельзя го-

ворить. Но это есть. А если этого нѣтъ, то нѣтъ христіанства, или въ христіанствѣ нѣтъ Христа.

Безъ имени Христа—Христово любленіе, в л ю б л е н і е въ Бога и въ тварь;—безъ имени Христа, Христово цѣломудріе, почти монашеская дѣвственность.

Кажется, въ 60-хъ годахъ, когда онъ былъ еще здоровъ и молодъ, одна хорошенькая барыня, увлекавшаяся тогдашнею проповѣдью свободной любви, влюбилась въ него, или вообразили себя влюбленною.

„Вѣдь я красива, я красивѣе и моложе его жены. И вы знаете, я осталась у него ночевать,—онъ меня самъ оставилъ,—въ надеждѣ его соблазнить. Всѣ говорятъ: онъ никогда не измѣнялъ женѣ. Я не вѣрила, я хотѣла его испытать... Ну, и вотъ мы вдвоемъ съ нимъ въ квартирѣ. Жаркая душная ночь, молнія такъ и сверкаетъ.

— Глѣбъ Иванычъ, я не могу—дышать нечѣмъ... я сниму лифъ?

— Ну, снимите. Я вамъ сейчасъ принесу что-нибудь полегче.

„Принесъ полотенце и накинулъ мнѣ на голую шею. Потомъ самоваръ началъ ставить. Меня лихорадка колотитъ, а онъ меня чаемъ съ лимономъ отпаиваетъ... Такъ вся ночь у насъ и прошла—всю ночь только чай вдвоемъ пили... Что же это по-вашему — уродъ или святой?“ (Мин. Г., II, 1908).

Святой и уродъ вмѣстѣ—юродъ, Юродивый Парамонъ, святой Глѣбъ.

Любитъ жену безконечной любовью.—„Саша придетъ! Саша придетъ!“—шепчетъ въ безумьи съ послѣдней надеждой. А потомъ бредитъ, что отравилъ ее и дѣтей стрихниномъ.—„Семья тяготила писателя“, говоритъ По-

чинковская; вѣрнѣе было бы сказать: семья тяготила подвижника. Какъ Парамонъ, „повинуясь гласу и видѣнію, оставилъ онъ домъ, жену, дѣтей и ушелъ спасать свою душу“. Подобно всѣмъ русскимъ интеллигентамъ,—вѣчный скиталецъ—„въ неприбранной комнатѣ, съ открытыми чемоданами и разбросанными вещами“.

„Мнѣ кажется,—вспоминаетъ Починковская,—онъ физически не выносилъ ничего показного, ничего прiукрашеннаго ни въ литературѣ, ни въ жизни. Вкусы его были строгіе и простые, впослѣдствіи, можетъ быть, даже аскетическіе. Красоту тургеневскаго слога называлъ онъ брезгливо фокусами 40-хъ годовъ“.—Точно стыдился и пренебрегалъ поэзіей“.

Такъ вотъ откуда писаревское гоненіе на Пушкина, „разрушеніе эстетики“: подъ маской безбожнаго матеріализма, нигилизма—все то же христіанское подвижничество, аскетическое разрушеніе идоловъ, все тѣ же Парамоновы вериги: „вериги были закованы на немъ на-глухо, на вѣки вѣковъ, а онъ, надѣвшій ихъ въ молодыхъ лѣтахъ, росъ, кости его раздавались, и желѣзо вѣдалось въ тѣло“.—Русскій интеллигентъ уже не помнитъ, въ чье имя надѣты на него вериги; но на цѣпяхъ виситъ чугунная доска съ вылитой надписью: азъ язвы Господа моего ношу на тѣлѣ моемъ.

Успенскій могъ бы сдѣлаться поэтомъ, если бы не стыдился и не пренебрегалъ поэзіей. Но его писанія не писанія, а самоистязанія; его перо не перо, а чугунная полутора-пудовая палка; и не пишетъ онъ, а тяжело „тукаетъ“; и на головѣ чугунная шапка—безуміе.

Такъ проходитъ онъ передъ нами, Глѣбъ Юродивый, и, кажется, въ лицѣ его, „само будущее идетъ къ намъ“.

IV

Теперь понятно, почему Успенскій, если не въ полномъ свѣтѣ сознанія, то въ мерцающемъ прозрѣніи, утверждаетъ связь русской интеллигенціи съ русскимъ народомъ именно тамъ, гдѣ Булгаковъ эту связь отрицаетъ,—въ „христіанскомъ подвижничествѣ“.

Истинная народная интеллигенція для Успенскаго и есть не что иное, какъ истинно кристіанское или, вѣрнѣе, Христово просвѣщеніе: „Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ“.

„Божескую правду,—говоритъ Успенскій,—вносила въ народную среду народная интеллигенція.—Типъ ея былъ типъ Божія угодника“ (Соч. 1884, т. VII, 135).—„Наши интеллигентные прародители были такъ умны, знали, должно быть, такъ хорошо народную массу, что для общаго блага ввели въ нее христіанство, т. е. взяли послѣднее слово, и при томъ самое лучшее, до чего дожило человѣчество вѣками страданій“ (т. VII, 184).

Это вѣдь и значитъ: истинная „народная интеллигенція“ есть просвѣщеніе народа свѣтомъ Христовымъ. Этимъ началась она—этимъ и завершится.

„Святые угодники были интеллигенціей своего времени: мы должны ихъ взять за образецъ своей дѣятельности“, договариваетъ Н. К. Михайловскій главную интеллигентскую и въ то же время народническую мысль Успенскаго. Просвѣщеніе Христово было интеллигенціей народной: было—будетъ. Этому вѣритъ невѣрующій Михай-

ловскій, а вѣрующій Булгаковъ не вѣритъ. Кто изъ нихъ ближе къ народу?

Поскольку интеллигенція утратила свѣтъ Христовъ, постольку перестала быть сама собою, т. е. истинно-интеллигентною—просвѣщенною и просвѣщающею.

Но никогда этотъ свѣтъ не потухалъ въ ней окончательно, никогда не умолкалъ въ ней „голосъ неземной“:

„Войди! Христосъ наложитъ руки
„И сниметъ волею святой
„Съ души оковы, съ сердца муки
„И язвы съ совѣсти больной“—
Я внялъ, я дѣтски умилился...
И долго я рыдалъ и бился
О плиты старыя челомъ,
Чтобы простилъ, чтобъ заступился,
Чтобъ осѣнилъ меня крестомъ
Богъ угнетенныхъ, Богъ скорбящихъ,
Богъ поколѣній предстоящихъ
Предъ этимъ скуднымъ алтаремъ.

Это говоритъ безбожный Некрасовъ, такой же типичный русскій интеллигентъ, какъ Успенскій.

— Видите, видите—о н а опять пришла. Видите, вотъ о н а—бьется крыльями... въ бѣлой одеждѣ...

Иногда была о н а свѣтлая, иногда—темная, приникшая къ стеклу окна, со строгимъ и печальнымъ лицомъ.

— Кто это, Глѣбъ Иванычъ?

— Святая Ефросинія—отвѣтилъ онъ и прибавилъ шопотомъ:

— В с я Р о с с і я, в с я Р о с с і я.

Христіанская подвижница, святая Ефросинія—„вся Россія, вся Россія“—не только русскій народъ, но и

русская интеллигенція. Сейчасъ она темная, но будетъ свѣтлою: „свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ“.

Не обращается ли вся русская интеллигенція къ „Матери всѣхъ скорбящихъ“—къ Россіи—съ тою же молитвою, съ которою обращался Некрасовъ къ собственной матери:

Отъ ликующихъ, праздно болтающихъ,
Обагряющихъ руки въ крови,
Уведи меня въ станъ погибающихъ
За великое дѣло любви!

Вотъ вѣчная пѣснь того в с е с к о р б я щ а г о с е р д ц а,—по слову Успенскаго,—въ которомъ русская интеллигенція и русскій народъ — одна Россія — вся Россія.

Интеллигенція не видитъ Христа, какъ слѣпорожденный до исцѣленія; Булгаковъ со своими единомышленниками видятъ или думаютъ видѣть. Но какъ бы не услышать имъ страшнаго слова:

„На судъ пришелъ я въ міръ, чтобы невидящіе видѣли, а видящіе стали слѣпы“.

V

„Встрѣтилъ сегодня на улицѣ Михайловскаго и не поклонился ему. Это его, очевидно, поразило. Т а к ъ и н а д о“, пишетъ Успенскій женѣ.

Это первый бунтъ Глѣба, первый вызовъ Иванычу.

То „здоровое состояніе“, въ которомъ онъ былъ „совершенно равнодушенъ къ религіознымъ вопросамъ—просто не останавливался на этихъ предметахъ“,—и есть именно состояніе Иваныча.

Иванычъ довелъ Глѣба до сумасшествія, Каинъ убилъ Авеля.

Но и Глѣбъ у Иваныча въ долгу не остался: объявилъ его „просто свиньею“, лакеемъ Смердяковымъ, провокаторомъ Азѣфомъ, Грядущимъ Хамомъ.

Можно сказать, что вся великая русская литература—Гоголь, Достоевскій, Л. Толстой и мы, грѣшные—малыя дѣти великихъ отцовъ—вся русская литература только и дѣлала, что истребляла Иваныча: обрушилась на него всею своею тяжестью и задавила, затоптала.

И не только русская литература, но и русская дѣйствительность: неудача революціи превратила Иванычей въ стадо бѣшеныхъ свиней, которое бросилось съ крутизны въ озеро.

Что же дѣлаетъ Булгаковъ, что дѣлаютъ Вѣхи?

Я имѣю право объ этомъ спросить, больше чѣмъ кто-либо. Мнѣ ли не знать, что Иванычъ—„хамъ“? Я ли не боролся съ нимъ еще въ тѣ времена, когда Булгаковъ не умѣлъ отличить правой руки отъ лѣвой, Глѣба отъ Иваныча?

Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ помнить, что если одна половина русской литературы уничтожаетъ Иваныча, то другая, съ такимъ же успѣхомъ, уничтожаетъ Глѣба: для Михайловскихъ, Салтыковыхъ, Некрасовыхъ—для всѣхъ Иванычей—Глѣбъ не столько святой, сколько святоша—крѣпостникъ, мракобѣсъ, черносотенецъ, тоже „хамъ“, тоже „лакей Смердяковъ“, хотя и въ обратномъ смыслѣ.

Спрашивается: нѣтъ ли и въ этой другой половинѣ хоть капельки правды? Не солоно ли приходится намъ и отъ „Глѣбовъ, ангеловъ Господнихъ“, въ видѣ Побѣдоносцевыхъ и Антоніевъ Волынскихъ?

На чьей же сторонѣ полная правда?

Для того чтобы увидѣть не только правду, но и ложь Глѣба, не только ложь, но и правду Иваныча,—надо быть ни тѣмъ, ни другимъ, ни полу-ангеломъ, ни полусвиньею, а цѣльнымъ человѣкомъ, преодолѣвшимъ недугъ раздвоенія, человѣкомъ будущей „народной интеллигенціи“, будущаго христіанскаго просвѣщенія.

Иванычи—„свиньи“, и „бѣсы“ вошли въ „свиней“. Но откуда же „бѣсы“?

А вотъ откуда.

VI

„Какъ только начинаю себя помнить, чувство какой-то виновности, какого-то тяжелаго преступленія уже тяготѣетъ надо мной.—Въ церкви я былъ виноватъ передъ всѣми этими угодниками, образами, паникадилами. Въ школѣ я былъ виноватъ передъ всѣми, начиная со сторожа—куда!—съ вѣшалки, на которой вѣшалъ свою шинель; на улицѣ каждая собака (мнѣ казалось такъ) только и ждала моего появленія, чтобъ меня, если не совсѣмъ съѣсть, то ужь непремѣнно укусить. Мальчишки, пускавшіе змѣи, казались мнѣ отверженными Богомъ, одержанными злымъ духомъ, порожденіемъ дьявола—такъ казалась громадна ихъ дерзость: какъ не бояться будочника, который только и смотритъ, чтобы схватить тебя и утащить неизвѣстно куда?

„Надо постоянно бояться—это корень жизненной правды.—Вѣчное безпокойство о „виновности“ самаго существованія на свѣтѣ пропитало всѣ взаимныя отношенія, всѣ общественныя связи, всѣ

мысли, всѣ дни и ночи, всѣ мѣсяцы и годы... Какъ будто камень этого сознанія лежалъ у всѣхъ на душѣ. Съ этимъ камнемъ молились Богу, привозя въ домъ чудотворную икону; съ этимъ камнемъ родили дѣтей и хоронили ихъ... Увѣренности, что человѣкъ имѣетъ право жить, не было ни у кого—напротивъ, именно эта-то увѣренность и была умерщвлена... „Пропадешь!“—носилось надо всѣми,—пропадешь, если посмѣешь чего-нибудь захотѣть самъ, если самъ что-нибудь позволишь себѣ“.—„Пропадешь!“ кричали небо и земля, воздухъ и вода, люди и звѣри... И все ежилось и бѣжало въ первую попавшуюся нору.

„И вдругъ является Парамонъ“.

Откуда и съ чѣмъ?

Успенскому кажется, будто съ Парамономъ явилось „нѣчто совсѣмъ постороннее“, чуждое страху. Вотъ главная религіозная ошибка Успенскаго, религіозная ложь Глѣба.

На самомъ дѣлѣ, не чуждое страху, а самъ этотъ страхъ явился въ лицѣ Парамона. Страхъ жизни, страхъ міра, страхъ плоти. Не облегчаетъ, а отягчаетъ Парамонъ „виновность самаго существованія на свѣтѣ“, не оправдываетъ, а осуждаетъ вѣчнымъ судомъ, расширяетъ ее до безпредѣльности космической—до первороднаго грѣха, какъ неискупимаго проклятія міра.

„Глубокая любовь къ Богу и ко всей твари“?—Нѣтъ, любовь къ Богу — нелюбовь къ твари, нелюбовь къ міру.—„Не любите міра, ни того, что въ мірѣ.—Весь міръ лежитъ во злѣ“. Это затвердилъ онъ, это одно изъ всего христіанства, не понявъ отличія міра преходящаго, „міра сего“, какъ явленія, отъ міра вѣчнаго, Божьяго, какъ сущности. Богъ есть отрицаніе міра,

духъ—отрицаніе плоти, небо—отрицаніе земли—такова метафизическая сущность Парамона.

Религіозная ошибка Успенскаго, религіозная ложь Глѣба, будто бы съ Парамономъ „можно дойти до сознанія правъ живого человѣка на землѣ“. Девятнадцать вѣковъ человѣчество шло съ Парамонами, Іоаннами Лѣствичниками, Серафимами Саровскими и не дошло до этого сознанія, до „увѣренности, что человѣкъ имѣетъ право жить“, — „напротивъ, именно эта-то увѣренность и была умерщвлена“.

Правды о землѣ нѣтъ у Парамона, а есть только правда о небѣ. Распаденіе міра на два непримиримыя начала—небесное и земное—такова опять-таки метафизическая сущность Парамона и всего подвижническаго христіанства.

Духъ есть Богъ, плоть есть бѣсъ,—это нигдѣ въ христіанствѣ не сказано, но молча показано, сдѣлано; это не явная цѣль, а тайный уклонъ пути, не откуда, а кудн все идетъ,—все течетъ, какъ рѣка по руслу.

Оживить духъ значитъ умертвить плоть. Парамонъ это и дѣлаетъ. „Душу онъ спасалъ умерщвленіемъ плоти, основаннымъ на физическомъ самоистязаніи. Любилъ жечь на огнѣ пальцы свои, ставить подошву на уголь, да, кромѣ того, обѣщалъ загнать подъ кожу гвозди желѣзные“.—Это и дѣлаетъ Глѣбъ: въ Колмовской больницѣ Успенскій „разбилъ себѣ камнемъ голову, перерѣзывалъ себѣ горло, огнемъ жегъ себя“ (дневникъ врача).—„Онъ ненавидѣлъ въ себѣ это терзавшее его, никому ненужное тѣло“ (Воспом. Починковской). Ненужность тѣла, безтѣлесность и есть „духовность“, „святость“. Глѣбово безуміе—Парамонова святость,—и въ сознаніи всего подвижническаго христіанства

нѣтъ грани, которая отдѣлила бы это безуміе отъ этой святости.

Плоть—тлѣнъ; смрадъ плоти—смрадъ тлѣна.

„Александра Васильевна, взявъ изъ ящика пузырекъ съ духами, торопливо вытерла себѣ руки.

— „У Глѣба Ивановича галлюцинація обонянія,—шопотомъ пояснила она,—ему кажется, что *вездѣ дурно пахнетъ*“.

Можно сказать, что все монашеское христіанство подвержено этой „галлюцинаціи“ обонянія: тщетно натирается духами грѣшная плоть,—святому Глѣбу „вездѣ дурно пахнетъ“.

Тутъ метафизика становится физикой, откровеніе—ощущеніемъ. Вотъ почему такъ трудно съ этимъ спорить: ничего не подѣлаешь, если и фіалки пахнуть трупомъ.

VII

„Вообще со мной ужасно худо, необычайно худо.—Гибель виситъ надо мной. — Погибъ я, *пропалъ* навсегда“.

„*Пропадешь!*“—крикъ паническаго ужаса, который слышался ему въ дѣтствѣ, когда вдругъ явился Парамонъ,—опять прозвучалъ въ концѣ жизни, когда вдругъ явился Глѣбъ.

Чувство „тяжелаго преступленія“, неискупимой виновности „самаго существованія на свѣтѣ“, гиперболическое чувство „первороднаго грѣха“—вѣчную опасность христіанства, безсознательный уклонъ его къ буддизму—нельзя лучше выразить, чѣмъ это сдѣлалъ

Успенскій. Чувство это — Глѣбова правда — на-время заглохло, заслонилось правдой Иваныча; но съ торжествомъ Глѣба опять возникаетъ со страшною силою.

Больному Успенскому кажется, что онъ „совершаетъ чудовищныя преступленія—убиваетъ своихъ дѣтей, переотравилъ ихъ всѣхъ стрихниномъ“. Подъ нѣкоторыми записками онъ такъ и подписывался: *Разбойникъ*.

Галлюцинація совѣсти, соотвѣтствующая галлюцинаціи обонянія: подобно всей плоти міра, и человѣческая совѣсть „дурно пахнетъ“, ноетъ, какъ гнилой зубъ.

Въ Парамоновомъ юродствѣ—начало этого гніенія душевнаго разложенія, душевнаго разстройства. Религіозное чувство бездонно-глубоко, а въ сознаніи,—замѣчаетъ Успенскій,—„*ничего, кромѣ чепухи*“.

Однажды на юбилейномъ обѣдѣ Скабичевскаго, Глѣбъ увидѣлъ вдругъ сквозь потолокъ звѣзды и ангеловъ. Тутъ Глѣбова святая чепуха соблазнительнѣе, чѣмъ безбожное свинство Иваныча.

„Александра Васильевна просила не звонить, а повертѣть ручкою замка, такъ какъ звонки напоминали безпрестанно являющуюся съ обысками полицію и раздражали Глѣба Ивановича,—разсказываетъ Починковская.—Онъ провелъ меня къ себѣ въ комнату, маленькую и темную, съ окнами въ слѣпую стѣну,—какъ онъ выразился, „чортъ знаетъ куда“.

— „Смыслъ жизни потерянъ,—сказала я.

— „Никакого нѣтъ смысла!—повторилъ онъ за мной.—Какой тутъ можетъ быть смыслъ, когда ежеминутно приходится ожидать—вотъ-вотъ, сію минуту, ни съ того, ни съ сего, придутъ и начнутъ шарить въ

столѣ?.. А это жизнь теперь каждаго русскаго литератора...

„...Мы промолчали, сидя рядомъ, что-то около часа. Вокругъ была полная и какая-то зловѣщая тишина... все погружалось въ молчаніе, какъ въ могилу".

Что тутъ все дѣло въ полиціи, кажется, вѣритъ Починковская вмѣстѣ съ Успенскимъ. Но вѣдь вотъ не даромъ же добавляетъ она: „отъ этого свиданія у меня осталось впечатлѣніе какого-то застѣнка, гдѣ не было ни свѣта, ни воздуха, ни стремленія выйти на волю. Замуравилъ себя человѣкъ добровольно и сидитъ въ испуганномъ ожиданіи: вотъ-вотъ придутъ"...

„Какъ только начинаю себя помнить, чувство какого-то тяжкаго преступленія тяготѣетъ надо мной.—Пропадешь!—кричали небо и земля, воздухъ и вода, люди и звѣри. И все ежилось и бѣжало отъ бѣды въ первую попавшуюся нору".

Русскій подвижникъ бѣжитъ въ пещеру, въ затворъ; русскій интеллигентъ—въ „подполье", въ „маленькую, темную комнату съ окнами чортъ знаетъ куда". Оба „замуровали себя добровольно и сидятъ въ испуганномъ ожиданіи", одинъ—жандармовъ, другой—діаволовъ. Интеллигентское „подполье"—тотъ же древній „Танобъ, темница кающихся", о которой повѣствуетъ Іоаннъ Лѣствичникъ. „Бѣгуны" и „нѣтовцы" народные зарываются въ землю, сжигаются на кострахъ; интеллигентные — уходятъ въ нигилизмъ, анархизмъ, непріятіе міра — тоже своего рода нѣтовщину. И тѣ, и другіе, въ сущности, одинаковымъ способомъ спасаютъ душу свою. Тутъ безбожные интеллигенты православнѣе, чѣмъ само православіе.

Во всякомъ случаѣ, дѣло не только въ русской

полиціи: полиція приходитъ на готовое, собираетъ Глѣбову, Парамонову спѣлую жатву; для полиціи потрудились они; потому-то и можетъ она такъ безнаказанно распоряжаться человѣческою жизнью, что „ни у кого нѣтъ увѣренности въ самомъ правѣ на жизнь";—такъ безпрепятственно шарить во всѣхъ сердцахъ и ящикахъ, что никакимъ замкомъ, никакимъ правомъ, никакимъ чувствомъ собственнаго достоинства не заперты они,—всѣ раскрыты настежь для полицейскихъ сыщиковъ и православныхъ діаволовъ.

И, наконецъ, не вина же полиціи въ томъ, что святому Глѣбу вездѣ дурно пахнетъ, а разбойникъ Иванычъ переотравилъ всѣхъ своихъ дѣтей стрихнином. Можетъ быть, какъ разъ наоборотъ, вся-то русская полиція не что иное, какъ воплощеніе этого Глѣбова „дурного запаха", этого всеотравляющаго „стрихнина"; можетъ быть, не она—ихъ, а они ее создали? Другими словами: русскую государственность создала русская церковь; и до тѣхъ поръ будетъ старый порядокъ государственный, пока будетъ старый порядокъ религіозный—все равно, народная, Парамонова или интеллигентская, Глѣбова, православная нѣтовщина.

— „Родомъ откуда вы? Ваше званіе? Какой губерніи?.. Паспорта нѣтъ?..

— „И-и! какіе паспорты!.. Чего тамъ... на что мнѣ!.. У меня паспортъ Господній... не надо мнѣ этого!"

Позвольте, какъ же такъ?—„Нѣсть бо власть, аще не отъ Бога".—На вопросъ квартальнаго о паспортѣ Парамону слѣдовало отвѣтить: „ему же дань,—дань; ему же честь,—честь, ему же оброкъ,—оброкъ"; а ему же паспортъ,—паспортъ. Вѣдь не раскольникъ же онъ, не

сектантъ, для которыхъ паспортъ—антихристова печать, и истинно-русскій, православный подвижникъ.

Нѣтъ, не отрицаетъ, а утверждаетъ Парамонъ квартальнаго и квартальный—Парамона: рука руку моетъ—на всемъ протяженіи историческаго христіанства.

Дѣти, устраивая бесѣдку-моленную, приклеили къ потолку бумажное Всевидящее Око. Когда явился къ Парамону квартальный, бесѣдку разорили: „не осталось ничего, кромѣ кучи сора у порога и полъ-всевидящаго Ока, т. е., полъ-зрачка, а изъ-за него торчалъ на голыхъ доскахъ лоскутъ бумаги съ гербомъ,—на подкладку шли казенныя бумаги".

Не только Парамонову, но и Булгаковскому православію не такъ легко-то легко раздѣлаться съ этимъ казеннымъ гербомъ". Не даромъ бросился на шею къ участникамъ Вѣхъ Антоній Волынскій.

Одинаковая религіозная безпомощность русскаго народа и русской интеллигенціи сказывается всего болѣе именно въ томъ, что не умѣютъ они отдѣлить Всевидящаго Ока отъ казеннаго герба: или принимаютъ, или отвергаютъ ихъ вмѣстѣ.

VIII

— „Вы любите Достоевскаго?

— „Не люблю, но перечитываю.

— „Перечитываете?.. А я не могу. Знаете ли, у меня особенное ощущеніе: иногда ѣдешь въ поѣздѣ и задремлешь, и вдругъ чувствуешь, что господинъ, сидѣвшій противъ тебя, самый обыкновенный господинъ даже съ добрымъ лицомъ... и вдругъ тянется къ тебѣ

рука... и прямо, прямо за горло хочетъ схватить, или что-то сдѣлать надъ тобой... и не можешь никакъ двинуться"...

Въ статьѣ Успенскаго, по поводу Пушкинской рѣчи Достоевскаго, Иванычъ въ послѣдній разъ бунтуетъ противъ Глѣба, въ послѣдній разъ пробуетъ очнуться отъ страшнаго сна, въ которомъ мертвая рука святого Глѣба хочетъ схватить за горло русскую интеллигенцію и русскій народъ—всю Россію.

„Достоевскій человѣкъ мудреный... Онъ еще недавно цѣлую группу прославляемыхъ имъ теперь людей сравнивалъ со свинымъ стадомъ и предрѣкалъ имъ гибель въ пучинѣ морской" (Бѣсы).

Достоевскій, прославляющій русскую интеллигенцію, русскую революцію,—такъ показалось Успенскому. Что такія ошибки возможны, мы теперь знаемъ, по собственному опыту: Достоевскій — двуличневая ткань; посмотришь съ одной стороны, — отливаетъ краснымъ, съ другой, — чернымъ; пророкъ русской революціи и пророкъ русской реакціи.

Недолго, впрочемъ, длилась ошибка Успенскаго: онъ скоро понялъ, въ чемъ дѣло; и никто съ такою убійственною ясностью, какъ онъ, не обнажилъ двусмысленность проповѣди Достоевскаго о христіанскомъ смиреніи и всечеловѣчности русскаго народа-богоносца,—той проповѣди, которая служитъ, въ сущности, единственною религіозною основою Вѣхъ.

„Пушкинская Татьяна и есть то пророчество, изъза котораго весь сыръ-боръ загорѣлся,—говоритъ Успенскій.—Она потому пророчество, что, прогнавши отъ себя „всечеловѣка" (Онѣгина), предаетъ себя на съѣденіе старцу-генералу—жертвуетъ собою. Но, увы,

тутъ же оказывается, что жертва эта недобровольная: „я другому отдана!“ Нанялся—продался. Оказывается, что мать насильно выдала ее за старца, а старецъ, женившійся на молоденькой, не желавшей идти за него замужъ, именуется въ той же рѣчи честнымъ человѣкомъ“. Неизвѣстно, что представляетъ собою мать? Вѣроятно, тоже что-нибудь „всемірное“... Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что дѣвицы, подносившія Достоевскому вѣнокъ, подносили его не въ благодарность за совѣтъ посвящать свою жизнь ухаживанію за старыми хрычами, насильно навязанными въ мужья... Очевидно, что тутъ кто-нибудь ошибся“.

„Смиреніе Татьяны—смиреніе букашки, проткнутой булавкой и до конца жизни безропотно шевелящей лапками“.

Предъ лицомъ стараго порядка, „стараго хрыча“, которому на съѣденіе отдана, какъ Татьяна, вся Россія, — „смирись, гордый человѣкъ!“ — есть проповѣдь полнѣйшаго мертвѣнія, тупого подневольнаго, грубаго жертвоприношенія.

Если это было несомнѣннымъ во дни Достоевскаго, то еще несомнѣннѣе сейчасъ, во дни Булгакова, когда гнусность стараго хрыча обнажилась окончательно.

„Всечеловѣческое — всезаячье, — опредѣляетъ Успенскій.—Помаленьку да полегоньку, съ кочки на кочку, прыгъ да прыгъ, всезаяцъ, мало-помалу допрыгиваетъ до непроходимой дебри, въ которой не видать ужь и заячьяго хвоста“.

Не заячій ли путь указываютъ Вѣхи? Не заячій ли хвостъ мелькаетъ у „самаго обыкновеннаго господина, даже съ добрымъ лицомъ“—Булгакова?

Да, никто не говорилъ о Достоевскомъ съ такою

правдою, какъ Успенскій. А вѣдь это и есть правда Иваныча. И что могъ бы возразить на нее не только Булгаковъ, но и самъ Достоевскій? Во всякомъ случаѣ, слишкомъ ясно, что „тутъ кто-нибудь ошибся“.

Въ полѣ бѣсъ насъ водитъ, видно,
Да кружитъ по сторонамъ.

Кто же этотъ бѣсъ?

— „У Глѣба-то царство огромное!“—говаривалъ больной Успенскій.

„На похоронахъ его собралась многотысячная толпа русскихъ интеллигентовъ,—разсказываетъ очевидѣцъ.—Лица изможденныя, блѣдныя; мужчины и женщины безъ цвѣта лица и безъ возраста—точно особая какая-то нація... Всѣ—неблагонадежные“.—Всѣ—гонимые, мученики—царство не отъ міра сего, „Глѣбово царство“.—„Всѣ одинаково въ черномъ“—черницы, монахи, подвижники, „святые Глѣбы“. Но святые могутъ вдругъ обернуться „разбойниками“ и хулиганами, экспропріаторами и провокаторами,—„бѣшеными свиньями“.

„Они (бѣсы) просили Іисуса, чтобы не повелѣлъ имъ идти въ бездну“.

Бездна — христіанская безплотность, — интеллигентская отвлеченность.

„Онъ (Іисусъ) позволилъ имъ.—Бѣсы, вышедши изъ человѣка, вошли въ свиней, и бросилось стадо съ крутизны въ озеро, и потонуло“.

Если Иванычи — свиньи, то Глѣбы — тѣ бѣсы, которые вошли въ свиней. Бездушная плотяность—свинство Иваныча; безплотная духовность — святость Глѣба.

Не только русскій народъ, но и русская интеллигенція — вся Россія — страна православія, христіанства подвижническаго, монашескаго, по преимуществу,—христіанства, отдѣляющаго духъ отъ плоти, Глѣба отъ Иваныча. Вотъ почему здѣсь, какъ нигдѣ, расцвѣли святыя Глѣбовы лиліи на свиномъ навозѣ Иваныча; Иванычъ долженъ смердѣть, чтобы благоухалъ Глѣбъ.

И это не прекратится, пока русскій народъ и русская интеллигенція—вся Россія—не пойметъ, что Божеская правда Глѣба безъ человѣческой правды Иваныча есть бѣсовская ложь, и что раздѣлять эти двѣ правды, значитъ утверждать эту ложь.

IX

„Власть земли—вотъ къ чему сходились не только всѣ писанія, но и всѣ переживанія Успенскаго первой здоровой половинѣ жизни его, когда онъ былъ или казался „равнодушнымъ къ религіознымъ вопросамъ"—къ власти неба.

„Земля,—говоритъ онъ,—о власти которой надъ народомъ идетъ рѣчь, есть не какая-нибудь отвлеченная, иносказательная земля, а именно та самая, которую вы принесли съ улицы на своихъ калошахъ, которая лежитъ въ горшкахъ вашихъ цвѣтовъ, черная, сырая,—словомъ, самая обыкновенная земля.—Могущество этой „персти", „праха" съ глубочайшей силой и простотой указано еще въ стариннѣйшей былинѣ о Святогорѣ-богатырѣ. Въ сущности, это даже и не былина, а загадка, но загадка, въ которой таится вся сущность народной жизни.

„Святоторъ-богатырь выѣхалъ въ чисто поле гулять.

Выѣхалъ онъ просто такъ, безъ всякой задней мысли,—прогуляться, поразмять кости, силой съ кѣмъ-нибудь помѣриться.

По моей ли по силѣ богатырской,
Какъ бъ державу мнѣ найти, всю землю поднялъ бы.

„Никакой, однако, „державы" на пути не встрѣтилось, а встрѣтился ему прохожій мужичокъ съ сумочкой за плечами.

„Ѣдетъ Святогоръ рысью, а прохожій все идетъ передомъ. Во всю прыть не можетъ Святогоръ догнать прохожаго. Закричалъ тутъ Святогоръ да громкимъ голосомъ:

— „Гой, прохожій человѣкъ! подожди немножечко,—не могу догнать тебя я на добромъ конѣ.

„Прохожій остановился, снялъ изъ-за плечъ сумочку и сложилъ ее на землю.

„Наѣзжаетъ Святогоръ на эту сумочку; своей плеточкой онъ сумочку пощупывалъ: какъ уроспая, та сумочка не тронется. Святогоръ перстомъ ее съ коня потрогивалъ; не сворохнется та сумка, не шевѣльнется, Святогоръ хваталъ ее съ коня, потягивалъ: какъ уроспая, та сумка не поднимется.—Слѣзъ съ коня тутъ Святогоръ, взялся за сумочку; онъ приладился, взялъ руками обѣими, во всю силу богатырскую понатужился, отъ натуги по бѣлу лицу ала кровь пошла, а поднялъ суму отъ земли только на волосъ, по колѣна въ самъ онъ въ мать сыру землю угрязъ.—Взговоритъ ли Святогоръ тутъ громкимъ голосомъ:

— „Ты скажи же мнѣ, прохожій, правду-истину, а и что, скажи ты, въ сумочкѣ накладено?

„Взговоритъ ему прохожій да на тѣ слова;

*

— „Тяга въ сумочкѣ отъ матери сырой земли.

— „А ты самъ кто есть? Какъ звать тебя по имени?

— „Я Микула есть мужикъ, я Селяниновичъ, я Микула—меня любитъ мать сыра земля".

„Тяга и власть земли,—заключаетъ Успенскій,—до того огромны, что у богатыря кровь алая выступила на лицѣ, когда онъ попытался поколебать ихъ на волосъ, а между тѣмъ эту тягу и власть народъ несетъ легко, какъ пустую сумочку.—все это такъ именно и есть до сего дня".

Успенскій разгадываетъ одну половину загадки—о Микулѣ Селяниновичѣ; другую—о Святогорѣ оставляетъ неразгаданной, проходитъ мимо нея, какъ будто не задумавшись. А между тѣмъ вся тайна—не въ одной изъ половинъ, а въ соотношеніи обѣихъ.

Мы знаемъ, что такое Микула. Что же такое Святогоръ?

„Святогорь—богатырь на Святыхъ Горахъ", говоритъ былина. А Святыя Горы—не на Руси:

„Мнѣ не придано тутъ ѣздить на святую Русь",—говоритъ онъ самъ о себѣ.

„Впослѣдствіи нарушилъ онъ этотъ завѣтъ,—замѣчаетъ Кирѣевскій (Русск. Пѣсни. I, 229),—сдвинулся со Святыхъ Горъ и черезъ Крымъ (крещеніе св. Владиміра въ Херсонесѣ Таврическомъ), т. е. вообще черезъ южные предѣлы Руси, въѣхалъ въ Кіевскую землю, по которой и разъѣзжалъ, пока не нашелъ себѣ здѣсь гибель"—именно въ борьбѣ съ исконнымъ русскимъ богатыремъ Микулою.

Святыми Горами назывался впослѣдствіи Аѳонъ, первоисточникъ подвижническаго христіанства.

Святоторовъ родитель—древній батюшка...
Престарѣлый дѣдушка, древній да темный.

Не старецъ ли въ темныхъ одеждахъ—чернецъ, монахъ аѳонскій, или ѳиваидскій подвижникъ?

Если такъ, то Святогоръ не что иное, какъ христіанство до крещенія Руси, христіанство, созарцаемое сквозь первобытную языческую правду Микулы Селяниновича,—власть неба, созерцаемая сквозь власть земли. И въ состязаніи этихъ двухъ богатырей отразилось колебаніе народной стихіи между двумя правдами, двумя „тягами"—новою тягою неба и древнею тягою земли.

Правды о землѣ не знаетъ Святогоръ, потому что не любитъ землю: начало его—не земное, горнее, попирающее землю, какъ персть и прахъ. За то и земля не любитъ его,—не держитъ, не носитъ:

Видишь, какой я уродъ,—
Меня и земля не держитъ.

Въ этомъ главная противоположность его Микулѣ, котораго „любитъ мать сыра земля".

Святогорова сила необъятная, но нереальная, отвлеченная, почти хочется сказать, интеллигентская:

Ка-бъ державу мнѣ найти, всю землю поднялъ бы.

А дошло до дѣла—и осрамился. Какъ будто у Микулы къ Святогору та вѣчная усмѣшка, съ которою мужикъ смотритъ на барина: хорошо поешь, гдѣ-то сядешь?

Послѣ крещенія Руси, Святогоръ уже Святъ-Егоръ, св. Георгій, побѣдитель и просвѣтитель языческой тьмы, тотъ народный интеллигентъ, который вводитъ въ народъ христіанство, по опредѣленію Успенскаго.

Но и христіанскій подвижникъ могъ бы сказать о себѣ:

Видишь, какой я уродъ,—
Меня и земля не держитъ.

И въ христіанскомъ подвижничествѣ святое значитъ неземное, горное, попирающее землю, какъ персть и прахъ.

Христіанскій святой уродъ сдѣлался юродомъ—Юродивымъ Парамономъ, Святымъ Глѣбомъ.

И вѣчное состязаніе Святогора съ Микулою повторяется въ состязаніи Глѣба съ Иванычемъ.

Кажется, самъ Успенскій предчувствовалъ, что эта его личная трагедія, трагедія русскаго интеллигента по преимуществу, имѣетъ значеніе и всенародное, и всемірное.

X

Въ очеркѣ „Выпрямила!“ Венера Милосская напоминаетъ ему деревенскую бабу, которую видѣлъ онъ однажды, во время сѣнокоса.

„Вся она, съ подобранной юбкой, голыми ногами, краснымъ повойникомъ на маковкѣ, съ граблями въ рукахъ, которыми перебирала сухое сѣно, была такъ легка, изящна, такъ жила, а не работала, жила въ полной гармоніи съ природой, съ солнцемъ, вѣтеркомъ, съ этимъ сѣномъ, со всѣмъ ландшафтомъ, съ которыми **были слиты и ея тѣло, и ея душа**, что я долго-долго смотрѣлъ на нее,—думалъ и чувствовалъ одно: „какъ хорошо!“

Оказывается, что и у Венеры Милосской—„право,

сказать совѣстно—почти мужицкіе завитки волосъ по угламъ лба“.

Почти мужицкіе — почти Микулины. Божественная „баба“ Венера, Великая матерь Сущаго—та самая „мать сыра земля“, которая любитъ Микулу и „держитъ“, „носитъ“ его, какъ свое любимое дитятко. Она-то и „выпрямила“, вылѣчила чужое больное дитя, русскаго интеллигента отъ монашеской согбенности, отъ Парамонова, Глѣбова, уродства-юродства, отъ христіанскаго раздвоенія на душу и тѣло: душа и тѣло у „бабы“ Венеры „слиты въ полной гармоніи“,—какъ небо и земля на горизонтѣ.

Былину о Микулѣ называетъ Успенскій „загадкою“; и Венера для него—„каменная загадка“. Объ объ одномъ — о власти, о тягѣ земли. Тягу эту несетъ Венера съ такою же легкостью, какъ Микула. Оба они **подвинули** (иное, не христіанское, но, можетъ быть, Христово подвижничество), подняли землю **любовью къ землѣ**.

Любовь къ землѣ—вотъ не свиное, а святое въ Иванычѣ, ибо, разумѣется, не Глѣбъ, а Иванычъ увидѣлъ власть земли въ Микулѣ, красоту земли въ Венерѣ.

Глѣбу, во время сумасшествія, казалось, что земля его не держитъ,—онъ дѣлается легкій и скоро полетитъ“.—„Свою способность летать онъ намѣренъ былъ пустить на благо всего человѣчества: видимо для всѣхъ подымется на воздухъ и облетитъ вокругъ земного шара—и на землѣ наступитъ царствіе Божіе“ („Г. И. Успенскій“, статья Н. К. Михайловскаго, изд. „Нивы“, т. I, стр. CVII).

Ка-бъ державу мнѣ найти, всю землю поднялъ бы.

Но, если и полетитъ „святой Глѣбъ“, то вмѣстѣ со со „свиньей Иванычемъ“;—вѣрнѣе, впрочемъ, не полетитъ вовсе, а угрузнетъ въ землю:

Тяги-то земли онъ пашелъ,
А Богъ его и попуталъ за похвальбу.

Это—похвальба всего подвижническаго христіанства, которое, не любя землю, не зная правды о землѣ, хочетъ поднять тягу земли. А когда подыметъ ее „только на волосъ“,—

Тутъ ему и конченіе.

Кончаніе, конецъ христіанства — не разрушеніе, а исполненіе истины Христовой; конецъ христіанства—начало того, что за нимъ.

Власть земли Божья—царство Божье на землѣ, какъ на небѣ.—Да будетъ воля Твоя, царство Твое и на землѣ, какъ на небѣ.—Вотъ конецъ, предѣлъ, къ которому христіанство вѣчно стремится. И божественная подлинность его заключается именно въ томъ, что, хотя не досягаетъ оно этого предѣла, все же стремится къ нему; хотя не можетъ,—все же хочетъ поднять землю къ небу. И нехотя хочетъ, и отталкиваясь отъ земли, угрузаетъ въ нее.

Вотъ почему нѣтъ иного пути ко Христу Грядущему, кромѣ Христа Пришедшаго, кромѣ христіанства вселенскаго.

Но не вселенское, а лишь восточное, православное монашеское христіанство у Глѣба,—лишь одна половина молитвы Господней: да будетъ царство Твое на небѣ; надо, чтобы Иванычъ соединилъ съ ней другую: да будетъ царство Твое и на землѣ, какъ на небѣ.—Только тогда исполнится полнота христіанства вселенскаго—Христа Пришедшаго и Грядущаго.

XI

Возможность этого соединенія предчувствуетъ Успенскій не только въ русскомъ народѣ, но и въ русской интеллигенціи; не только деревенскую бабу, но и „дѣвушку строгаго, почти монашескаго типа, революціонную подвижницу напоминаетъ ему Венера Милосская.

„Глубокая печаль, печаль не о своемъ горѣ, которая бгла начертана на этомъ лицѣ, на каждомъ ея малѣйшемъ движеніи, была такъ гармонически слита съ ея личною, собственною печалью, до такой степени эти двѣ печали, сливаясь, дѣлали е одну, не давая ни малѣйшей возможности проникнуть въ ея душу, въ ея сердце, въ ея мысль, даже въ сонъ ея чему-нибудь такому, что могло бы нарушить гармонію самопожертвованія, которую она олицетворяла,—что, при одномъ взглядѣ на нее, всякое страданіе теряло свои пугающіе стороны, дѣлалось простымъ, легкимъ, успокаивающимъ и, вмѣсто словъ: „какъ страшно!“ заставляло сказать: „какъ хорошо!“

Въ бабѣ—гармонія самоутвержденія, предѣлъ плоти.

Въ интеллигентской подвижницѣ—гармонія самопожертвованія, предѣлъ духа.

Мать сыра земля — Всѣхъ Скорбящихъ Матерь. Эти два материнства сливаются въ одно, какъ небо и земля на горизонтѣ: да будетъ воля Твоя—царство Твое—и на землѣ, какъ на небѣ.

Въ русской интелигенціи, какъ и въ русскомъ народѣ, правда Глѣба можетъ соединиться съ правдой Иваныча.

„Ахъ, хорошій былъ человѣкъ!—говорилъ Починков-

ской пожилой крестьянинъ.—Со всякой бѣдой пойти къ нему—лучше не надо... Ужъ такъ намъ его тогда жалко было!.. Кажется, лучше самому помереть, нежель его потерять. Вотъ какъ предъ истиннымъ Богомъ!"

Народъ видѣтъ въ безбожномъ интеллигентѣ христіанскаго подвижника, въ свиньѣ Иванычѣ—святого Миколу Угодника.

„Народная легенда о Николаѣ и Касьянѣ,—говоритъ Успенскій,—какъ нельзя лучше, рисуетъ этотъ типъ народнаго интеллигентнаго человѣка, Божія угодника, ищущаго правды о землѣ.—Когда Николай и Касьянъ пришли давать Богу отчетъ, послѣ того какъ они были на землѣ между людьми, то Николай оказался весь испачканъ грязью и въ изорванномъ платьѣ, а Касьянъ пришелъ франтомъ. Вотъ Богъ и рѣшилъ, что Николай все время работалъ, толкался въ народѣ, хлопоталъ, а Касьянъ только разговоры разговаривалъ; за это и положилъ праздновать Касьяну въ четыре года разъ, а Николаю въ годъ чуть не двадцать разъ".

Касьянъ явился къ Богу византійскимъ франтомъ, отвлеченнымъ, идеалистомъ, интеллигентомъ, летающимъ по горамъ, по верхамъ, подобно Святогору, или святому Глѣбу. А Николай — весь въ грязи — мужикъ мужикомъ, какъ Микула Селяновичъ, „свинья свиньей", какъ Иванычъ. Но это „свиное"—святое; святая грязь — мать сыра земля. Микола Угодникъ — Микула Селяновичъ. Такъ, на послѣднемъ, если не достигнутомъ, недостижимомъ, но все же безсознательно чаемомъ предѣлѣ христіанской святости Святогоръ соединяется съ Микулою, святой Глѣбъ со святымъ Иванычемъ.

Но соединеніе это не совершенно и непрочно потому именно, что безсознательно: бѣда христіанскаго подвижничества въ томъ что святость Глѣба видятъ всѣ: она въ реальномъ дѣйствіи; а святость Иваныча—никто: она лишь въ мечтѣ, въ легендѣ, въ сказкѣ народной.

„Божья угодника", въ истинномъ смыслѣ, т. е. „народнаго интеллигента", ищущаго правды о Божьей землѣ,—„теперь нѣтъ и въ поминѣ,—заключаетъ Успенскій.—Мы видимъ въ народѣ только двѣ фигуры: Платона Каратаева (святого Глѣба) и хищника (Иваныча-свиньи). Третья соединяющая фигура (Микола Угодника) пропала безслѣдно.

Такъ и должно было случиться, не могло быть иначе: вѣдь подвижничество христіанское крестьянскую тягу земли подняло „только на волосъ" и само „угрязло въ землю": безплотная духовность церкви угрязла въ бездушную плотяность государства; церковь отдала Россію „на съѣденіе старому порядку,—старому хрычу". Глѣбъ-Касьянъ—весь въ отвлеченной святости, а Иванычъ-Микола—весь въ грязи, но не въ святой, а въ свиной грязи, черносотенной.

Вотъ въ чемъ главная ошибка русскихъ интеллигентовъ, желающихъ войти въ православную церковь: кажется, что интеллигенція должна искать религіознаго спасенія въ народѣ. Но религіозное положеніе народа не менѣе страшное, чѣмъ положеніе интеллигенціи. Спасенье или погибель ждетъ ее,—она не только за свой страхъ погибнетъ или спасется, но и за страхъ всей Россіи, ибо вся Россія, можетъ быть, и все христіанское человѣчество стоитъ нынѣ передъ тѣмъ же вопро-

сомъ, что и русская интеллигенція: какъ соединить правду о небѣ съ правдой о землѣ, Святогора съ Микулою, Глѣба съ Иванычемъ?

ГОЛОВКА ВИСНЕТЪ

Туда, гдѣ смертей и болѣзней
Лихая прошла колея,—
Исчезни въ пространство, исчезни,
Россія, Россія моя!

Андрей Бѣлый.

I

— Кабы не мучился-то, такъ ништо бы,—разсказываетъ Мавра о своемъ умершемъ ребеночкѣ.—А мучился-то какъ... покою ему сколько день не было. Возьму на руки, головка-то и виснетъ, такъ и виснетъ. Плакать даже не плачетъ, а мнѣ въ глаза смотритъ.—Что, молъ, тебѣ, Васюта? Чего тебѣ не дать ли, молъ, ласковый?—А онъ смотритъ. А потомъ тихонько такъ: „молочка бы ты мнѣ, мамка,—да не хоцца...“ (Черное но бѣлому, З. Н. Гиппіусъ).

Кажется иногда, что современная русская общественность похожа на больного Васюту.—Чего тебѣ не дать ли, молъ, ласковый? Хочешь богоискательства или богостроительства? Хечешь „Великой Россіи“ или булгаково-бердяевскаго православія, или антисемитизма, или философемитизма, или порнографическихъ Необузданныхъ Скверновъ, или просто, наконецъ, Андреевской Тьмы? А Васюта только въ глаза смотритъ; а потомъ тихонечко

такъ: „молочка бы ты мнѣ, мамка,—да не хоцца“... И головка виснетъ.

Мы утѣшаемся тѣмъ, что побѣждены „силою штыковъ“, и что реакція наша—случайная, внѣшняя, политическая. Но такъ ли это въ дѣйствительности? Не въ томъ ли главный ужасъ нашъ, что переживаемое нами внѣшнее о т с т у п л е н і е есть внутреннее о т с т у п н и ч е с т в о, что наша явная политика есть тайная метафизика?

У другихъ народовъ совершается реакція по естественному закону механики: уголъ паденія равенъ углу отраженія; какъ аукнется, такъ и откликнется; у насъ—по какому-то закону сверхъестественному: уголъ отраженія равенъ х; аукнется такъ, а откликнется чортъ знаетъ какъ.

У другихъ народовъ реакція—движеніе назадъ; у насъ—впередъ, подобное теченію рѣки, стремящейся къ водопаду, къ еще невидимой, но уже притягивающей, засасывающей пропасти.

У другихъ народовъ реакція—отъ революціи; у насъ революція или то, что кажется ею, отъ реакціи: черезчуръ сдавятъ горло мертвою петлею — и мы начинаемъ биться въ судорогахъ; тогда петлю стягиваютъ крѣпче—и мы цѣпенѣемъ вновь.

У другихъ народовъ реакція есть явленіе в т о р и ч н о е, производное; у насъ п е р в и ч н о е, производящее: не убыль, а прибыль; не минусъ, а плюсъ—хотя, конечно, ужасный и отвратительный плюсъ.

Кажется иногда, что эта первичная реакція есть prima materia, первозданное вещество Россіи; что сердце нашихъ сердецъ, мозгъ нашихъ костей—этотъ разлагающій радій; что Р о с с і я з н а ч и т ъ р е а к ц і я, р е а к ц і я з н а ч и т ъ Р о с с і я.

Если у другихъ народовъ нѣкоторая степень революціоннаго жара—нормальная температура крови, 37 градусовъ, то у насъ, какъ у рыбъ и земноводныхъ, температура ниже нормальной: Россія въ революціи—такая же біологическая нелѣпость, какъ лягушка или рыба въ горячечномъ жару, съ температурой въ 40 градусовъ.

Кажется иногда, что въ Россіи нѣтъ вовсе революціи, а есть только бунтъ—январскій, декабрьскій, чугуевскій, холерный, пугачевскій, разинскій—вѣчный бунтъ вѣчныхъ рабовъ.

II

14-го декабря на Исаакіевской площади, цѣлый день, съ утра до вечера, толпа стояла и кричала: ура!—Иностранцы удивлялись этому „стоячему бунту“. Сами заговорщики не знали, что дѣлать. Диктаторъ, кн. Сергѣй Трубецкой, спрятался въ какое-то правительственное учрежденіе, чуть ли не канцелярію военнаго штаба, и дрожалъ, и плакалъ отъ страха, какъ женщина. Долговязый, нелѣпый, похожій на большого, вялаго комара, русскій нѣмецъ Кюхельбекеръ, смѣшной и добрый Кюхля, съ незаряженнымъ пистолетомъ, расхаживалъ по площади. Не ему одному, а всѣмъ было „кюхельбекерно и тошно“, и всѣмъ, кажется, стало легче, когда государь велѣлъ стрѣлять въ толпу картечью: поняли, наконецъ, что надо дѣлать.

— Умремъ! Ахъ, какъ мы славно умремъ!—гово-

рилъ наканунѣ молоденькій заговорщикъ, похожій на шестнадцатилѣтнюю дѣвочку.

Уже тогда, въ этомъ „стоячемъ бунтѣ“, началась „всероссійская забастовка“. Революція наша и есть, по преимуществу, забастовка, остановка, недвижность въ самомъ движеніи, недѣланіе въ самомъ дѣланіи. Пока движемся куда-то, дѣлаемъ что-то, бунтуемъ,—мы въ положеніи противоестественномъ, какъ бы на головѣ ходимъ, обезьянничаемъ, подражаемъ Европѣ; но только что начинаемъ пятиться, каяться, отдаваться реакціи,—находимъ себя, становимся „истинно-русскими людьми“, не на головѣ ходимъ, а на рѣзвыхъ ножкахъ бѣгаемъ. Мы—Ванька-встанька: какъ бы ни завалила насъ революція, реакція выпрямитъ.

Читая покаянныя письма декабристовъ къ Николаю I, не вѣришь глазамъ; это ли вчерашніе мятежники, цареубійцы? Революція сползаетъ съ нихъ, какъ истлѣвшее лохмотье, открывая голое тѣло реакціи.

„Божій перстъ и царскій гнѣвъ на мнѣ тяготѣютъ,—пишетъ Александръ Бестужевъ.—Я чувствую, что употребилъ во зло свои дарованія, что могъ бы принести честь своему отечеству, жить съ пользой и умереть честно за своего Государя... Но Царь есть залогъ Божества на землѣ, а Богъ милуетъ кающихся“.

Убѣжавъ съ площади,—хотя вовсе не былъ трусомъ, картечь пробила ему шляпу на волосъ отъ головы,—цѣлую ночь и утро ходилъ по церквамъ и, наконецъ, „рѣшился пасть къ стопамъ государя“, пошелъ въ Зимній дворецъ, донесъ на себя и на Тайное Общество.

Булатовъ былъ такъ потрясенъ тѣмъ, что государь не повѣрилъ ему,—что сошелъ съ ума и разбилъ себѣ голову объ стѣну каземата.

Съ полнымъ основаніемъ сказано въ Прибавленіи къ Спб. Вѣдомостямъ отъ 15 декабря 1825 года: „Всякъ, кто размыслитъ, признаетъ, что оный случай есть не иное что, какъ минутное испытаніе, которое будетъ служить лишь къ ознаменованію истиннаго характера націи—непоколебимой вѣрности и общей преданности русскихъ къ Августѣйшему законному ихъ Монарху“.

„Нѣсколько человѣкъ, гнуснаго вида во фракахъ“, какъ сказано въ томъ же Прибавленіи, напоминаютъ не то будущихъ „бѣсовъ“ Достоевскаго, не то старинныхъ чертей, въ образѣ „поганыхъ ляховъ“, на иконахъ Страшнаго суда; а Николай I, милующій виновныхъ, четвертованіе замѣняющій висѣлицей, есть образъ „Божества на землѣ“.

О, жертвы мысли безразсудной!
Вы уповали, можетъ быть,
Что станетъ вашей крови скудной,
Чтобъ вѣчный полюсъ растопить?
Едва дымясь, она сверкнула
На вѣковой громадѣ льдовъ,—
Зима желѣзная дохнула,
И не осталось и слѣдовъ.

(Тютчевъ. 1827 г.).

Тогда—лишь ручеекъ, теперь—водопадъ крови; но и теперь, какъ тогда, „не осталось и слѣдовъ“.

Одинъ изъ послѣднихъ декабристовъ, умершій почти на нашихъ глазахъ въ 1886 году, Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ, признавался передъ смертью, что „всегда благодарилъ Бога за неудачу 14 декабря“; что, „это было не русское явленіе“; что „мы жестоко ошибались“; что „конституція вообще не соста-

вляетъ счастья народовъ, а для Россіи, въ особенности, непригодна". Въ годовщину 14 декабря кто-то поднесъ ему вѣнокъ. Матвѣй Ивановичъ „чрезвычайно разсердился и возмутился"; а одинъ изъ друзей его сказалъ подносившему:

— 14 декабря нельзя ни чествовать, ни праздновать; въ этотъ день надо плакать и молиться.

„Сегодня день моей смерти; въ молчаніи и сокрушеніи правлю я тризну за упокой моей души", пишетъ объ этой годовщинѣ Александръ Бестужевъ.

Получивъ извѣстіе о 14 декабря ночью, Пушкинъ раннимъ утромъ выѣхалъ изъ Михайловскаго, по направленію къ Петербургу, но, не доѣзжая первой станціи, вернулся, потому что увидѣлъ попа и зайца, трижды перебѣгавшаго ему дорогу.

Послѣ казни декабристовъ Николай Павловичъ вызвалъ Пушкина въ Москву на коронацію и, бесѣдуя съ нимъ, между прочимъ, спросилъ:

— Гдѣ бы ты былъ 14 декабря, если бы находился въ Петербургѣ?

— Въ рядахъ мятежниковъ, ваше величество.

Государь посмотрѣлъ на него и вдругъ усмѣхнулся: откровенность обезоружила „рыцарское сердце" Николая.

Лѣтъ шесть назадъ, еще до ссылки, когда распространился въ Петербургѣ и дошелъ до самого Пушкина слухъ, будто бы „высѣкли его въ тайной канцеляріи", онъ, по собственному признанію, размышлялъ: „не приступить ли мнѣ къ самоубійству или?.." Или къ тому, чего онъ и назвать не смѣетъ.

Неужели же не почувствовалъ пѣвецъ Вольности, что московская откровенность хуже петербургскихъ розогъ?

Въ предсмертной агоніи, уже причастившись, велѣлъ онъ камердинеру подать ящикъ съ пистолетами: хотѣлъ покончить съ собою, чтобы избавиться отъ невыносимыхъ мученій. Когда же принесли записку отъ государя, прижалъ ее къ губамъ, не соглашался отдать и умолялъ, чтобы позволили ему умереть съ нею.

— Скажи государю, что мнѣ жаль умереть: б ы л ъ б ы в е с ь е г о,—сказалъ умирающій Жуковскому.

Въ такія минуты не лгутъ. Самоубійство—непокорность Богу; царю Пушкинъ покорнѣе, чѣмъ Богу.

Вотъ глубина русской реакціи—не политическая, не эмпирическая, не здѣшняя — т р а н с ц е н д е н т н а я. Реакція—религія. Кажется иногда, что послѣдняя сущность Россіи—религіозная в о л я к ъ р е а к ц і и.

Нѣтъ, что ужъ тутъ говорить о штыкахъ! Если кто чѣмъ оправданъ, то не мы—штыками, а нами—штыки.

Съ богатырскихъ плечъ
Сняли голову
Не большой горой,
А соломинкой.

Соломинка сильнѣе штыковъ. Отъ нея-то „головки такъ и виснутъ, такъ и виснутъ".

III

О 9 января могли бы сказать кающіеся нынѣ то же, что декабристы о 14 декабря: „въ этотъ день надо плакать и молиться".

— Если бы снова началась революція, я не вышелъ бы изъ комнаты!—объявилъ мнѣ бывшій членъ „христіанскаго братства революціонной борьбы".

— Вотъ когда отхлестаемъ мы по щекамъ эту подлую

русскую революцію, эту подлую русскую интеллигенцію!—воскликнулъ бывшій марксистъ, теперешній „націоналъ-либералъ“, заговоривъ со мною о книгѣ, въ которой русскую интеллигенцію русскіе интеллигенты собираются подвергнуть Страшному Суду.

Я хотѣлъ-было напомнить ему, что какова ни на есть русская интеллигенція, она все же единственная, другой нѣтъ и неоткуда взять,—да такъ и не рѣшился; онъ захлебывался отъ ярости; казалось, что этотъ благовоспитанный человѣкъ вотъ-вотъ разразится непристойною бранью.

Не звучитъ ли въ современныхъ поношеніяхъ русской интеллигенціи—пусть виновной, но все же матери, русскими интеллигентами, пусть невинными, но все же дѣтьми—эта неслыханная въ вѣкахъ и народахъ, „истинно-русская“ матерная брань?

Я промолчалъ—да онъ бы и не услышалъ меня: уже горѣлъ въ глазахъ его тотъ восторгъ самобичеванія, самоистребленія, то сладострастіе позора, которые въ области нравственной соотвѣтствуютъ физическому сладострастію побоевъ, мазохизму. Недаромъ, видно, русская реакція совпала съ русской порнографіей: всѣ эти кающіеся похожи не то на сологубовскихъ мальчиковъ, которыхъ другіе сѣкутъ, не то на гоголевскую унтеръ-офицершу, которая сама себя высѣкла, и чья-то „милостивая усмѣшка“ пріосѣняетъ это добровольное сѣченіе.

— Содрать съ себя интеллигентскую шкуру, превратиться въ обывателя—вотъ съ чего надо начать!—накинулся на меня другой бывшій марксистъ, теперешній православный.

— Послушайте, голубчикъ, — попытался я замѣ-

тить,—для васъ какъ будто и само православье только о б ы в а т е л ь щ и н а?

— Вотъ именно!—обрадовался онъ какою-то свирѣпою радостью.—Обывательщины-то намъ и нужно! Все наше спасенье въ обывательщинѣ!

Это вчера вечеромъ, а сегодня утромъ зашелъ ко мнѣ бывшій декадентъ, теперешній Богъ вѣсть кто или что—какая-то воплощенная Недотыкомка съ окончательно повиснувшею головкою.

— Бросить все, уйти отъ всего, уѣхать въ провинцію и сдѣлаться учителемъ ариѳметики въ младшихъ классахъ прогимназіи!—мечталъ онъ вслухъ.

— Къ обывательщинѣ вернуться? — вспомнилъ я вчерашнее.

— Ну, да, къ обывательщинѣ, если угодно,—къ реализму отъ романтизма, къ водѣ отъ вина.

И принялся толковать длинно-длинно, скучно-скучно о томъ, что общій грѣхъ русскаго декадентства и русской революціи—неутолимый романтизмъ, жажда опьяненія.

— Ну, чего другого, а трезвости-то у насъ нынче, кажется, довольно, — прошамкалъ я, подавляя зѣвоту.

— Не трезвость, а похмѣлье: отъ одной рюмки опять опьянѣемъ...

И вновь слова полились, однозвучныя, какъ дождевая капель изъ водосточнаго жолоба. Говорилъ онъ о томъ, чего ему хочется, а мнѣ только слышалось: „молочка бы ты мнѣ, мамка... да не хощда“...

— Чистѣйшей воды реакція!—не удержался, я наконецъ,—зѣвнулъ во все горло.

— Реакція?—встрепенулась Недотыкомка и даже подняла головку.—Ну, да, конечно, реакція!—согласился и обрадовался, такъ же, какъ мой вчерашній собе-

сѣдникъ, только не буйною, а тихою радостью, какъ будто весь просвѣтлѣлъ—неугасимою лампадой затеплился.

— Реакція! Реакція!—шепталъ, какъ шепчетъ въ бреду умирающій отъ жажды: вода! вода!

IV

Сектантъ, молоканинъ съ Урала, пишетъ мнѣ объ Александрѣ Добролюбовѣ, тоже бывшемъ декадентѣ, ушедшемъ въ народъ:

„Живетъ въ рабьемъ зракѣ, занимается поденными работами, землекопомъ; проповѣдуетъ свою истину тайно; болѣе скрывается въ баняхъ и на кухняхъ. Смотришь—придетъ въ домъ, войдетъ въ кухню, и потомъ къ нему туда водятъ, по одному человѣку, на бесѣду. Около 900 душъ откололъ въ свою вѣру отъ Собранія нашего (т. е. молоканскаго). Послѣдователи брата Александра находятъ лишнимъ и моленіе, и пѣніе, видимыя. Прежде много пѣли, а потомъ братъ Александръ сказалъ, что „граммофонъ ни къ чему“—и перестали пѣть. И молиться никогда не молятся, а вотъ ихъ обрядъ: сидятъ за столомъ, и хоть бы показали видъ, что сердечно вздыхаютъ; сидятъ поникши, кто гдѣ сѣлъ, пока кто-нибудь что-нибудь скажетъ или запоетъ, тогда поютъ, но нехотя; а чтобы кто помолился, этого совсѣмъ нѣту.

„Дорогіе братья! Можетъ быть, этого всего не нужно—ни пѣть, ни молиться. Прошу васъ, ради Бога, обсудите и пришлите мнѣ для моего подтвержденія, потому что я сейчасъ сильно съ этимъ борюсь и не могу вмѣстить.

„О, возлюбленные мои, помогите мнѣ!..“

„Сидятъ поникши“ — когда я прочелъ это, сердце у меня захолонуло; такъ вотъ куда уже проникла зараза виснущихъ головокъ! Тамъ пока еще „сильно борются съ этимъ, не могутъ вмѣстить“, кричатъ: „помогите!“ Но никто не слышитъ.

И вспомнилось мнѣ, какъ одинъ мой давній пріятель, глубокій мистикъ, хотя и синодальный чиновникъ, говорилъ о „жертвенномъ отношеніи къ власти“.

— Чтобы не тронулъ медвѣдь, надо лечь на землю и притвориться мертвымъ—не дышать, не двигаться; медвѣдь обнюхаетъ и отойдетъ. Такъ и съ властью: надо покориться ей, смириться до смерти—до того, чтобы почувствовать себя мертвымъ—вотъ какъ лежитъ покойникъ во гробѣ съ вѣнчикомъ на лбу. Тогда власть перестанетъ быть страшною, обезоружится—и мы увидимъ въ ней сквозь ликъ Звѣриный ликъ Христовъ.

Вспомнилось и то, что утверждаетъ одинъ современный учитель православной церкви: будто бы главное и, въ сущности, единственное христіанское таинство—погребеніе.

Отъ Пушкина и декабристовъ, черезъ кающихся революціонеровъ, до Александра Добролюбова и этого учителя церкви—не проходитъ ли одна скрытая нить, одинъ глубочайшій уклонъ русскаго религіознаго духа—отъ христіанства къ буддизму, отъ религіи жизни къ религіи смерти, отъ воскресенія къ погребенію?

Не здѣсь ли тотъ радій, которымъ излучается темный свѣтъ русской реакціи? Та „соломинка“, которою „съ богатырскихъ плечъ сняли голову“? Причина того, что не штыками, а голыми руками изъ насъ хоть веревки вей?

V

Кажется иногда, что если и началъ растапливаться „вѣчный полюсъ“ водопадомъ крови, то для того, чтобы въ наступившей оттепели полился водопадъ грязи, напоминающій тѣ стоки нечистотъ на петербургскихъ набережныхъ, мимо которыхъ нельзя пройти, не зажавъ носа,—

Какъ будто тухлое разбилося яйцо,
Иль карантинный стражъ курилъ жаровней сѣрной;—

для того, чтобы смѣшался водопадъ крови съ водопадомъ грязи. . . . . .

. . . . . .

„Соотечественники, страшно! — хочется закричать, какъ умирающій Гоголь.—Все глухо, могила повсюду. Боже! пусто и страшно становится въ Твоемъ мірѣ“.

Хочется закричать, но голоса нѣтъ.

Я долженъ признаться, что сейчасъ, когда я пишу, у меня самого „головка такъ и виснетъ, такъ и виснетъ“. Ужъ не покориться ли? Не завалиться ли, какъ божья коровка, вверхъ ножками, притворяясь мертвымъ,— благо, Звѣрь мертвечины не ѣстъ, любитъ живенькихъ? Ослабѣть и лечь „подъ сводомъ шалаша на лыки“, подобно рабу, принесшему ядъ Анчара?

И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
Непобѣдимаго владыки.

Или бѣжать?

„Если бы я вамъ разсказалъ то, что я знаю, тогда бы помутились ваши мысли, и вы подумали бы, какъ бы убѣжать изъ Россіи“, говоритъ Гоголь.

Такъ Чаадаевъ и Вл. Соловьевъ бѣжали въ западное христіанство, Герценъ и Бакунинъ—въ западное безбожіе. Такъ бѣжалъ Петръ, величайшій изъ русскихъ бѣглецовъ, для которыхъ любить Россію будущую значитъ ненавидѣть настоящую.

Какъ сладостно отчизну ненавидѣть
И жадно ждать ея уничтоженья,
И въ разрушеніи отчизны видѣть
Всемірнаго денницу возрожденья!

Что это — молитва или кощунство? Во всякомъ случаѣ, никто никогда не молился такъ или не кощунствовалъ, кромѣ насъ. Страшныя слова эти сказаны въ 30-хъ годахъ русскимъ человѣкомъ, московскимъ профессоромъ, бѣжавшимъ за границу и постригшимся въ монахи католическаго ордена Редемптористовъ, Владиміромъ Сергѣевичемъ Печеринымъ.

Туда, гдѣ смертей и болѣзней
Лихая прошла колея,—
Исчезни въ пространство, исчезни,
Россія, Россія моя!

Слова эти, еще болѣе страшныя, сказаны въ наши дни.

„Соотечественники, страшно!—Вспомните Египетскія Тьмы. Слѣпая ночь обняла ихъ вдругъ, среди бѣла дня; со всѣхъ сторонъ уставились на нихъ ужасающіе образы; дряхлыя страшилища съ печальными лицами стали неотразимо въ глазахъ ихъ; безъ желѣзныхъ цѣпей сковала ихъ всѣхъ боязнь и лишила всего; всѣ чувства, всѣ побужденія, всѣ силы въ нихъ погибнули, кромѣ одного страха“.

О комъ же это сказано, какъ не о насъ?

Намъ нужно выбрать одно изъ двухъ: или оконча-

тельно предаться Египетскимъ Тьмамъ, съ окончательно повиснувшею головкою сказать: „исчезни, Россія моя!“— или найти въ бывшемъ, каково бы оно ни было, не только временную, но и вѣчную правду, которая соединитъ бывшее съ будущимъ.

СЕМЬ СМИРЕННЫХЪ

Тяжело говорить горькую правду о близкихъ людяхъ. Между участниками Вѣхъ есть люди мнѣ близкіе.

Если я все-таки рѣшаюсь говорить, то потому, что дѣло идетъ о слишкомъ важномъ, чтобы не забыть все личное. Но остается неизмѣннымъ, по крайней мѣрѣ, съ моей стороны, это личное: уваженіе ко всѣмъ и больше, чѣмъ уваженіе, къ нѣкоторымъ.

Судя ихъ, сужу себя, въ прошломъ: вѣдь и я когда-то былъ п о ч т и тамъ же, гдѣ они теперь; я знаю, по собственному опыту, какіе соблазны туда влекутъ. Когда ихъ бью, бью себя.

Пусть же они простятъ меня, если могутъ, и, во всякомъ случаѣ, не думаютъ, что этими словами я золочу пилюлю: знаю опять-таки, по собственному опыту, что пилюлю не позолотишь ничѣмъ; но горечь ея можетъ быть спасительнымъ лѣкарствомъ.

I

Маленькую лошаденку запрягли огромные мужики въ огромную телѣгу.

— „Садись, всѣхъ довезу! Вскачь пойдетъ!

— „Она вскачь-то ужъ десять лѣтъ, поди, не прыгала.

— „Запрыгаетъ!

— „Не жалѣй, братцы, бери всякъ кнуты, зготовляй!

— „И то! Сѣки ее!“

Когда читаешь Вѣхи, вспоминается этотъ сонъ Раскольникова: телѣга—Россія; лошаденка—русская интеллигенція.

„Народническое мракобѣсіе“,—начинаетъ сѣчь Бердяевъ.

„Сектанское изувѣрство“, — подхватываетъ Франкъ.

„Общественная истерика“,—продолжаетъ Булгаковъ.

„Убожество правосознанія“,—Кистяковскій.

„Бездонное легкомысліе“,—Струве.

„Испуганное стадо... сонмище больныхъ“, — Гершензонъ.

„Онанизмъ... половая жизнь съ семилѣтняго возраста“,—Изгоевъ.

„Грязь, нищета, безпорядокъ... подлинная мерзость запустѣнія“,—Гершензонъ.

Вдругъ лошаденка лягается: русская интеллигенція утверждаетъ, что есть у нея всеочищающій огонь—освобожденіе.

Тогда начинаютъ бить уже не кнутами, а оглоблею.

„Героическое ханжество... самообоженіе“,—Булгаковъ.

„Готтентотская мораль... хулиганское насильничество“,—Франкъ.

„Убійство, грабежи, воровство, всяческое распутство и провокація“,—Изгоевъ.

„Человѣкоподобныя чудовища“,—Гершензонъ.

„Легіонъ бѣсовъ“,—Булгаковъ.

Но лошаденка все еще не подохла: изъ послѣднихъ

силъ дергаетъ, чтобы вывезти. Наконецъ, добиваютъ ее желѣзнымъ ломомъ.

„Намъ, русскимъ интеллигентамъ, не только нельзя мечтать о сліяніи съ народомъ,—бояться его мы должны пуще всѣхъ казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждаетъ насъ отъ ярости народной“,—Гершензонъ.

Кляча протягиваетъ морду, тяжело вздыхаетъ и умираетъ.

— „Доканалъ!

— „А зачѣмъ вскачь не пошла!“.

Вдругъ чудесное превращеніе: Булгаковъ, какъ маленькій мальчикъ въ снѣ Раскольникова, „съ крикомъ пробивается сквозь толпу къ савраскѣ, обхватываетъ ея мертвую, окровавленную морду и цѣлуетъ ее, цѣлуетъ въ глаза, губы“. А мертвая кляча, русская интеллигенція, оказывается „прекрасною Суламитою“: „Возлюбленный, Тотъ, о Комъ тоскуетъ душа ея, близокъ; Онъ стоитъ и стучится въ это сердце, гордое, интеллигентское сердце“.

Что во что стучится—въ сердце живой Суламиты рука Возлюбленнаго, или въ сердце мертвой клячи желѣзный ломъ?

II

Подъ отлученіемъ Л. Толстого подписалось, не помню навѣрное, сколько „смиренныхъ“, но, кажется, семь, столько же, какъ подъ Вѣхами, этимъ отлученіемъ русской интеллигенціи:

Смиренный Бердяевъ.

Смиренный Булгаковъ.

Смиренный Гершензонъ.
Смиренный Кистяковскій.
Смиренный Струве.
Смиренный Франкъ.
Смиренный Изгоевъ.

Семь смиренныхъ—семь цвѣтовъ радуги слиты въ одинъ бѣлый цвѣтъ—въ одно „общее дѣло".

„Люди, соединившіеся здѣсь для общаго дѣла,—сказано въ предисловіи,—расходятся между собою въ основныхъ вопросахъ „вѣры".

Слово „вѣры" въ двусмысленныхъ ковычкахъ.

„Ихъ общей платформой является признаніе... что внутренняя жизнь личности есть единственная творческая сила человѣческаго бытія.—Въ предѣлахъ этой общей мысли между участниками нѣтъ разногласія", нѣтъ противорѣчій. Противорѣчіе, да и то кажущееся, только въ вопросѣ о „религіозной" природѣ этой мысли.

Слово „религіозной" опять въ лукаво-невинныхъ лапочкахъ.

Булгаковъ и Бердяевъ—христіане, кажется, въ послѣднее время, окончательно православные; Струве, если въ какой-либо мѣрѣ христіанинъ, то ужь, во всякомъ случаѣ, не православный; Гершензонъ, Франкъ, Изгоевъ, если въ какой-либо мѣрѣ вѣрующіе, то ужь, во всякомъ случаѣ, не христіане; Кистяковскій, неизвѣстно что.

И вотъ всѣ эти различія переливаются одно въ другое неуловимо, какъ цвѣта радуги: противорѣчіе христіанства и нехристіанства, можетъ быть, даже антихристіанства, кажется кажущимся — сномъ во снѣ. А общее дѣло—лишь общая ненависть: тутъ уже не

Придираются к словам

до „вѣры"—не до жиру, быть бы живу: тутъ все забыто, прощено, презрѣно; передъ лицомъ врага, враги обнялись, свились, склещились, склубились въ одинъ клубокъ.

Что значитъ: „внутренняя жизнь личности есть единственная творческая сила"? Это значитъ: нѣтъ христіанства. Ибо христіанство утверждаетъ, что творческая сила личности не единственная, что религіозный предѣлъ личности—соединеніе, соборность, общественность, церковь, какъ тѣло Христово, какъ новое Богочеловѣческое Я, въ которомъ только и можетъ совершиться полнота каждаго отдѣльнаго Я человѣческаго. Внѣ церкви нѣтъ спасенія, нѣтъ спасенія личнаго внѣ общественнаго.— Да будутъ всѣ едино; какъ Ты, Отче, во Мнѣ и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ Насъ едино.—На этомъ завѣтѣ основана церковь: уничтожить его—уничтожить ее. Если религіозная сила личности — единственная, если нѣтъ религіозной силы общественной, то нѣтъ церкви, нѣтъ христіанства, нѣтъ Христа.

Не „кажущееся противорѣчіе", не маленькая щель—въ этихъ полутора строчкахъ, а бездонная пропасть, въ которую все проваливается.

Бездонная пропасть, а надъ нею семь цвѣтовъ радуги.

III

Для Бердяева спасеніе русской интеллигенціи въ „религіозной философіи"; для Франка—въ „религіозномъ гуманизмѣ"; для Булгакова—въ „христіанскомъ подвижничествѣ"; для Струве—въ „государственной мистикѣ"; для Изгоева—въ „любви къ жизни"; для Кистяковскаго—въ „истинномъ правосознаніи"; для Гершензона—въ

стараніи сдѣлаться „человѣкомъ“ изъ „человѣкоподобнаго чудовища“.

Семь нянекъ семью пѣсенками баюкаютъ дитя; семь врачей семью лѣкарствами лѣчатъ больного. Но недаромъ говаривалъ Амвросій Оптинскій, что давать совѣты—бросать съ колокольни маленькіе камешки, а исполнять—большіе камни на колокольню таскать.

Пусть правда все, что говорятъ Вѣхи о русской интеллигенціи; идущему по узенькой дощечкѣ надъ пропастью сказать: убьешься, — тоже правда; но правда не любви.

Кто можетъ помочь, помоги; но не любовь—не помощь.

Кто можетъ быть мостомъ, будь; но радуга не мостъ.

IV

„Понятіе революціи есть отрицательное; оно не имѣетъ самостоятельнаго содержанія, а характеризуется лишь отрицаніемъ ею разрушаемаго; поэтому пафосъ революціи есть ненависть и разрушеніе“.

Въ этихъ словахъ Булгакова — основная мысль книги, та скрытая ось, вокругъ которой все вращается; тотъ бѣлый цвѣтъ, въ которомъ слиты семь цвѣтовъ радуги.

Революція—одно отрицаніе безъ всякаго утвержденія; ненависть безъ всякой любви; разрушеніе безъ всякаго творчества; зло безъ всякаго добра.

Булгаковъ отсюда не дѣлаетъ вывода, но выводъ ясенъ: если революція—разрушеніе, ненависть и отрицаніе, то реакція—возстановленіе разрушеннаго—созиданіе; угашеніе ненависти—любовь; отрицаніе отрица-

нія—утвержденіе; и, наконецъ, если революція—антирелигія, то реакція—религія, а, можетъ быть, и обратно, религія—реакція: выводъ, давно уже сдѣланный врагами религіи.

Продолжая этотъ выводъ, мы придемъ отъ „страшнаго суда“ надъ русской интеллигенціей, русской революціей, къ „страшному суду“ надъ всей европейской ~~культурой~~, ибо вся она вышла изъ горнила революціоннаго, вся она—застывшій сплавъ металла, кипѣвшаго нѣкогда на революціонномъ огнѣ. Если революція—одно „отрицаніе, ненависть и разрушеніе“, то и вся культура тоже; такъ вѣдь и думали тѣ христіанскіе подвижники, на которыхъ ссылается Булгаковъ, какъ на обладателей совершенной истины Христовой: для св. Серафима Саровскаго все европейское просвѣщеніе—антихристово.

Существуетъ два пониманія всемірной исторіи: одно, утверждающее безконечность и непрерывность развитія, ненарушимость закона причинности; для этого пониманія свобода воли, необходимая предпосылка религіи, есть метафизическое и теологическое суевѣріе; другое — утверждающее „к о н е ц ъ“, „п р е р ы в ъ“, преодолѣніе внѣшняго закона причинности внутреннею свободою, то вторженіе трансцендентнаго порядка въ эмпирическій, которое кажется „ч у д о м ъ“, а на самомъ дѣлѣ есть исполненіе иного закона, высшаго, несоизмѣримаго съ эмпирическимъ: свобода Сына не нарушаетъ, а исполняетъ законъ Отца.

Первое пониманіе—научное, э в о л ю ц і о н н о е; второе—религіозное, р е в о л ю ц і о н н о е.

Въ послѣднемъ счетѣ, но именно только въ послѣднемъ, одно не противорѣчитъ другому: всякій „прерывъ“

есть предѣлъ, конецъ развитія — ц ѣ л ь — въ порядкѣ телеологіи; всякое развитіе есть подготовленіе, назрѣваніе, началo прерыва, „начало конца“—п р и ч и н а—въ порядкѣ детерминизма. Въ этомъ смыслѣ эволюція и революція—двѣ стороны, имманентная и трансцендентная, одной и той же всемірно-исторической динамики.

Въ Апокалипсисѣ дано это, по преимуществу, христіанское, предѣльное и п р е р ы в н о е, „катастрофическое“, революціонное пониманіе всемірной исторіи. Стоитъ раскрыть Апокалипсисъ, чтобы пахнуло на насъ „чувствомъ конца“, какъ жаромъ лавы изъ кратера. Что означаютъ, въ самомъ дѣлѣ, эти молніи, громы, пожары, землетрясенія; эти чаши гнѣва Господня, битвы, возстанія и пораженія народовъ; кровь, текущая до уздъ конскихъ; эти трупы царей, пожираемые хищными птицами; это паденіе великаго Вавилона, подобное паденію жернова, брошеннаго съ неба въ море,—что означаетъ все это, если не величайшую изъ революцій—ту послѣднюю грозу, чьи блѣдныя зарницы—всѣ революціи бывшія?

Неужели же для Булгакова и эта послѣдняя—только отрицаніе, только ненависть и разрушеніе?—Но вѣдь ежели царство Звѣря, Вавилонъ, тутъ, дѣйствительно, разрушается, то царство Божіе, Іерусалимъ, созидается; тутъ, воистину, „восторгъ разрушенія—восторгъ созиданія“, гнѣвъ Агнца—гнѣвъ любви.

Отвергать положительное религіозное содержаніе н е т о л ь к о в ъ э м п и р и к ѣ, н о и в ъ м и с т и к ѣ р е в о л ю ц і и—значитъ отвергать Апокалипсисъ—всю христіанскую эсхатологію, всю христіанскую динамику—Христа Грядущаго, а, слѣдовательно, и Пришедшаго, ибо Грядущій и Пришедшій—о д и н ъ.

Гдѣ же и зародилось революціонное пониманіе всемірной исторіи, какъ не въ христіанствѣ? Всѣ революціи древняго міра имѣютъ смыслъ національный, политическій; только у христіанскихъ народовъ начинается и продолжается, уже никогда не прекращаясь, а лишь переходя отъ одного народа къ другому, всемірное революціонное движеніе, какъ вѣчное исканіе Града Божьяго, какъ сознательно или безсознательно воплощаемая э с х а т о л о г і я.

На Западѣ, въ папствѣ, абсолютизмѣ духовномъ, на Востокѣ, въ кесарствѣ, абсолютизмѣ свѣтскомъ, изсякла, исказилась и окаменѣла она; но огненный родникъ ея донынѣ бьетъ въ сердцѣ русскаго народа—въ расколѣ-сектантствѣ и въ освобожденіи, въ интеллигенціи — во всѣхъ русскихъ отщепенцахъ, „настоящаго Града не имѣющихъ, грядущаго Града взыскующихъ“. Это безсознательное э с х а т о л о г и ч е с к о е с а м о ч у в с т в і е и дѣлаетъ интеллигенцію народною, во всякомъ случаѣ, болѣе народною, чѣмъ народники Вѣхъ.

Освобожденіе кончено для нихъ, найденъ Градъ: „17 октября 1905 года мы подошли къ поворотному пункту,—утверждаетъ Изгоевъ.—Мы—на порогѣ новой русской исторіи, знаменующейся открытымъ выступленіемъ, на-ряду съ правительствомъ, общественныхъ силъ“.—Это вѣдь и значитъ найденъ Градъ.

Вотъ съ чѣмъ никогда не согласится русская интеллигенція: она можетъ быть раздавлена, похоронена заживо, но не смѣшаетъ настоящаго Града съ грядущимъ, Вавилона съ Іерусалимомъ. И въ этомъ, безъ имени Божьяго, она ближе къ Богу, чѣмъ тѣ, у кого Онъ съ языка не сходитъ, и для кого чаяніе Града, по откро-

венному заявленію Струве, есть „апокалипсическій анекдотъ“.

V

Что Петръ Великій—„первый русскій интеллигентъ“, Гершензонъ слышалъ, кажется, между прочимъ, и отъ пишущаго эти строки, который далъ такое именно опредѣленіе русской интеллигенціи, по поводу „страшнаго суда“, учиненнаго надъ нею нѣкогда арх. Антоніемъ Волынскимъ, суда, поразительно совпадающаго съ Вѣхами. „Наша интеллигенція ведетъ справедливо свою родословную отъ Петровской реформы“, — замѣчаетъ Гершензонъ.

Если это справедливо, то покончить съ интеллигенціей—значитъ покончить съ Петромъ. Гершензонъ это и дѣлаетъ: двумя-тремя строками уничтожаетъ Петра.

„Какъ и народъ, интеллигенція не можетъ помянуть ее (Петровскую реформу) добромъ... Она расколола личность, оторвала сознаніе отъ воли, научила сознаніе праздному обжорству истиной“.

Раздавилъ Петра, какъ муху,—только мокренько.

Но раздавилъ ли, полно? Нѣтъ ли все-таки въ реформѣ кое-какого „добра“, которымъ должны помянуть ее русскій народъ и русская интеллигенція? Передъ исполинскими Вѣхами Петровыми не смѣшныя ли бирюльки—вѣхи Гершензоновы?

Петръ — первый русскій интеллигентъ и первый русскій отщепенецъ; все наше интеллигентское отщепенство идетъ, конечно, отъ Петра. Но именно эта способность вдругъ отщепиться, отколоться, оторваться отъ всего настоящаго и прошлаго, чтобы ринуться неистово къ будущему, — самое русское изъ русскихъ

свойствъ. Вотъ почему ни крестомъ, ни пестомъ Петра изъ Россіи не выбьешь. А что онъ русскій, мы болѣе повѣримъ Пушкину, чѣмъ Гершензону.

Петръ не только первый русскій интеллигентъ, но и первый русскій революціонеръ: объ этомъ тоже зналъ Пушкинъ, который такъ прямо и назвалъ Петра *величайшимъ революціонеромъ*. Вѣнецъ преобразованія—освобожденіе Россіи: недаромъ началось оно 14-го декабря у подножія Мѣднаго Всадника. Народность Петровскаго преобразованія—народность русскаго освобожденія и русской интеллигенціи, потому что *русская интеллигенція есть русское освобожденіе*.

Если Петръ — муха, раздавленная Гершензоновой хлопушкой, то „намъ должно благословлять власть, которая одна своими штыками, тюрьмами еще ограждаетъ насъ отъ ярости народной“,—готовой насъ проглотить; но если Петръ — камень всей Россіи, то, ну-ка, попробуйте, отнимите штыки: пусть глотаютъ — не проглотятъ, небось, подавятся камнемъ Петровымъ.

Если Петръ — „бѣсъ“, то вся интеллигенція — „бѣсноватая“; но если онъ святъ для Россіи, то свята и дщерь Петрова. И плевать въ лицо ей значитъ плевать въ лицо Россіи.

VI

„Добро, строитель чудотворный:
Ужо тебѣ!..“ И вдругъ, стремглавъ,
Бѣжать пустился.

Такъ бѣжитъ Струве въ до-Петровскую Россію „къ тѣмъ людямъ Московскаго государства, которые, по зову патріарха Гермогена, подъ предсѣдательствомъ Минина и

Пожарскаго, довели до конца дѣло возстановленія государства въ борьбѣ съ противогосударственнымъ „воровствомъ“.

Кто нынѣшніе Гермогены, Минины и Пожарскіе, остается неизвѣстнымъ; но ясно, кто „воры“: интеллигенты. „На смѣну казачества, разинской вольницы, приходитъ интеллигенція“, говоритъ Струве. „Безрелигіозность и безгосударственность“—двѣ стороны одного и того же „отщепенства“; „отрицая государство, интеллигенція отвергаетъ его м и с т и к у“. Въ этомъ, и только въ этомъ, по мнѣнію Струве, „ключъ къ пониманію революціи“, которая „бросилась на атаку самодержавно-дворянской Россіи—съ бездоннымъ легкомысліемъ“.

Казалось бы, изъ всего этого неотразимый выводъ, что возстановленіе и укрѣпленіе современной русской государственности есть, прежде всего, возстановленіе и укрѣпленіе самодержавія. Такъ вѣдь оно и было въ XVII вѣкѣ; для Гермогена, Минина и Пожарскаго государственная мистика заключалась въ самодержавіи.

Въ чемъ же заключается она для Струве? Въ имперіализмѣ? Но неужели не видитъ онъ, что будущій русскій имперіализмъ на современной русской конституціи—мыльный пузырь на соломинкѣ? Третья Дума и министерство Столыпина, какъ предметъ вѣры, какъ мистика—вѣдь это курамъ на смѣхъ; это анекдотичнѣе всякаго „апокалипсическаго анекдота“. Ужъ не лучше ли добрый старый порядокъ? Тутъ, по крайней мѣрѣ, дѣло идетъ на чистоту.

Почему бы, въ самомъ дѣлѣ, не послѣдовать Струве умному совѣту Гершензона—не „благословить власть съ ея штыками и тюрьмами“?

Въ идеѣ абсолютной монархіи заключены такіе

мистическіе соблазны, какіе не снились конституціонному имперіализму. Можетъ быть, главный грѣхъ, главное расхожденіе русской интеллигенціи съ народомъ именно въ томъ, что она не только не преодолѣла, но и не почувствовала этой соблазняющей мистики, отвергла ее слишкомъ поверхностно, эмпирически, не имѣя на то религіознаго права.

Вѣдь вотъ и Булгаковъ уже знаетъ, что „въ исторической душѣ русскаго народа всегда боролись завѣты обители препод. Сергія и Запорожской сѣчи, Разина и Пугачева“. Знаетъ Булгаковъ, и мы знаемъ, за что стояла обитель препод. Сергія: за неразрывную связь самодержавія съ православіемъ. Освободительное движеніе порвало или пыталось порвать эту связь, но въ освободительномъ движеніи, по мнѣнію Булгакова, нѣтъ ничего, кромѣ „отрицанія, ненависти и разрушенія“—„легіона бѣсовъ“: эти бѣсы, воры, пугачевцы и разинцы, злѣйшіе враги церкви и власти, какъ единаго народнаго тѣла, суть русскіе интеллигенты, русскіе революціонеры. Возстановить завѣты препод. Сергія, неразрывную связь церкви съ властью, не значитъ ли побѣдить революцію въ главномъ ея отщепенствѣ, изгнать изъ Россіи легіонъ Бѣсовъ, спасти Россію въ ея единственно національной идеѣ, въ ея всемірно-историческомъ призваніи—м е с с і а н и з м ѣ?

„Національная идея,—говоритъ Булгаковъ,—основывается прежде всего на м е с с і а н и з м ѣ, въ который съ необходимостью отливается всякое сознательное національное чувство. Такъ именно понимали національную идею Достоевскій, славянофилы, Вл. Соловьевъ“.

Но вѣдь знаетъ опять-таки Булгаковъ, и мы знаемъ, въ чемъ для славянофиловъ заключается мессіанизмъ:

въ трехъ на-глухо спаянныхъ звеньяхъ: православіе, самодержавіе, народность. Принявъ два крайнія звена—православіе и народность—на какомъ основаніи выкидываетъ Булгаковъ среднее, соединяющее, главное? Выкинуть его значитъ порвать цѣпь. Въ чемъ реальное воплощеніе и динамика исторической церкви внѣ исторической власти? въ имперіализмѣ Струве, въ мыльномъ пузырѣ на соломинкѣ? Если душа Россіи—православіе, то тѣло—самодержавіе; гдѣ душа, тамъ и тѣло; нельзя принять душу безъ тѣла, или тѣло безъ души. Нѣтъ римскаго католичества безъ папы, главы церкви; нѣтъ восточнаго христіанства безъ кесаря, тоже главы церкви, не только по историческому опыту, но и по мессіанскому откровенію.

Что же касается до всѣхъ эмпирическихъ возраженій противъ идеи абсолютной монархіи, то въ плоскости мистической, на которой движется эта идея, не имѣютъ они силы, вѣдь рѣчь идетъ вовсе не о случайныхъ преходящихъ формахъ единовластія, а о вѣчныхъ предѣлахъ его; не о томъ, что оно есть, а о томъ, чѣмъ оно можетъ или должно быть. Никакія злоупотребленія папскою властью не колеблютъ идеи папства; такъ же точно никакія злоупотребленія царскою властью не колеблютъ идеи царства.

Не дуракъ же и пошлякъ Достоевскій, не хуже Булгакова знаетъ и не меньше любитъ Россію; а вѣдь вотъ, однако, прямо утверждаетъ, что при абсолютной монархіи возможна такая свобода, о которой и не грезилось республикамъ. И въ Соловьевской теократіи царь—необходимый членъ тройственности: Царь, Пророкъ, Священникъ.

Между православіемъ и народностью Булгакова еще

не нарисовано, но уже пунктиромъ намѣчено лицо самодержавія такъ ясно, что нельзя не узнать.

За чѣмъ же дѣло стало? Смѣть, такъ смѣть. А то и хочется, и колется, и бабушка не велитъ—не та же ли интеллигентская бабушка, съ которою воюютъ Вѣхи и которая въ нихъ самихъ жива?

Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, могли бы онѣ оградиться—если имъ нужно ограждаться—отъ идеи абсолютизма,—кромѣ вялой болтовни о „дикомъ разгулѣ реакціи“, о „самовластіи, исказившемъ душу интеллигенціи“, о „непрекращающихся смертныхъ казняхъ“—и прочихъ жалкихъ словъ?

Что дѣлаешь, дѣлай скорѣе. А если они сами не хотятъ, другіе за нихъ сдѣлаютъ.

VII

„Послѣ ихнихъ похвалъ захочется плюнуть на Россію“, говорилъ Гоголь о славянофилахъ. Наши современные славянофилы все ищутъ въ темнотѣ ощупью и никакъ не могутъ найти „національное лицо“ Россіи: тамъ, гдѣ должно быть лицо, чортъ знаетъ что.

Татары, бывало, въ Золотой Ордѣ мучили русскихъ плѣнниковъ: клали на нихъ доски, садились и пировали. Вотъ гдѣ наше „національное лицо“!

Такую же медвѣжью услугу оказываютъ Вѣхи и религіозному сознанію русской интеллигенціи.

Это младенецъ, едва сосать научившійся; а они намазываютъ грудь кормилицы горчицею.

Не медвѣжья услуга развѣ только одна: доказательство отъ противнаго, что, несмотря на безбожье

русскаго освобожденія, есть у него тайный религіозный смыслъ, такъ что, можетъ быть, чѣмъ безбожнѣе явное, тѣмъ религіознѣе тайное;—отрицать этотъ смыслъ можно только, отрицая всякую религіозную общественность, что̀ и дѣлаютъ Вѣхи;—доказательство отъ противнаго, что освобожденіе, если еще не есть, то будетъ религіей; и религія, если еще не есть, то будетъ освобожденіемъ.

Что этого нѣтъ, всѣ видятъ; что это будетъ, немногіе вѣрятъ. Не видѣть и вѣрить—уже религія. „Блаженны не видѣвшіе и увѣровавшіе“.—А кто хочетъ видѣть и не можетъ вѣрить,—уходитъ въ станъ враговъ. Пусть уходитъ. На страшномъ гумнѣ молотятъ насъ всѣхъ, какъ пшеницу: солома отлетаетъ, зерно остается;—мало, зато чистое.

По слову Псалмопѣвца, „сидимъ во тьмѣ и тѣни смертной, окованные скорбью и желѣзомъ“. Желѣзо до костей; скорбь до смерти.

Кажется, наступилъ тотъ полуночный часъ, когда вотъ-вотъ раздастся крикъ пѣтуховъ, возвѣщающій солнце.

Прислушаемся же, не прозвучитъ ли въ нашихъ сердцахъ этотъ крикъ: живъ Господь; и живы души наши; да здравствуетъ русская интеллигенція, да здравствуетъ русское освобожденіе!

КЪ СОБЛАЗНУ МАЛЫХЪ СИХЪ

Въ Московскомъ Еженедѣльникѣ напечатано открытое письмо Бердяева, отвѣтъ на такое же письмо арх. Антонія, по поводу Вѣхъ.

Бердяевъ начинаетъ заявленіемъ о томъ, что „нынѣ почитаетъ церковь своею духовною матерью“. Заявлять объ этомъ ему нужно потому, что его недавнее присоединеніе къ церкви могло остаться неизвѣстнымъ и совершилось „путями извилистыми“, какъ сознается самъ пишущій; нѣкоторыя же изъ этихъ извилинъ коснулись такъ называемаго „новаго религіознаго сознанія“— опаснѣйшей ереси въ глазахъ арх. Антонія, а, пожалуй, нынѣ и самого Бердяева. Настоящимъ заявленіемъ отрекается онъ отъ этой ереси, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, дѣйствительная принадлежность его къ церкви осталась бы подъ сомнѣніемъ, а слѣдовательно, и все письмо утратило бы свою главную убѣдительную силу, какъ обращеніе духовнаго сына къ отцу, пасомаго къ пастырю.

Не пустая же учтивость эти заключительныя слова: „поручаю себя вашимъ молитвамъ и испрашиваю себѣ вашего благословенія, Владыка“. Не обманываетъ же онъ себя и другихъ—вѣрить въ святость молитвъ и

подлинность благословенія того, кого называетъ „виднѣйшимъ изъ епископовъ русской церкви“.

Слова эти смиренны. Но менѣе смиренны другія,—по всей вѣроятности, услышанныя пастыремъ отъ пасомой овцы не безъ удивленія. „Ваше высокопреосвященство... я позналъ тайну соблазновъ... Я получилъ право... обличать ложь... Покаяться должны всѣ“.

Тутъ же, хотя и по другому поводу, говорится объ „избранникахъ, которые написаны у Агнца въ книгѣ жизни“.

Невольно приходитъ на память эти избранники, когда заявляетъ Бердяевъ уже не только отъ себя, но и отъ своихъ единомышленниковъ по Вѣхамъ: „Мы побѣдили соблазны; но мы не возгордились этимъ и всегда помнимъ, что многимъ братьямъ нашимъ побѣдить это слишкомъ трудно, что для м а л ы х ъ с и х ъ соблазны страшны“.

Итакъ, Бердяевъ ходатайствуетъ за малыхъ сихъ, не записанныхъ у Агнца въ книгѣ жизни, дѣлаясь посредникомъ между ними и церковью, нет олько русскою, но и вселенскою, ибо не о меньшемъ хлопочетъ онъ: „гдѣ голосъ вселенской церкви, которой я во всемъ подчиняюсь и во имя которой отъ всего откажусь?“

Еще большее удивленіе должны возбудить въ арх. Антоніѣ дальнѣйшіе вопросы Бердяева—тѣ соблазны, которые мѣшаютъ малымъ симъ войти въ православную церковь.

Почему „мерзость запустѣнія стала на мѣстѣ святомъ“? Почему церковь „привыкла полагаться во всемъ на внѣшнюю принудительную силу, внутренняя же сила духовныхъ даровъ почти изсякла въ ней“? Почему со-

вершается ею „превращеніе вѣры въ орудіе мірской политики“? Оправдывается „братоубійственная политика с. р. н.“? „Благословляются смертныя казни“? Почему въ церкви—„вмѣсто дѣлъ любви, дѣла ненависти“? „вмѣсто мучениковъ, мучители“; „вмѣсто правды распятой, сила распинающая“? Почему, наконецъ, метафизическое отношеніе церкви къ міру—„антихристіанское, безбожное, демоническое“?

Отвѣтитъ ли арх. Антоній на всѣ эти вопросы и что именно,—не берусь угадывать; во всякомъ случаѣ, отвѣтить ему и легко, и трудно.

Легко отвѣтить: если такова церковь, какъ утверждаетъ вопрошающій, то какъ могъ онъ войти въ нее? Для мерзости запустѣнія, стоящей на мѣстѣ святомъ, существуетъ ли предѣлъ, за которымъ и самое мѣсто перестаетъ быть святымъ? Если существуетъ, то не ясно ли, по вопросамъ Бердяева, что предѣлъ этотъ для него уже исполнился? А утверждать, что такого предѣла вовсе нѣтъ,—не кощунство ли? Да и о чемъ тогда спрашивать, чѣмъ соблазняться? Во всякомъ случаѣ, слѣдовало бы спрашивать прежде, чѣмъ входить въ церковь,—или, уже войдя, не спрашивать. А, снявъ голову, по волосамъ не плачутъ. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, поручать себя молитвамъ тѣхъ, кого считаешь мучителями, ,распинателями правды Христовой, кого подозрѣваешь въ безбожномъ, демоническомъ отношеніи къ міру. Обличаемые могли бы отвѣтить обличителю: если ты съ нами, то зачѣмъ говоришь неправду о насъ; а если правда то, что ты говоришь, то зачѣмъ ты съ нами?

Это легкій отвѣтъ ad hominem; а вотъ столь же

легкій по существу. Еще со временъ Святѣйшей Инквизиціи, на тотъ же вопросъ—тотъ же отвѣтъ.

Никогда никого не преслѣдуетъ, не насилуетъ, не мучаетъ, не казнитъ церковь; она прощаетъ и любитъ враговъ своихъ, по завѣту Христа; и, любя, предаетъ ихъ мечу свѣтскому, правосудію государственному, не вмѣшиваясь въ него, не препятствуя ему; и ежели казнить оно преступниковъ, по своимъ собственнымъ законамъ, то это уже дѣло его, государства. Церковь же, оставаясь матерью любящею до конца, не покидаетъ осужденнаго, когда всѣ покинули его.—утѣшаетъ, наставляетъ, напутствуетъ Св. Дарами на костеръ, на плаху, на висѣлицу, молится о спасеніи души его.

Итакъ, сколько бы крови человѣческой ни было пролито,—ни одна капля не можетъ упасть на церковь и запятнать непорочно-бѣлыя ризы Невѣсты Христовой.

Лицемѣріе? Кощунство?—Нѣтъ, кто другой, а Бердяевъ этого не скажетъ. Вѣдь самъ онъ признаетъ не только возможнымъ, но и необходимымъ такое именно отдѣленіе эмпирическаго порядка отъ мистическаго, „мірскихъ дѣлъ“ государственныхъ отъ церковныхъ дѣлъ „не отъ міра сего“.—„Пусть—говоритъ онъ,—государство въ мірскихъ дѣлахъ прибѣгаетъ къ необходимымъ мѣрамъ принужденія; грѣховный, отпавшій отъ Бога міръ не можетъ существовать безъ принудительной государственности“,—т. е. безъ власти насильственной, меча казнящаго. „Христіанинъ,—продолжаетъ Бердяевъ,—долженъ сознавать, что *начальникъ не напрасно мечъ носитъ*“.—А гдѣ мечъ, тамъ и казнь, тамъ „сила распинающая“.—„Но церковь Христова,—заключаетъ онъ,—держится на вѣрѣ въ правду

распятую, а не въ силу распинающую“. Это и значитъ: не можетъ быть никакого религіознаго соприкосновенія между властью государственною и свободой церковною, между порядкомъ отъ міра и не отъ міра сего; а слѣдовательно, не можетъ быть и никакого вопроса о томъ, почему церковь не вмѣшивается въ государственное насилье, не препятствуетъ ему, попускаетъ его. И если бы даже сдѣлалась она „орудіемъ мірской политики“, то это—эмпирическая вина государства, а не мистическая вина церкви. Пастыри церкви учавствуютъ въ этой винѣ, не какъ пастыри, облеченные властью духовною, а какъ „начальники, не напрасно мечъ носящіе“, люди свѣтскіе, государственные. Сама же церковь остается опять-таки невинною.

По мнѣнію Бердяева, такъ должно быть. *Но вѣдь такъ оно и есть*. Отъ добра, добра не ищутъ. Чего же ему еще надо?

Уничтожить ссылки на Достоевскаго и Серафима Саровскаго арх. Антонію тоже ничего не стоитъ.

Не противополагалъ ли Достоевскій именно здѣсь, въ вопросѣ о государственномъ насильи, церковь православную, какъ воплощеніе свободы Христовой, духу Великаго Инквизитора, который господствуетъ, будто бы, въ католическомъ Римѣ? Въ христіанствѣ западномъ, по ученію Достоевскаго, церковь претворяется въ государство; тогда какъ въ христіанствѣ восточномъ, наоборотъ, государство претворяется въ церковь, „возносится до церкви“. Всемірно-историческое призваніе русскаго народа-богоносца и видѣлъ Достоевскій въ этой новой теократіи, въ абсолютномъ, взаимопоглощающемъ соединеніи православія и самодержавія, порядка эмпирическаго и мистическаго. Эти два порядка

Бердяевъ раздѣляетъ; Достоевскій соединяетъ. Для него оправданіе и утвержденіе существующаго—необходимая предпосылка будущаго: внѣ русской исторической церкви и русской исторической власти нѣтъ спасенія. Въ этомъ смыслѣ, Достоевскій—могущественный теоретикъ современной реакціи. И въ этомъ же смыслѣ, арх. Антоній, ученикъ Достоевскаго, никого не могъ бы противопоставить Бердяеву съ такою силою, какъ своего учителя.

Что же касается до Серафима Саровскаго, то авторъ письма какъ будто или вовсе не читалъ, или окончательно забылъ житіе этого святого. Русская церковь и русская власть для Серафима такъ неотдѣлимо слиты, что ему показался бы безсмысленнымъ и даже кощунственнымъ вопросъ о томъ, не сдѣлалась ли церковь орудіемъ мірской политики. Православіе есть душа самодержавія, а самодержавіе—тѣло православія. Недаромъ предсказывалъ Серафимъ, что, когда русскій царь посѣтитъ Саровскую обитель, большой колоколъ московскаго Успенскаго собора самъ зазвонитъ, возвѣщая міру „новую Пасху“, торжество православія и самодержавія, какъ единаго цѣлаго.

Но если ужъ Бердяевъ забылъ Серафима, то пусть вспомнитъ о. Іоанна Кронштадтскаго, для того чтобы убѣдиться въ томъ, что христіанская святость совмѣстима съ реакціей, съ участіемъ въ союзѣ русскаго народа, съ превращеніемъ церкви въ „орудіе мірской политики“, съ благословеніемъ смертныхъ казней.

Да и что Серафимъ, что Іоаннъ,—не вся ли тысячелѣтняя исторія христіанской святости утверждаетъ не въ какомъ-либо иномъ, а именно въ этомъ смыслѣ происхожденіе всякой власти отъ Бога? Такъ было—такъ будетъ. А либеральные доводы противъ этого міро-

вого теченія все равно, что бумажный кораблікъ противъ Ніагары.

Да, арх. Антонію очень легко и, вмѣстѣ съ тѣмъ, повторяю, очень трудно отвѣтить на вопросы Бердяева. Трудно потому, что сами вопросы путаются въ противорѣчіяхъ и, только-что поставленные, падаютъ.

Противорѣчіе въ самомъ положеніи Бердяева относительно церкви мы уже видѣли: онъ считаетъ ее своею матерью, а говоритъ о ней такъ, какъ нельзя говорить сыну о матери. Спрашиваетъ, гдѣ голосъ церкви; но вѣдь если онъ пришелъ къ ней, то, значитъ, услышалъ голосъ ея; а если не услышалъ, то, значитъ, не пришелъ.

Арх. Антонію трудно будетъ рѣшить, кому онъ отвѣчаетъ, сыну или чужому, вѣрному или оглашенному. Мало ли что эти оглашенные говорятъ о церкви: на всякое чиханье не наздравствуешься.

Это противорѣчіе, жизненное, біографическое, вытекаетъ изъ глубочайшаго противорѣчія религіознаго.

Всѣ вопросы, всѣ соблазны Бердяева относятся, какъ онъ самъ утверждаетъ, къ „духовному упадку и разложенію церкви въ ея человѣческой, эмпирической, исторической сторонѣ“; но „въ божественной сторонѣ церковь незыблема и хранитъ вѣчную истину“.

Въ существѣ церкви отдѣляетъ онъ человѣческое отъ божескаго; считаетъ возможнымъ не вѣрить въ человѣческое, продолжая вѣрить въ божеское. И тутъ же спрашиваетъ: „нѣтъ ли такой степени невѣрія въ человѣка и человѣчество, которая уже несовмѣстима съ вѣрой въ Богочеловѣка, въ Соединившаго Бога и человѣчество?“ И, отвѣчая на этотъ вопросъ утвердительно, указываетъ на К. Леонтьева, у котораго невѣріе въ

человѣчество, безбожное отношеніе къ міру приняло характеръ антихристіанскій, демоническій.

Такъ одно и то же оказывается то божескимъ, то демоническимъ. Основной догматъ христіанства, Богочеловѣчество, какъ совершенное соединеніе Бога съ человѣчествомъ, то утверждается, то отрицается.

Противорѣчіе въ религіозной посылкѣ рождаетъ противорѣчія и въ общественныхъ выводахъ.

Церкви противополагается государство, какъ область мірскихъ дѣлъ—области не отъ міра сего.—„Пусть государство въ мірскихъ дѣлахъ прибѣгаетъ къ необходимымъ мѣрамъ принужденія", къ „силѣ распинающей";—„но церковь держится на вѣрѣ въ правду распятую, а не въ силу распинающую".

Гдѣ кончается бытіе государственное, сила распинающая, тамъ начинается бытіе церковное, правда распятая. Между ними нѣтъ и не можетъ быть никакого положительно религіознаго соприкосновенія; а слѣдовательно, не можетъ быть и никакой „церковной политики", „христіанской государственности". Всякое отношеніе церкви къ политикѣ есть „мерзость запустѣнія на мѣстѣ святомъ". Отъ всякой политики открещивается Бердяевъ, какъ отъ навожденія бѣсовскаго: „ради Христа,—умоляетъ онъ арх. Антонія,—вѣрьте мнѣ, что въ словахъ моихъ нѣтъ ни капли политики; въ словахъ моихъ сказалась жажда освобожденія вѣры отъ политики".

И тутъ же говоритъ о христіанскомъ государствѣ: „Наша христіанская совѣсть принуждаетъ насъ религіозно бороться со смертными казнями въ христіанскомъ государствѣ".

А гдѣ государство—тамъ и политика, гдѣ христіан-

ское государство—тамъ и христіанская политика, положительное или отрицательное, но, во всякомъ случаѣ, дѣятельное отношеніе церкви къ мірскимъ дѣламъ. Какъ же „религіозно бороться со смертными казнями въ христіанскомъ государствѣ", будучи религіозно же, христіански же внѣ всякаго бытія государственнаго?

Все письмо Бердяева—сплошная сѣть такихъ противорѣчій. Онъ бьется въ нихъ и увязаетъ, какъ птица, попавшая въ сѣть.

И ужъ, конечно, соблазна малыхъ сихъ не облегчаетъ. Мы должны вѣрить, что онъ вошелъ въ церковь; но кто онъ, что онъ, гдѣ онъ, съ кѣмъ и противъ кого, а главное, вошелъ ли онъ, дѣйствительно, или только хочетъ, но не можетъ войти, да и церковь ли то, во что онъ вошелъ,—мы не знаемъ.

Можно „пріобщиться къ землѣ, не пріобщаясь у Бога", приводитъ онъ слова Серафима Саровскаго. Это значитъ: можно, считая себя вошедшимъ, не выйти въ церковь.

Но и войти въ нее не значитъ еще побѣдить всѣ соблазны. По испанской поговоркѣ, за крестомъ—дьяволъ. Если дьяволъ, который передъ крестомъ и мѣшаетъ подойти къ нему, силенъ, то еще сильнѣе тотъ, который за нимъ и соблазняетъ подошедшихъ. Не являлся ли дьяволъ величайшимъ подвижникамъ въ „образѣ ангела свѣтлаго" и даже самого Христа?

Въ первые вѣка христіанства существовало преданіе о томъ, что ликъ Антихриста будетъ до такой степени подобенъ лику Христову, что едва не соблазнятся избранные. Въ настоящее время соблазнительнѣе, чѣмъ когда-либо, смѣшеніе двухъ ликовъ.

Побѣдилъ ли Бердяевъ этотъ соблазнъ?

СЕРДЦЕ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЕ И СЕРДЦЕ ЗВѢРИНОЕ

Сердце человѣческое отнимется отъ него, и дастся ему сердце звѣриное.

Даніила, IV, 13.

I

„Надо всего только разрушить въ человѣчествѣ идею о Богѣ, вотъ съ чего надо приняться за дѣло.—Разъ человѣчество отречется поголовно отъ Бога, то само собою наступитъ все новое.—Человѣкъ возвеличится духомъ божеской, титанической гордости, и явится Человѣко-богъ“.

Это исполняется, какъ по писаному, въ спорѣ соціалъ-демократіи съ „новымъ религіознымъ сознаніемъ“. Древній вѣчный споръ богочеловѣчества съ человѣкобожествомъ.

„Идетъ вѣтеръ къ югу и переходитъ къ сѣверу, кружится, кружится на ходу своемъ, и возвращается вѣтеръ на круги свои“.

Сейчасъ трудно рѣшить, что происходитъ: кружится ли пустынный вѣтеръ, расходится ли зыбь отъ брошеннаго въ воду камня, или восходитъ, взлетаетъ отъ земли къ небу какая-то спираль—исполинская, витая лѣстница Вавилонской башни?

„Соціалистическая Вавилонская башня — это, дѣйствительно, воплощеніе современнаго атеизма“, соглашается Базаровъ съ Достоевскимъ: а если такъ, то необходимая религіозная предпосылка соціализма есть атеизмъ.

Но для того, чтобы утвердить атеизмъ, „разрушить въ человѣчествѣ идею о Богѣ“, недостаточно одной критики чистаго разума. Опровергнувъ онтологическія доказательства бытія Божія, тѣмъ же ударомъ опровергаетъ она и онтологическія доказательства безбожія. Есть Богъ, и нѣтъ Бога, теизмъ и атеизмъ — два одинаково произвольныя утвержденія, двѣ одинаково недоказуемыя вѣры. Мы не знаемъ, можетъ ли человѣкъ установить въ религіозномъ опытѣ какую-либо связь съ ноуменальнымъ. Ignoramus, ignorabimus — вотъ единственный отвѣтъ разума на всѣ вопросы вѣры. Не знаемъ и никогда не узнаемъ, не можемъ и не хотимъ знать, есть Богъ или нѣтъ.

Атеизмъ, въ такомъ чистомъ видѣ, критическій атеизмъ—безотвѣтенъ передъ всякимъ религіознымъ утвержденіемъ. Это не отрицательный полюсъ положительнаго электричества, а лишь дурной проводникъ—стекло. Критическій атеизмъ — пустое мѣсто въ религіи; не отрицаніе Бога, а лишь отсутствіе вопроса о Богѣ.

Необходимая предпосылка соціалъ-демократіи, какъ религіи, — атеизмъ не критическій, а догматическій; не критическое отрицаніе вопроса о Богѣ, а догматическое утвержденіе, что Бога нѣтъ; вѣра въ небытіе Божіе, по степени мистики, совершенно равная вѣрѣ въ Бога. Догматическій атеизмъ есть обратный теизмъ — антитеизмъ или, какъ выражается Бакунинъ, „антитеологизмъ“.—„Если есть Богъ,

то человѣкъ—рабъ“. Но мы вѣримъ, что человѣкъ свободенъ;—слѣдовательно, мы должны вѣрить, что Бога нѣтъ. „Я вѣрую, что Бога нѣтъ!“—могли бы воскликнуть Базаровъ, Луначарскій, Горькій вмѣстѣ съ героемъ Достоевскаго.

Это поняли общіе враги новаго религіознаго сознанія и соціалъ-демократіи, какъ религіи. Вотъ почему объединяютъ они оба теченія, если не по качеству, то по количеству мистики.—„Теперь и безбожники, наши русскіе соціалисты, сочиняютъ религіи“, замѣчаетъ Галичъ, и очень ядовито, но справедливо, называетъ соціалъ-демократію Луначарскаго „богословіемъ“. А Струве „матеріализацію царства Божьяго“, какъ у „богостроителей“, такъ и у „богоискателей“, считаетъ одинаково „скернымъ апокалипсическимъ анекдотомъ“.

„Я видѣлъ всесильный и безсмертный народъ... и я молился: Ты еси Богъ, да не будетъ міру бози иніи развѣ Тебѣ, ибо Ты еси единъ Богъ, творяй чудеса. Тако вѣрую и исповѣдую“ (Исповѣдь Горькаго).

Это ли не вѣра? Это ли не мистика?

Нѣтъ, — успокаиваетъ Базаровъ, — „тутъ нѣтъ мистицизма“, тутъ дѣло не въ дѣлѣ, а въ словахъ.

Слово, „терминъ: богосторительство, конечно, неудаченъ; лучше было бы не давать даже малѣйшаго, даже внѣшняго повода къ недоразумѣніямъ“.—Итакъ, утверждать, что Богъ есть, когда Бога нѣтъ, называть несущее сущимъ—только малѣйшій, только внѣшній поводъ къ недоразумѣніямъ? Не значитъ ли это: намъ до такой степени наплевать на Бога, что мы употребляемъ Его на затычку, за неимѣніемъ болѣе удачнаго слова—отъ слова-де не станется?

„Горькій,—объясняетъ Базаровъ,—писалъ не трактатъ, а повѣсть, и вполнѣ понятно, что герой его употребляетъ для обозначенія атеистическихъ цѣнностей то же самое имя, какимъ онъ съ дѣтства привыкъ обозначать вообще высшія цѣнности“.—Не значитъ ли это: употребленіе имени Божьяго—дурная дѣтская привычка?

Но вѣдь вотъ Луначарскій пишетъ не повѣсть, а трактатъ, цѣлое „богословіе“. Почему же и у него та же дурная привычка?

„Человѣкъ человѣку Богъ.—Ищешь Бога? Богъ есть человѣчество“, богословствуетъ Луначарскій.

Если Богъ есть ничего,—то „человѣчество есть Богъ“,—значитъ: человѣчество есть ничто; а слѣдовательно, и соціалъ-демократія, какъ религія, основанная на идеѣ человѣчества, какъ Бога, есть ничто; и богостроительство—строительство изъ ничего.

Но вѣдь это самоистребленіе, или, во всякомъ случаѣ, нѣчто гораздо худшее, чѣмъ дурная дѣтская привычка; это сознательно нечистая игра не словами, а цѣнностями, фальшивый вексель, „мошенничество“, какъ выражается чортъ Ивана Карамазова: „если захотѣлъ мошенничать, зачѣмъ бы еще, кажется, санкція истины“—зачѣмъ санкція имени Божьяго?

Пусть такіе умные люди, какъ Луначарскій, Базаровъ, Горькій, знаютъ, что отъ слова не станется, и готовы проливать изъ-за слова Богъ только чернильныя рѣки. Но вѣдь народъ, неискушенный въ этой игрѣ, можетъ повѣрить, что Богъ, дѣйствительно, есть, или что Бога, дѣйствительно, нѣтъ. И тогда отъ слова станется; тогда вновь, какъ это столько разъ бывало въ исторіи, потекутъ уже не чернильныя, а

кровавыя рѣки. И поймутъ игроки, что игра съ Богомъ въ народѣ, особенно въ русскомъ народѣ, игра съ огнемъ въ пороховомъ погребѣ—безбожная, безчеловѣчная игра.

Если остановить вниманіе на внѣшности, то, пожалуй, дѣйствительно, надо будетъ признать, что „богословіе“ Луначарскаго отзывается литературщиной. Бѣда въ томъ, что теперь „мода на Бога“, а Луначарскій—модникъ. Въ началѣ XIX вѣка былъ щегольской цвѣтъ „мертвой блохи“—puce morte; въ началѣ XX вѣка—цвѣтъ „мертваго Бога“; и кажется иногда, что Луначарскому все равно, какая мода.

Но я не хочу останавливаться на литературной внѣшности и не могу, на основаніи одной этой внѣшности, заподозрить Луначарскаго, а тѣмъ болѣе Горькаго, въ такомъ невинномъ ребячествѣ или преступномъ обманѣ, какъ богостроительство изъ ничего.

Это не обманъ, а самообманъ. И самъ Горькій съ Луначарскимъ это уже почти сознаютъ.

„Ты, Мишка, нахватался церковныхъ мыслей, какъ огурцовъ съ чужого огорода наворовалъ, и смущаешь людей. Коли говорить, что рабочій народъ вызванъ жизнь обновлять—обновляй и не подбирай то, что попами до дыръ заношено, да и брошено“.

На ворѣ шапка горитъ. Въ самомъ дѣлѣ молитва, тайна, чудо, святость, бѣсъ, Богъ, — всѣ эти религіозныя слова въ ковычкахъ, все это „богословіе“ бѣднаго Мишки — не что иное, какъ огурцы съ христіанскаго огорода. И напрасно, Луначарскій хватается за негорящую шапку: огурцы, молъ, выросли на дикомъ полѣ.—„Но попами создано понятіе Бога“. Если не попами, то кѣмъ? Человѣчествомъ? Но тогда

почему этотъ естественно родившійся и выросшій въ человѣчествѣ Богъ менѣе реаленъ, чѣмъ тотъ будущій, искусственно выращенный въ литературной стклянкѣ гомункулъ, или механически построенный автоматъ?

Кѣмъ бы, впрочемъ, ни было создано понятіе Богъ, главное то, что стараго Бога нѣтъ, а новый „Богъ—коллективное человѣчество"—есть или будетъ. Для Базарова Бога нѣтъ, не было и *не будетъ*; для Луначарскаго и Горькаго—нѣтъ, не было, *но будетъ*. Между этими двумя утвержденіями—пропасть; пусть пока лишь словесная, зеркальная, но это—зеркало глубокихъ водъ, въ которыхъ бѣдному Мишкѣ не найти брода.

Да и такъ ли ужь увѣренъ Луначарскій, что стараго Бога нѣтъ?

„Міродержатель, Деміургъ—почти бѣсъ... Куда дѣваться? Поднять кулакъ къ небу и укусить его въ отчаяніи? Ты преступишь подлую заповѣдь... А дальше? Онъ пригнетъ тебя къ землѣ и заставитъ цѣловать палку, которой будетъ сокрушать твои ребра. Ты въ бѣшенствѣ начнешь громоздить горы на горы, строить башню, столпъ до Его проклятаго жилища, а Онъ молніей разобьетъ твою работу или коварно бросить раздоръ между людьми. Куда бѣжать?"

Если богохульства эти не модная дешевка цвѣта „мертвой блохи" или „мертваго Бога", если въ нихъ есть какая-нибудь жизненная правда, то кажущееся отрицаніе тутъ подлинное утвержденіе, превращеніе стараго Бога въ новаго бѣса, а можетъ быть, и стараго бѣса въ новаго Бога. Зеркало не уничтожаетъ, а только искажаетъ, перевертываетъ лицо.

Богъ противъ Бога, религія противъ религіи, Человѣкобожество противъ Богочеловѣчества—вотъ зеркальная или дѣйствительная глубина спора.

Во всякомъ случаѣ, позитивныя твердыни сданы, и напрасно хочетъ Базаровъ вернуться въ нихъ.

Соціалъ-демократія запуталась въ сѣтяхъ мистики, пусть пока лишь однимъ ноготкомъ: ноготокъ увязъ—всей птичкѣ пропасть.

II

„Человѣкъ есть Богъ"—одинъ членъ символа вѣры; „человѣчество есть Богъ"—другой. Я есмь Богъ для человѣчества; человѣчество есть Богъ для меня; крайній мистическій индивидуализмъ (Ницше, Штирнеръ, Л. Андреевъ) и крайній мистическій соціализмъ (Фейербахъ, Лунячарскій, Горькій)—между этими двумя крайностями существуетъ антимонія, неразрѣшимая въ той плоскости, на которой движется соціалъ-демократія, какъ религія *).

Когда Иванъ Карамазовъ говоритъ о человѣкобогѣ, то сначала разумѣетъ подъ нимъ человѣкобожество, соціалистическое человѣчество, а затѣмъ прибавляетъ: „но если даже періодъ этотъ (т. е. періодъ торжествующаго соціализма) никогда не наступитъ, то, такъ какъ Бога и безсмертія все-таки нѣтъ, то новому человѣку

*) То, чего я здѣсь касаюсь кратко и поверхностно, глубже и подробнѣе изложено Д. В. Философовымъ въ его докладѣ, читанномъ въ Рел.-Фил. О-вѣ: „Богостроительство и богоискательство".

позволительно стать человѣко-богомъ даже хотя бы одному въ цѣломъ мірѣ... Для Бога не существуетъ закона. Гдѣ станетъ Богъ, тамъ уже мѣсто Божіе. Гдѣ стану я, тамъ сейчасъ же будетъ первое мѣсто... „все дозволено“—и шабашъ“.

Здѣсь та же антиномія. Вѣдь, въ концѣ концовъ, остается нерѣшеннымъ, нерѣшеннымъ вопросомъ: кто Богъ—человѣкъ или человѣчество, я или всѣ? кому „все дозволено—мнѣ, вопреки всѣмъ или всѣмъ, вопреки мнѣ? я ли уничтожаю всѣхъ, или всѣ уничтожаютъ меня?

Ни то, ни другое,—отвѣчаютъ соціалъ-демократы,—всѣ для каждаго и каждый для всѣхъ.—Но вѣдь это школьная пропись, бабушкина сказка о „предустановленной гармоніи“.

На всемъ протяженіи всемірной исторіи происходитъ борьба личности съ обществомъ, одного со всѣми,—и никогда еще борьба эта не была такой убійственной для обѣихъ сторонъ, какъ теперь; никогда съ такою ясностью не вскрывалось противорѣчіе между идеальною правдою анархизма и реальной правдою соціализма. А предустановленная гармонія все еще вилами на водахъ писана. Ни показать, ни доказать ея нельзя,—можно только вѣрить въ нее.

Для того, чтобы разрѣшить антиномію абсолютной личности и абсолютной общественности, существуютъ, на самомъ дѣлѣ, только два средства: или отказаться отъ всякаго абсолюта, т. е. отъ всякой религіи, богостроительства, какъ это дѣлаетъ Базаровъ; или пожертвовать однимъ абсолютомъ другому, личностью—общественности, какъ это дѣлаютъ Луначарскій и Горькій.

III

Богъ есть ничто—вотъ первый членъ символа вѣры; человѣческая личность есть ничто—вотъ второй. Для Базарова нѣтъ вовсе „я“ и „ты“, а есть только „мое“ и „твое“: „мое“ и „твое“,—говоритъ онъ,—возникаютъ только тогда, когда рѣчь заходитъ о дѣлежѣ продуктовъ творчества, объ ихъ распредѣленіи“.—Человѣческая личность для Базарова лишь экономическая единица. Чувство личности—чувство собственности.—„Индивидуализмъ (т. е. абсолютное утвержденіе личности) создалъ великую культуру. Мавръ исполнилъ свой долгъ, мавръ можетъ удалиться“. Личность можетъ умереть—собакѣ собачья смерть.

„Пафосъ творчества,—продолжаетъ Базаровъ,—объективенъ, безличенъ, по самому существу своему. Въ коллективномъ творчествѣ „я“ не принижается, но просто отсутствуетъ“.—Легко сказать: просто отсутствуетъ! Вѣдь это значитъ: торжество соціализма—торжество безличности; вѣдь это то самое, что говорятъ злѣйшіе враги соціализма.

И всего поразительнѣе невозмутимое спокойствіе, съ которымъ говорится все это. Угаснетъ солнце нашей планетной системы и глазомъ не моргнетъ. Никакой трагедіи, никакой бури около погибающей личности—тихій конецъ міра, тихій провалъ—та вторая смерть, отъ которой нѣтъ воскресенія.

Итакъ, двѣ необходимыя предпосылки для торжества соціализма—уничтоженіе Бога и уничтоженіе личности. Надо разрушить въ человѣчествѣ идею не только о

Богѣ, но и о личности. Одно вытекаетъ изъ другого, потому что утвержденіе Бога въ человѣчествѣ есть утвержденіе Богочеловѣчества, абсолютной Божественной Личности—Богочеловѣка. Соціалистическая Вавилонская башня строится на костяхъ убитаго Бога и убитаго человѣка. Богоубійство—человѣкоубійство.

„Человѣкъ есть о с о б ь в и д а“, опредѣляетъ Луначарскій. Въ такомъ опредѣленіи человѣческая личность, такъ же какъ у Базарова, „не принижается, но просто отсутствуетъ“. Для того, чтобы отожествить человѣка единственнаго, человѣка-личность съ безличнымъ всечеловѣкомъ, „особью вида“, надо уничтожить личность: вѣдь муравей есть тоже особь вида; для муравья личность — ничто, муравейникъ — все; для человѣка — человѣчество, для муравья муравейникъ—Богъ.

Лёбокъ въ своихъ наблюденіяхъ надъ муравьями, чтобы отличить одного отъ другого, отмѣчалъ ихъ разноцвѣтными крапинками. Для Базарова и Луначарскаго личности Сократа, Гете, Канта, Франциска Ассизскаго—такія разноцвѣтныя крапинки на безличныхъ особяхъ вида.

„Здѣсь, скажутъ намъ, есть великая опасность,—предупреждаетъ Луначарскій, — опасность подчиненія личности вашему Левіаѳану, вашему новому богу-коллективу“.—Знаетъ кошка, чье мясо съѣла. Но дѣлаетъ видъ, что не знаетъ.—„Что значитъ подчиненіе личности?“—удивляется Луначарскій. И выходитъ, разумѣется, что подчиненіе личности ничего не значитъ, потому что сама личность ничего не значитъ.

И ужъ, конечно, на вопросъ о смерти, какъ объ уничтоженіи личности, единственный отвѣтъ—„безсмертіе рода“, т. е. абсолютное человѣкоубійство, окончательное поглощеніе самой идеи личности, какъ чего-то условнаго, въ идеѣ безличнаго рода, какъ абсолюта. Но это не отвѣтъ, а глухота къ вопросу. Да и что ужъ тутъ спрашивать о смерти, когда и въ жизни личность „просто отсутствуетъ“.

Религіозное принятіе смерти, какъ уничтоженія личности, есть религіозное принятіе безличности. „Всякій узнаетъ,—говоритъ чортъ Ивана Карамазова,—что онъ смертенъ весь, безъ воскресенія, и приметъ смерть гордо и спокойно, какъ богъ“.—Какъ богъ или звѣрь? Вѣдь и звѣрь не знаетъ, что такое смерть. Можно принять или отвергнуть это бого-звѣриное безсмертіе, но спорить о немъ нельзя, какъ о всякомъ откровеніи. Недаромъ говоритъ Базаровъ о „п а ѳ о с ѣ“: паѳосъ значитъ религіозный восторгъ: п а ѳ о с ъ б е з л и ч н о с т и для Базарова, Луначарскаго, Горькаго и есть религіозный восторгъ соціалъ-демократіи.

О, конечно, безсознательно! Потому-то съ этимъ такъ трудно бороться, что это пока еще слишкомъ безсознательно.

IV

Донынѣ революціонное освобожденіе человѣчества начиналось съ утвержденія человѣческой личности. Но „мавръ исполнилъ свой долгъ, мавръ можетъ удалиться“. Соціалъ-демократія, какъ религія, хочетъ начать освобожденіе съ отрицанія личности. Тутъ опасность предѣльнаго мистическаго рабства. Самодержавіе „новаго бога—коллектива—злѣйшее изъ всѣхъ самодержавій.

Обожествленный Коллективъ становится нѣкоторымъ Великимъ Существомъ, Grand Etre (по О. Конту), нѣкоторою сверхчеловѣческою Личностью, а всѣ отдѣльныя человѣческія „я“ безличными клѣточками этого тѣла.

Какое же это тѣло, какое лицо? Что если не божеское и не человѣческое, а звѣриное? Что если центральная монада этого новаго тѣла—не кто иной, какъ древній Цезарь Божественный или новый Великій Азефъ, Великій Хамъ?

„Расхаживая по царскимъ чертогамъ въ Вавилонѣ, царь сказалъ: это ли не величественный Вавилонъ, который построилъ я въ домѣ царства моего и въ славу моего величія?..

„Еще рѣчь сія была въ устахъ царя, какъ былъ съ неба голосъ: тебѣ говорятъ, царь Навуходоносоръ,—царство твое отошло отъ тебя.

„И отлучатъ тебя отъ людей, и будетъ обитаніе твое съ полевыми звѣрями“.

„Сердце человѣческое отнимется отъ него, и дастся ему сердце звѣриное“.

Это сказано о соціализмѣ—„богостроителѣ“, строителѣ Вавилонской башни.

Но о немъ же сказано: „царство твое останется при тебѣ, когда познаешь власть небесную“.

Не отнимется у соціализма сердце человѣческое, и не дастся ему сердце звѣриное, только въ томъ случаѣ, если познаетъ онъ власть небесную, познаетъ, что „Всевышній владычествуетъ надъ царствомъ человѣческимъ“.

Истинное Богостроительство есть Богочеловѣчество. Камень, который отвергли строители, сдѣлается главою

угла. Этотъ камень—Богочеловѣкъ Христосъ. И строится на немъ не Вавилонская башня, а вселенская Церковь—Царство Божіе на землѣ, въ которомъ исполнится и религіозная правда соціализма.

V

Соціалъ-демократія — желѣзный молотъ; новое религіозное сознаніе—хрупкое стекло: стоило, казалось, молоту прикоснуться къ стеклу, чтобы разбить его въ дребезги.

Но вотъ опустился онъ всею тяжестью, ударилъ, а стекло не разбилось.

Откровеніе личности—не стекло, а сталь новаго религіознаго сознанія. Споръ идетъ о Богѣ въ человѣческой личности—о Богочеловѣкѣ, о Христѣ.

Посчитайтесь же со Христомъ, антихристіане; посчитайтесь же съ Богочеловѣкомъ, человѣкобоги.

Кто не за Меня, тотъ противъ Меня.—Будьте же за или противъ. Не махайте молотомъ въ пустотѣ, бейте прямо въ цѣль.

А мы вамъ скажемъ спасибо за то, что вы куете нашъ мечъ.

Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ.

БОРЬБА ЗА ДОГМАТЪ

Въ недавней статьѣ своей „Народное хозяйство и интеллигенція“ Струве утверждаетъ, что Россію можетъ спасти только новое религіозное отношеніе къ экономическому, производительному процессу, который составляетъ, конечно, часть общаго культурнаго творчества, и что Россія гибнетъ отъ недостатка этого религіознаго отношенія, который выразился въ религіи Толстовскаго опрощенія, въ религіи „Иванушки-дурачка“, вѣчно баюкающей насъ надеждѣ спасти Россію „по-мужицки, по-дурацки“.

Не отвлеченно-умственное, а сердечно-жизненное благочестіе, благоговѣніе къ непреходящимъ цѣнностямъ культуры, т. е. нѣкоторое начало религіозное, объединяетъ меня со Струве. Разъединяетъ же насъ вопросъ о положительномъ содержаніи этого начала—вопросъ о догматѣ.

Что такое догматъ?

Догматъ есть такое религіозное ученіе, которое синтезируетъ всѣ частныя нравственныя, соціальныя, философскія системы, не въ моментѣ теоретическаго мышленія, а въ моментѣ творческой воли, религіознаго дѣйствія, опыта. Догматъ есть точка совпаденія личнаго и соборнаго религіознаго опыта.

Для того, чтобы понять насъ, нужно помнить эту оговорку, а именно то, что для насъ положительное мистическое содержаніе догмата не мысленное, не мыслимое, а опытное: истина догмата недоказуема, и потому непринудительна для разума; путемъ отвлеченной діалектики нельзя доказать этой истины, но можно показать ея жизненную силу на религіозномъ опытѣ.

Въ этомъ отношеніи мы сходимся съ великимъ философскимъ движеніемъ Запада, которое началось, но едва ли окончится въ предѣлахъ такъ называемаго „католическаго модернизма", потому что оно шире не только самаго католичества, но и всего историческаго христіанства. Одинъ изъ представителей этого движенія, Эд. Лёруа въ книгѣ своей: Догматъ и Критика (Dogme et Critique. Ed. Le Roy. Paris. 1907) пытается установить, что философское содержаніе догмата—чисто-отрицательное, критическое, неадэкватное и никогда не могущее быть адэкватнымъ съ его содержаніемъ религіознымъ. „Познаніе Бога есть плодъ пережитаго опыта, а не отвлеченнаго мышленія". Эту главнѣйшую мысль свою подтверждаетъ онъ ссылкою на Ѳому Аквинскаго: „In congnitione fidei principalitatem habet voluntas. — Въ познаніи вѣры первенство имѣетъ воля".—„Философская разработка догмата,—замѣчаетъ Лёруа,—остается свободною подъ однимъ условіемъ—не измѣнять дѣйственнаго и нравственнаго значенія, жизненной и спасительной цѣнности догмата. Итакъ, ежели существуетъ теоретическая обязательность, вытекающая изъ обязательности догматической, то лишь отрицательная, устраняющая извѣстныя понятія, извѣстныя теоріи, несовмѣстимыя съ практическими вѣ-

лѣніями догмата".—„Религія есть не столько умственное соглашеніе съ той или иной системой теоретическихъ утвержденій, сколько жизненное пріобщеніе къ таинственнымъ реальностямъ".

Отсюда слѣдуетъ, что религіозное содержаніе догмата—ирраціонально, внѣразумно, и что истинно понятый догматъ ничего не утверждаетъ для разума, а только отрицать ложныя, неразумныя утвержденія мистическаго опыта. Въ этомъ смыслѣ можно бы назвать будущую догматику боголсовской критикой чистаго разума. Догматъ есть раціональное ограниченіе мистическаго опыта. Такія ограниченія нужны, какъ вѣхи, указывающія направленіе общаго и общественнаго пути въ безпредѣльности и безсознательности личныхъ религіозныхъ переживаній. Догматъ есть исходная точка религіозной общественности.

Но, вопреки Лёруа и всему католическому модернизму, мы полагаемъ, что именно такого, единственно правильнаго, пониманія догмата въ христіанствѣ не существуетъ, и что пониманіе ложное, не прагматическое, а теоретическое, господствуетъ въ немъ. Донынѣ происходило одно изъ двухъ: или соборное начало подавлялось личнымъ; религія сводилась къ мистикѣ, дѣлу одинокаго спасенія, Privat-Sache, что можно видѣть въ религіозныхъ переживаніяхъ всѣхъ вообще затворниковъ, древнихъ и новыхъ, христіанскихъ и нехристіанскихъ, въ томъ числѣ и современныхъ адогматиковъ. Или же внутренній личный опытъ подавлялся внѣшними, насильственными, коллективными формами, что можно видѣть во всѣхъ церквахъ историческаго христіанства. Въ обоихъ случаяхъ совпа-

деніе личнаго и соборнаго религіознаго опыта, т. е. догматъ въ истинномъ смыслѣ, отсутствуетъ.

Господствующее въ христіанствѣ, ложное пониманіе догмата приводитъ, съ одной стороны, къ утвержденію безобщественной личности, къ отщельничеству, „богомудрію“ — теософіи; съ другой — къ безличной общественности, къ церковно-государственному насилію надъ „свободою совѣсти“. Христіанину предстояло вѣровать или наперекоръ всѣмъ, или наперекоръ себѣ. Чтобы остаться вѣрнымъ догмату, надо было отречься или отъ соборнаго, вселенскаго общенія, какъ это происходитъ въ протестантствѣ, или отъ свободы совѣсти,— какъ въ католичествѣ и православіи.

Порабощаетъ всякая ложь — и ложное пониманіе догмата сдѣлалось источникомъ рабства.

Смыслъ всего освободительнаго просвѣщенія, такъ называемаго гуманизма, и заключается въ борьбѣ съ порабощающей догматикой христіанства, давно уже превратившейся въ схоластику, въ своего рода христіанскій Талмудъ.

Но борьба эта кончилась, или не сегодня, такъ завтра кончится, одержана будетъ послѣдняя побѣда критики надъ старыми твердынями ложной догматики. Критика, разбивая скорлупу догмата, вскрываетъ подъ нею зерно откровенія. Догматъ — кристаллъ откровенія. Всякій догматъ былъ откровеніемъ; всякое откровеніе будетъ догматомъ. Въ огненной лавѣ откровенія вѣчно плавится кристаллъ догмата.

Отъ неправеднаго, самодовлѣющаго, мистическаго адогматизма, который самъ становится догматикой, слѣдуетъ отличать праведный адогматизмъ критическій, который есть необходимое уловіе истиннаго пониманія

догмата. Но, повторяю, критическій путь завершенъ, дальше идти некуда: отъ ветхаго зданія схоластики не осталось камня на камнѣ—все разрушено.

Нѣкогда христіанское откровеніе, т. е. догматъ въ состояніи динамическомъ, обладалъ безконечною силою освобождающей, какъ мы теперь бы сказали—революціонною. Во имя свободы сокрушилъ онъ каменныя скрижали іудейскаго закона и желѣзное иго грекоримскаго рабства: „вывести узниковъ на свободу“— таковъ завѣтъ первохристіанства. Только ложное пониманіе догмата, переведя его изъ динамическаго состоянія въ статистическое, превратило революціонную силу христіанства въ реакціонную, поработило церковь государству. Если „не удалось“ христіанство, то потому, что истинное пониманіе догмата не удалось. Вѣхи пути сдѣлались звеньями цѣпи.

Нельзя винить откровеніе въ ложномъ пониманіи догмата: вѣдь точно такъ же, какъ это произошло въ христіанствѣ, религіозное откровеніе Великой Революціи, живой догматъ „свободы, равенства, братства“, превратился въ мертвую догматику, основу буржуазно-капиталистическаго рабства.

Ошибка Струве заключается въ томъ, что онъ воображаетъ, будто бы мы боремся за старую догматику-схоластику. Это недоразумѣніе: нѣтъ у нея злѣйшихъ враговъ и болѣе опасныхъ, чѣмъ мы, потому что не извнѣ, какъ простодушные вольнодумцы-гуманисты, боремся мы съ нею, а изнутри, войдя сквозь брешь въ твердыню.

Признаніе вѣчной истины откровенія даетъ намъ не только философское, но и религіозное право отрицать ложное пониманіе догмата. Не за старую ложь догма-

тики-схоластики мы боремся, а за новое раскрытіе вѣчной истины, заключенной въ догматѣ. Мы вовсе не такъ безпомощны, какъ думаютъ наши противники. Мы могли бы имъ сказать, подобно Достоевскому: „черезъ большое горнило сомнѣній прошла моя осанна".

Адогматизмъ—не искомое, а данное русской дѣйствительности: это хлѣбъ, который мы ѣдимъ, вода, которую пьемъ, воздухъ, которымъ дышимъ. Не загромождена ли вся Россія, какъ дымящимися головнями исполинскаго пожарища, развалинами двухъ догматовъ—реакціоннаго — въ народѣ, революціоннаго — въ интеллигенціи? Догматъ безчеловѣчнаго Бога и догматъ безбожнаго Человѣка. Чтобы расчистить почву отъ этихъ развалинъ, нуженъ рычагъ религіозной критики, а для этого рычага нужна точка опоры въ истинномъ догматѣ.

Догматъ ложный расшатывается философскою критикою, но окончательно преодолѣвается въ области религіозныхъ переживаній не критическимъ и, тѣмъ болѣе, не мистическимъ адогматизмомъ, а лишь истиннымъ догматомъ.

Бѣда мистическаго адогматизма въ томъ, что онъ безоруженъ противъ мистическаго анархизма, мистическаго хулиганства. „Апоѳеозъ безпочвенности", возрожденный нигилизмъ — вотъ неизбѣжное слѣдствіе адогматизма. Адогматизмъ не можетъ преодолѣть нигилизма; и тотъ, и другой — одного поля ягода. Догматъ — адамантовая скрѣпа религіозно-общественнаго космоса: выньте эту скрѣпу — и космосъ превратится въ хаосъ.

Если вѣрно утвержденіе Струве, что „въ основѣ общественно-экономическихъ міросозерцаній лежатъ различныя міросозерцанія религіозныя", то это значитъ,

что религія есть дѣло не только личное, но и общественное. А необходимое условіе всякой религіозной общественности есть о б о б щ е н і е, праведно догматическое, т. е. сознательно не адэкватное, не исчерпывающее, а лишь ограничивающее религіозный опытъ личный. Догматы, повторяю, суть вѣхи общаго и общественнаго религіознаго пути.

Ежели Россія гибнетъ, по мнѣнію Струве, отъ безрелигіознаго отношенія къ „идеѣ производительнаго процесса и личной годности", то спрашивается: какое же религіозно-общественное отношеніе къ этой идеѣ, т. е., въ послѣднемъ счетѣ, к а к о й д о г м а т ъ спасетъ Россію?

Адогматизмъ есть понятіе отрицательное, не творческое. А по признанію Струве, сейчасъ въ Россіи дѣло идетъ о религіозномъ творчествѣ. Правда, мистическія настроенія самого Струве такъ неопредѣленны, что можно бы иногда сказать о нихъ: и хочется, и колется. Хочется огня, который бы не жегъ, догмата, который бы не былъ догматомъ.

„По моему глубочайшему убѣжденію,—заключаетъ Струве,—идея личной годности (личной силы) имѣетъ религіозный корень". Далѣе, утверждаетъ онъ, что идея эта должна произвести глубокій переворотъ въ „соціально-экономическомъ міросозерцаніи" сначала русской интеллигенціи, затѣмъ и всего русскаго народа. Слѣдовательно, религіозный корень личности долженъ разрости въ дерево религіозной общественности. Спрашивается опять-таки: какъ же совершится въ этомъ ростѣ переходъ отъ идеи „личной годности", личной силы къ идеѣ „производительнаго процесса", т. е. годности общественной, силы общественной? Дру-

гими словами: какъ совершится переходъ отъ мистическаго индивидуализма къ религіозной общественности? Не очевидно ли, что безъ новаго религіознаго обобщенія, безъ новаго раскрытія догмата не можетъ быть и новой религіозной общественности, новаго религіознаго отношенія къ идеѣ „производительнаго процесса“, а, слѣдовательно, не можетъ быть для Россіи спасенія.

Я отлично понимаю, какъ трудно, почти невозможно русской интеллигенціи довѣриться освобождающей силѣ догмата. Догматъ есть рабство, религія есть реакція,—вотъ одно изъ тѣхъ либеральныхъ общихъ мѣстъ, которое никакъ не вытравить изъ кожи русскаго интеллигента, точно родимое пятнышко. Но неужели и Струве соблазненъ этимъ общимъ мѣстомъ, на которомъ, въ сущности, только и держится весь современный адогматизмъ? Неужели не видитъ онъ, что новая революціонная казенщина такими же гнилыми нитками шита, какъ и старая, церковно-государственная? Неужели не понимаетъ, что религія можетъ быть, но *можетъ* и *не быть* реакціей, что именно сейчасъ въ Россіи религія—ничто, мокрый пепелъ залитаго водою костра, или первая искра новаго пожара.

Старая идеологія, старое безрелигіозное сознаніе русской интеллигенціи рухнуло; отъ грядущаго хаоса, отъ „апоѳеоза безпочвенности“, стихійной безсознательности и безрелигіозности можетъ спасти лишь новое религіозное сознаніе, новое пониманіе догмата.

Религіозная безсознательность, преданность хаосу, адогматизмъ порабощаетъ; религіозное сознаніе, догматъ освобождаетъ. А вѣдь и Струве, пожалуй, согласится съ тѣмъ, что соціально-политическое, экономическое и всякое иное рабство есть неотразимое

слѣдствіе первоначальнѣйшаго, глубочайшаго рабства религіознаго, этого, можно сказать, рабства всѣхъ рабствъ.

Я видѣлъ сонъ: неимовѣрная тяжесть давила меня, тянула внизъ, и, казалось, готова была раздавить; я боролся съ нею, пытался поднять и не могъ; наконецъ, обезсилѣлъ, чувствуя, что проваливаюсь въ бездонную пропасть,—покорился, пересталъ бороться и понялъ вдругъ,—какъ это иногда случается съ ѣдущими въ поѣздѣ, когда они понимаютъ, что ѣдутъ не назадъ, а впередъ,—понялъ, что лечу не внизъ, а вверхъ, что тяжесть не тяжесть, а сила полета, исполинскія крылья,—и то, что мнѣ казалось гибелью, было спасеніемъ.

Такой же переворотъ долженъ совершиться въ религіозномъ сознаніи или, вѣрнѣе, въ религіозномъ самочувствіи русской интеллигенціи: она должна понять, что истинный догматъ—не тяжесть, а крылья. Мистическій адогматизмъ, мистическій нигилизмъ есть ужасъ бреда, въ которомъ человѣкъ борется съ мнимою тяжестью; надо пройти этотъ ужасъ до конца, надо изнемочь въ борьбѣ до конца, чтобы понять, ощутить нижнее верхнимъ—догматъ, какъ послѣднее освобожденіе, адогматизмъ, какъ рабство всѣхъ рабствъ,—чтобы понять, что значитъ слово Сына Человѣческаго: *Истина освободитъ васъ*.

Борьба за освобождающую истину и есть борьба за догматъ.

Въ послѣдніе дни во всей русской литературѣ пронесся кличъ: умеръ великій Панъ! умерла русская интеллигенція! Одни хоронятъ ее съ нѣжной грустью,

вѣнчая цвѣтами, другіе со злорадствомъ волокутъ, какъ падаль, въ общую яму.

Мы не вѣримъ въ смерть русской интеллигенціи, можетъ быть, по чувству самосохраненія: намъ кажется, что смерть ея—смерть Россіи. Въ дѣйствительности, происходитъ не умираніе, а лишь обмираніе, обморокъ, слишкомъ естественный послѣ того страшнаго удара, который нанесенъ былъ неудавшимся освобожденіемъ въ самое сердце Россіи.

Русская интеллигенція—единородная дочь Петра: Петръ—камень, и на семъ камнѣ созиждется Великая Россія, великая русская интеллигенція. Въ сердцѣ ея—каменная твердость Петрова, которую не такъ-то легко одолѣть и вратамъ адовымъ. И если бы даже умерла русская интеллигенція, то мы не перестанемъ вѣрить въ чудо воскресенія: уже слышатся все явственнѣй шаги Того, Кто можетъ сказать: Лазарь, изыди!

Самыя обыкновенныя уподобленія—самыя вѣрныя: таково уподобленіе реакціи мраку. Не кажется ли иногда этотъ облегающій насъ мракъ такимъ плотнымъ, почти осязаемымъ, какъ тѣло страшилища, которое навалилось и душитъ? Гдѣ же мечъ для битвы съ нимъ?

Догматъ въ религіозномъ сознаніи—лучъ, въ религіозномъ дѣйствіи—мечъ. Тѣло мрака, тѣло страшилища пронзитъ нашъ острый лучъ, нашъ острый мечъ—догматъ.

АРАКЧЕЕВЪ И ФОТІЙ

I

Что такое Аракчеевъ?

„Просто фрунтовый солдатъ“, сказалъ о немъ Пушкинъ.

Но это не такъ просто. Весь петербургскій періодъ русской исторіи“ создалъ Аракчеева, получилъ въ немъ то, чего хотѣлъ.

Безъ лести преданъ—въ этомъ гербѣ цѣлая религія.

— „Что мнѣ до отечества! Скажите, не въ опасности ли государь?“—воскликнулъ онъ въ Двѣнадцатомъ году передъ вступленіемъ Наполеона въ Россію.

Провались отечество, за здравствуетъ царь; не быть всѣмъ, быть одному—такова религія.

Духъ небытія, духъ человѣкоубійственной казенщины воплотился въ Аракчеевѣ до такой степени, что почти не видно на немъ лица человѣческаго, какъ на гоголевскомъ Віѣ: „лицо было на немъ желѣзное“.

Желѣзное лицо Аракчеева—лицо единовластія. Нѣтъ Аракчеева, есть аракчеевщина — безсмертное начало. Всего ужаснѣе въ немъ это нечеловѣческое, нездѣшнее, „віево“.

Когда онъ умиралъ, Николай I прислалъ къ нему въ

Грузино своего лейбъ-медика Виліе, который предписалъ больному, кромѣ лѣкарствъ, полное спокойствіе; но однажды утромъ засталъ его съ желѣзнымъ аршиномъ въ рукѣ, которымъ умирающій наказывалъ провинившагося мальчика-садовника, „производя ему равномѣрные удары по носу“.

Равномѣрные, „единообразные“.—„Я люблю е д и н о о б р а з і е во всемъ“, говорилъ Александръ I. Александръ говорилъ, Аракчеевъ дѣлалъ.

Можетъ быть, мальчикъ съ окровавленнымъ носомъ не чувствовалъ боли, окаменѣвъ отъ ужаса передъ желѣзнымъ лицомъ этого желѣзнаго автомата, „великаго мертвеца“ гоголевской Страшной Мести: „хочетъ подняться выросшій въ землѣ великій, великій мертвецъ“.

И донынѣ весь русскій народъ—не этотъ ли бѣдный мальчикъ, котораго безсмертный Аракчеевъ бьетъ желѣзнымъ аршиномъ по носу?

Въ государствѣ—Аракчеевъ; въ церкви—Фотій. Казенщина государственная и казенщина церковная. За обѣими—единый духъ небытія, единая религія: всякая власть отъ Бога. У Аракчеева—власть, у Фотія—Богъ; у Аракчеева—земля, у Фотія—небо; у Аракчеева—плоть, у Фотія—духъ.

Ему орудіемъ духовнымъ—
Проклятье, мечъ, и крестъ, и кнутъ.

Соединеніе Аракчеева съ Фотіемъ—соединеніе кнута съ крестомъ. И это соединеніе совершается въ лицѣ Благословеннаго.

Однажды Фотію было видѣніе: „видѣлъ онъ себя въ царскихъ палатахъ, стоящаго передъ царемъ; Фотій, объявъ царя за выю, во ухо тихо повѣдалъ ему, како, гдѣ, отъ кого и колико церковь православная обидима

есть; царь же далъ маніемъ Фотію вѣдать, что постарается исправить все“.

Въ томъ же видѣніи является Аракчеевъ: по одну сторону царя—Фотій, по другую—Аракчеевъ.

Въ посмертныхъ бумагахъ Фотія находится Записка объ Аракчеевѣ: „всяческая познавая, позналъ, что гр. Аракчеевъ всѣмъ сердцемъ Бога любитъ, царю преданъ, вѣренъ, правдивъ, православную церковь истинно любитъ. Онъ есть правое око царя, столпъ отечества, и таковые люди вѣками родятся. Въ немъ кромѣ добра я ничего не видѣлъ. Ему можно все повѣрить, и съ Божью помощью все можетъ дѣлать.—За что спаси его Боже на многія лѣта для церкви и отечества!“

Въ 1829 году Пушкинъ писалъ къ торвальдсеновскому бюсту Александра I:

Недаромъ ликъ сей двуязыченъ,
Таковъ и былъ сей властелинъ:
Къ противочувствіямъ привыченъ,
Въ лицѣ и въ жизни а р л е к и н ъ.

Это жестоко и несправедливо, это—оскорбленіе не царскаго величества, а страданія человѣческаго. Пусть арлекинъ, но вѣдь раненый на смерть, истекающій кровью. Двуязычность, двусмысленность, искажающая этотъ ликъ—предсмертная судорога. И онъ скрываетъ ее, трагикомическій Янусъ, двумя лицами, двумя масками: одна, обращенная къ землѣ—Аракчеевъ, другая—къ небу—Фотій.

II

Полу-фанатикъ, полу-плутъ,

сказалъ Пушкинъ о Фотіѣ.—И это несправедливо: фанатикъ, но не плутъ.

Не изъ плутовства же постился такъ, что желудокъ „въ орѣховую скорлупу сжимался“; удручалъ себя веригами изъ мѣдныхъ крестовъ: „вся грудь моя—едина рана; правый сосецъ внутрь отъ огня изгнилъ; стою еще на ногахъ иногда, но слабъ, какъ тѣнь“. Изнурилъ себя до того, что дрожалъ въ постоянномъ ознобѣ и среди лѣта носилъ шубу.

Не изъ плутовства, „былъ въ бѣдахъ, болѣзняхъ, ранахъ, біеніяхъ, потопленіяхъ многократно“.

Сынъ мужика, сельскаго причетника, самъ до конца дней мужикъ въ рясѣ, вступаетъ въ бой противъ масоновъ и мистиковъ „съ Иліиною ревностью“, точь-въ-точь какъ рыцарь печальнаго образа—противъ призрачныхъ тигантовъ и вѣтряныхъ мельницъ.

Никому невѣдомый корпусный законоучитель „въ церкви, въ классахъ, на дорогахъ, въ кельѣ и гдѣ случай былъ ему, небоязненно гласъ свой, яко трубу, возвышалъ, посредѣ великаго града С.-Петербурга, дабы огласить тайны беззаконія, вразумить царя, властей и всѣхъ къ покаянію“.

Отъ государя и министра духовныхъ дѣлъ, „глаголемаго патріарха“, кн. Голицына, до послѣдняго синодальнаго чиновника—всѣ ему враги. Но „духъ ревности разжегъ его, и онъ, яко штурмомъ, хотѣлъ взять крѣпость вражію“.

Покупалъ еретическія книги, только что вышедшія изъ типографій, и публично при всѣхъ ученикахъ въ корпусѣ „предавалъ раздиранію и огню, произнося: Анаѳема!“

Въ домахъ, гдѣ бывали тайныя собранія масоновъ и мистиковъ, подкупленные слуги проламывали стѣны подъ потолкомъ и просверливали дырочки, сквозь которыя

Фотій, будучи невидимъ, самъ видѣлъ и слышалъ все, что дѣлалось внизу.

Впослѣдствіи, уже войдя въ силу, вмѣстѣ съ оберъ-полицеймейстеромъ Гладковымъ, учредилъ духовно-полицейскій сыскъ. Одинъ сыщикъ, выманивъ корректурные листы еретической книги пастора Госнера изъ типографіи, представилъ ихъ оберъ-полицеймейстеру, тотъ—Магницкому, Магницкій—Аракчееву, Аракчеевъ—государю. Вотъ маленькое начало Великой Инквизиціи.

Но это впослѣдствіи, а въ первое время, за недостаткомъ помощи полицейской, приходилось надѣяться на помощь Божью, чудо Божье—или сатанинское.

„Сатана подсылалъ къ нему духа злого, который внушалъ тайно, что онъ—Илія пророкъ новый, а посему нѣкое бы чудо сотворилъ, или хотя перешелъ по водѣ, яко по суху, противу самаго дворца черезъ рѣку Неву“.

Митрополитъ вызвалъ его „на испытаніе, въ умѣ ли онъ“. Кажется, въ самомъ дѣлѣ, начиналось у Фотія сумасшествіе. Вообразилъ, что масоны хотятъ его извести. Однажды въ глухую полночь прибѣжалъ изъ корпуса къ о. Иннокентію, ректору семинаріи, босикомъ, въ одной рубашкѣ, выскочивъ въ окно, при помощи кадетовъ.

По всей вѣроятности, окончательно сошелъ бы съ ума и пропалъ бы гдѣ-нибудь въ Соловкахъ или Суздалѣ, если бы не „ангелъ во плоти, дщерь-дѣвица Анна“.

Дочь графа Алексѣя Орлова-Чесменскаго или, вѣрнѣе, Ропшинскаго, того самаго, изъ чьихъ молодецкихъ рукъ, послѣ внезапной смерти Петра III, Екатерина II получила престолъ,—благочестивая графиня Анна всю жизнь замаливала грѣхъ отца.

Благочестивая жена
Душою Богу предана,

А грѣшной плотью
Архимандриту Фотью.

Это клевета.

„Я, въ мірѣ пребывая, ни единожды не коснулся плоти женской, не позналъ сласти.—Чадо мое о Господѣ есть дѣвица непорочная во всецѣлости.—Я грѣшникъ, но рабъ Бога моего вѣрный: то ужели бы на дѣло Божіе избралъ сосудъ растлѣнный и нечистый?“

Этому, кажется, слѣдуетъ вѣрить.

Некрасива и уже немолода—„лѣтъ 35 отъ чрева матери“—была эта Дульцинея, когда встрѣтила Донъ-Кихота.

Можетъ быть, съ ея стороны было невинное обожаніе.

— „Ахъ, отецъ! отецъ! какъ онъ милъ!“—восклицала она, млѣя, когда кн. Голицынъ читалъ ей письма Фотія.

Съ его стороны—бурсацкая, слегка циническая, но отнюдь не любовная, нѣжность.—„Что тебѣ сдѣлалось, чадо мое? Какая есть немощь твоя? Не застудилась ли?—Можно поясницу и гдѣ неловко потереть спиртомъ или оподельдокомъ. Помни, въ зеленыхъ банкахъ худой, а самый лучшій въ бѣлыхъ“.

Какъ бы то ни было, встрѣча съ Анною рѣшила судьбу Фотія. Она сложила къ ногамъ его свою женскую честь, свой вельможный санъ и свои несмѣтныя богатства. „Бѣдный сирота“, который родился въ свиномъ хлѣву на соломѣ и выпрашивалъ у тетеньки конецъ пирога или гривенникъ на сбитень, оказался обладателемъ 45 милліоновъ. Но дороже милліоновъ были связи съ Голицынымъ, Аракчеевымъ и, наконецъ, самимъ государемъ.

Чудо совершилось: Фотій пошелъ черезъ Неву по водѣ, яко по суху.

III

„Революція готовится вскорѣ.

„Пароль на все наложенъ—пароль всегубительства—раскопать алтари и разрушить престолы.

„Вскорѣ, какъ пожаръ, въ Россіи возгорится революція; теперь уже дрова накладены, и огнь подкладывается“.

И не въ одной Россіи, но и во всемъ мірѣ, „подъ видомъ тысящелѣтняго Христова царства, ѳеократическаго правленія, готовится революція къ 1836 году: число звѣриное въ Апокалипсисѣ—666: 6+6+6=18; 6×6=36: 1836“.

„Главная причина всего“—Библейское Общество, масоны, мистики, министерство дѣлъ духовныхъ, кн. Голицынъ и „прочая сволочь зловредная“.

Также Гречъ, издатель Сѣверной Пчелы, и Тимковскій, цензоръ: въ обоихъ—„духъ революціонный“.

„Тайна беззаконія дѣется. Господь при дверяхъ.—Блаженъ, кто возьметъ мѣры осторожности. Время еще не ушло.

„Какъ пособить, дабы остановить революцію?

„Министерство духовныхъ дѣлъ уничтожить. Синоду быть по-прежнему.

„Въ великой борьбѣ сей должно будетъ дѣйствовать за Бога государь православный, и на главѣ Его помазанника лежатъ великія судьбы церкви и всего человѣчества.

„Богъ побѣдилъ видимаго Наполеона, вторгшагося

въ Россію: да побѣдитъ Онъ и духовнаго Наполеона лицомъ твоимъ, коего можешь ты, Господу содѣйствующу, побѣдить въ три минуты чертою пера".

Таковы „откровенія свыше", которыя сообщалъ Фотій Александру I.

Похоже на бредъ. Но есть въ этомъ бреду нѣчто до ужаса реальное, воплощенное во всю историческую русскую дѣйствительность: вѣра въ божественное всемогущество того, кто „въ три минуты чертою пера" можетъ спасти или погубить церковь.

„Исповѣдую же съ клятвою крайняго Судію Духовныя сея коллегіи быти самого всероссійскаго монарха", сказано въ присягѣ членовъ синода, по духовному регламенту Петра I, и подтверждено указомъ Павла I: „самодержецъ россійскій есть глава церкви".

Всего ужаснѣе то, что Фотій себя не обманываетъ, знаетъ, откуда идетъ „революція"; „никто не смѣлъ противиться, помышляя, что все дѣйствуется не безъ воли Высочайшей.—Императоръ самъ поврежденъ въ познаніяхъ истинъ вѣры.—Самъ себѣ, по невѣдѣнію, изрываетъ ровъ погибели". Знаетъ Фотій и то, что князь Голицынъ, „главная причина всего—тридцатилѣтній другъ царевъ, соучастникъ въ тайныхъ дѣлахъ, о нихъ же не лѣть есть и глаголати (т. е. въ дѣлахъ любовныхъ).—Князь любимецъ отъ начала былъ у Александра, угождая плоти, міру и діаволу".

Кому же именно дарована будетъ побѣда „въ три минуты чертою пера"—Богу или діаволу?

Но тутъ-то и возникаетъ Аракчеевъ: „онъ все можетъ исполнить, онъ вѣренъ.—Онъ православную церковь истинно любитъ".

А такъ какъ „сему одному всѣ тайны сердца царева

откровенны", и „всѣ дѣла о церкви ему же ввѣряемы", то, въ послѣднемъ счетѣ, судьбы церкви зависятъ единственно отъ Аракчеева: глава церкви—не Христосъ, ни даже русскій царь, а русскій хамъ Аракчеевъ.

IV.

Въ 1824 году 22 апрѣля, вечеромъ, въ девятомъ часу, въ Лавру принесена тайная вѣсть, что, по Высочайшему повелѣнію, къ митрополиту Серафиму будетъ Аракчеевъ.

„Царь Александръ не хотѣлъ явно все произвесть въ дѣло, а тайно думалъ и тихо учинить; Аракчеевъ старался отъ имени царя какъ-нибудь согласить во всемъ митрополита съ княземъ Голицынымъ".

Александръ, по своему обыкновенію, пряталъ желѣзные когти въ бархатную перчатку.

Но тутъ произошло нѣчто внезапное, едва ли, впрочемъ, неожиданное для заговорщиковъ: фитиль поджегъ мину.

— „Въ дѣлѣ святой церкви и вѣры нѣтъ середины!—воскликнулъ митрополитъ.—Когда дѣлать царь хочетъ, то пусть дѣлаетъ, какъ должно; въ противномъ случаѣ, онъ будетъ предъ Богомъ виноватъ. Боже мой! страхъ одолѣваетъ меня. Что дѣлается у насъ? И всѣ какъ спятъ и пробудиться не могутъ. Изъ святѣйшаго синода сдѣлали нечистый единъ, просто сказать, заходъ (т. е. отхожее мѣсто). Церковь явно поругается. До чего мы дожили!"

„И тотчасъ, взявъ бѣлый клобукъ свой митрополичій, снялъ съ головы своей, бросилъ на столъ и сказалъ:

— „Графъ, донеси царю, что видишь и слышишь. Вотъ ему клобукъ мой! Я болѣе митрополитомъ быть не

хочу,—съ княземъ Голицынымъ не могу служить, какъ явнымъ врагомъ церкви и государства!“

„Аракчеевъ смотрѣлъ на сіе, какъ на вещь рѣдкую“, замѣчаетъ Фотій.

Дѣйствительно, за весь „петербургскій періодъ русской исторіи“, вещь рѣдкая—этотъ Бѣлый Клобукъ, духовный вѣнецъ церкви, спорящій съ желѣзнымъ вѣнцомъ власти; это чудесное превращеніе Серафима въ Никона, мокрой курицы въ орла. Кости московскихъ и византійскихъ патріарховъ не повернулись ли въ гробахъ своихъ?

— „Стой, владыко, святый, стой до конца!—подливалъ масла въ огонь Фотій.—Что сказано царю, то вѣрно: все рушатъ, все раздираютъ, и нѣтъ ни откуда помощи; весь синодъ въ плѣну у слуги діавольскаго. Теперь едино остается дѣлать, ежели царь не исправитъ дѣло вѣры и не защититъ благочестіе,—взять св. евангеліе въ одну руку, а въ другую—св. крестъ, идти въ Казанскій соборъ и, посреди народа, возгласить: православные! вѣру Христову попираютъ, а новую какую-то, бѣсовскую, хотятъ ввести!—Послушай, графъ, донеси царю, что сіе быть можетъ сдѣлано. Вся Россія узнаетъ. Жены и дѣти найдутся многія, которыя за Преблагословенную Приснодѣву Богородицу вступятся. Она, Владычица наша, вскорѣ пріидетъ на помощь. Падетъ врагъ, и путь нечестивыхъ погибнетъ!“

Здѣсь, какъ и вездѣ, доведенная до конца реакція становится обратною революціей, черное желѣзо накаляется до-красна. Эта маленькая революція, буря въ стаканѣ воды—не прообразъ ли той настоящей бури, великой революціи черныхъ сотенъ, которой если не мы, то дѣти наши будутъ свидѣтелями?

Но Аракчеевъ слушаетъ молча съ полулисьей, полуволчьей усмѣшкой эти громы не изъ тучи. Онъ можетъ быть спокоенъ: ни Серафимъ, ни Фотій не пойдутъ къ народу; стоитъ ихъ ударить желѣзнымъ аршиномъ по носу, чтобы тотчасъ же вновь превратились орлы въ мокрыхъ куриць.

V.

25 апрѣля Голицынъ пріѣхалъ къ Фотію въ домъ графини Орловой, въ часъ пополудни. Фотій ждалъ во всеоружіи.

Стоитъ у иконъ; горитъ свѣча; св. Тайны Христовы предстоятъ; крестъ лежитъ на аналоѣ; Библія раскрыта.—„Входитъ князь и образомъ яко звѣрь рысь является. Протягиваетъ руку для благословенія. Но Фотій, не давая благословенія, говоритъ:

— „Въ книгѣ Таинство Креста подъ твоимъ надзоромъ напечатано: „духовенство — звѣрь“ (т. е. антихристъ), а я, Фотій,—изъ числа духовенства, то благословить тебя не хочу, да тебѣ и не нужно.

— „Неужели за сіе одно?“ удивился будто бы Голицынъ.

Тогда Фотій пришелъ въ ярость, схватилъ крестъ, поднялъ его надъ головою и закричалъ:

— „Анаѳема! Да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази Его! Будь ты проклятъ! Снидешь во адъ и всѣ съ тобою погибнутъ во вѣки! Анаѳема всѣмъ!“

Голицынъ побѣжалъ вонъ изъ горницы, „во гнѣвѣ, яко лишенъ ума“, утверждаетъ Фотій, но, на самомъ дѣлѣ, скорѣе въ страхѣ.

Голицынъ бѣжалъ, а Фотій кричалъ ему вслѣдъ:

*

— Анаѳема! Анаѳема!.

Перепуганная дщерь-дѣвица бросилась къ Фотію.

— Отецъ! Отецъ! Что ты надѣлалъ! Пожалуется князь государю—засудятъ тебя, заточатъ, сошлютъ въ Сибирь...

Дѣвица плакала, а Фотій, „скача и радуясь“, пѣлъ:

— Съ нами Богъ!

Богъ и Аракчеевъ. Не сдобровать бы Фотію, если бы не Аракчеевъ: анаѳема Голицыну, министру духовныхъ дѣлъ, тридцатилѣтнему другу царевичу, была анаѳемой самому царю, разумѣется, условная—если-де царь не покается.

Во всякомъ случаѣ, теперь уже не могло быть примиренія: надо было выбрать одно изъ двухъ—пожертвовать Фотіемъ, т. е. Аракчеевымъ, Голицыну, или Голицынымъ Фотію, т. е. Аракчееву.

15 мая 1824 года изданъ указъ объ уничтоженіи министерства духовныхъ дѣлъ и объ „оставленіи синода по-прежнему“. Аракчеевъ побѣдилъ, Голицынъ палъ.

„Вся столица славы великой исполнилась,—разсказываетъ Фотій.—Какъ свѣтъ солнца утренняго, разлился свѣтлый слухъ о исчезаніи мірскаго владычества надъ церковью. Паде адъ, діаволъ побѣжденъ. Слава вѣры, побѣда церкви. — Митрополитъ пѣлъ, и Фотій пѣлъ“. Кажется, вотъ-вотъ запоетъ Аракчеевъ.

Но въ чемъ же собственно побѣда церкви?—А вотъ въ чемъ: отнынѣ всѣ доклады синоду представлялись государю черезъ графа Аракчеева. Какъ нѣкогда Голицына, такъ нынѣ Аракчеева можно было назвать патріархомъ. Самодержавіе и православіе — царство отъ міра и не отъ міра сего соединились въ Аракчеевѣ. Желѣзный аршинъ сдѣлался жезломъ, о которомъ сказано

въ Апокалипсисѣ: „будетъ пасти народы жезломъ желѣзнымъ“.

„Порадуйся, старче преподобный, — писалъ Фотій другому своему архимандриту Герасиму,—нечестіе пресѣклось, общества всѣ богопротивныя, яко же адъ, сокрушились. Министръ нашъ одинъ Господь Іисусъ Христосъ.—Молися объ Аракчеевѣ: онъ явился рабъ Божій за св. церковь и вѣру, яко Георгій Побѣдоносецъ“.

Такова побѣда церкви, по мнѣнію Фотія: Христосъ—„министръ духовныхъ дѣлъ“; побѣда Христа—побѣда Аракчеева.

VI.

Это кажется сказкою, но это быль, и даже не быль, а современная русская дѣйствительность. Одинъ большой Аракчеевъ, одинъ большой Фотій раздробились на множество маленькихъ.—Нужно ли называть имена?

Духъ государственной казенщины, духъ Аракчеева въ церкви подобенъ явленію Вія:

— „Приведите Вія, ступайте за Віемъ“.

„И вдругъ настала тишина; послышалось вдали волчье завыванье, и скоро раздались тяжелые шаги, звучавшіе по церкви“.

Не слышится ли намъ и нынѣ это волчье завываніе? Не раздаются ли тяжелые шаги?

„Ведутъ какого-то приземистаго, дюжаго, косолапаго человѣка. Весь онъ былъ чернѣй земли. Тяжело ступалъ, поминутно оступаясь. Длинныя вѣки опущены до самой земли. Лицо на немъ желѣзное“.

Желѣзное лицо Вія—лицо государственной казенщины въ церкви.

— „Поднимите мнѣ вѣки: не вижу".

Поднятіе віевыхъ вѣкъ церковнымъ сонмищемъ Фотіевъ есть ученіе о томъ, что свободный духъ религіи—духъ революціи. На него-то и кидается несмѣтная сила чудовищъ, какъ на бѣднаго философа Хому Брута: „бездыханный, грянулся онъ о землю, и тутъ же вылетѣлъ изъ него духъ отъ страха".

Когда наступило утро, „вошедшій священникъ остановился при видѣ такого посрамленія Божьей святыни и не посмѣлъ служить.—Такъ навѣки и осталась церковь съ завязнувшими въ дверяхъ и окнахъ чудовищами,—и никто не найдетъ теперь къ ней дороги".

Эти чудовища родились отъ союза двухъ нечистыхъ силъ—государственной казенщины съ церковною, Аракчеева съ Фотіемъ.

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСѢЕВНА:

I.

„Наконецъ-то я дышу свободно со всею Россіей!— Я проповѣдывала революціи, какъ безумная; я хотѣла одного—видѣть несчастную Россію счастливою, какою бы то ни было цѣною.“ Это пишетъ императрица Елизавета Алексѣевна, супруга Александра I, три дня послѣ кровавой ночи 11 марта 1801 года.

Хотя она извиняется передъ матерью въ своихъ „политическихъ убѣжденіяхъ“, но это, конечно, не болѣе, какъ учтивость къ предразсудкамъ старой маркграфини Баденской. Въ дѣйствительности же, насколько можно судить по письмамъ, напечатаннымъ только что въ изданіи вел. кн. Николая Михаиловича (Императрица Елизавета Алексѣевна, I т. Спб.., 1908), никогда не отрекалась она отъ этихъ убѣжденій, осталась до конца нераскаянной въ своемъ „безуміи“, въ своемъ желаніи видѣть несчастную Россію счастливою—свободною.

„Лишенная свободы, вы знаете, увы, люблю ли я свободу“.—Слова эти могли бы служить эпиграфомъ ко всей жизни Елизаветы Алексѣевны.

Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимнъ простой,—

сказалъ Пушкинъ въ стихотвореніи, посвященномъ ей (1819).

Небеснаго земной свидѣтель,
Воспламененною душой
Я пѣлъ на тронѣ добродѣтель.

Имя этой добродѣтели—возмущенная совѣсть—то самое, что высказалъ поэтъ въ своей Вольности, написанной, можетъ быть, недаромъ въ томъ же 1819 г., какъ и „простой гимнъ“ Елизаветѣ:

И днесь учитесь, о, цари!
Ни наказанья, ни награды,
Ни мракъ темницъ, ни алтари—
Невѣрныя для васъ ограды.

Николай I хорошо зналъ, что дѣлаетъ, когда, послѣ кончины Елизаветы, собственноручно сжегъ ея многолѣтній дневникъ. Что думалъ и чувствовалъ онъ въ то время, какъ тлѣли на огнѣ эти обличительныя страницы, вырванныя изъ русской исторіи? Если бы въ руки его попались и эти письма,—не предалъ ли бы онъ ихъ огню вмѣстѣ съ дневникомъ? Смогутъ ли они и нынѣ, въ дальнѣйшихъ томахъ, появиться безъ пропусковъ?

„Я проповѣдывала революціи, какъ безумная“. Проповѣдь началась, кажется, съ послѣднимъ вздохомъ Екатерины II. Она еще дышала, когда Павелъ I поспѣшилъ объявить себя императоромъ и велѣлъ сыновьямъ надѣть новую гатчинскую форму.—„Признайтесь, мама, что это мелочность... Я не могу передать вамъ чувство, которое возбудила во мнѣ эта форма; я залилась вдругъ слезами...—Мой мужъ повелъ меня въ спальню императрицы, велѣлъ стать на колѣни и поцѣ-

ловать руку императору... А рядомъ тѣло покойницы еще лежало на полу, неубранное: ее обмывали и одѣвали... Оттуда прямо въ церковь къ присягѣ; вотъ еще отвратительныя ощущенія (abominables sensations), которыя пришлось мнѣ испытать, видя, какъ всѣ эти люди клялись быть рабами, и рабами того, кого я ненавидѣла въ эту минуту,—видя его самого, счастливаго, и, наконецъ, видя всѣ подлости, какія тогда уже передъ нами расточались“.

Дворецъ превратился въ казарму. Надо всею Россіей встало безобразное видѣніе—исполински выросшій карликъ, съ волчьей усмѣшкой и обезьяньими ушами, „холопъ вѣнчаннаго солдата“—Аракчеевъ.

„О, если бы всѣ думали какъ мы!—пишетъ она черезъ полгода новаго царствованія.—Простите, мама, что я даю себѣ волю, но у меня въ ушахъ звенитъ отъ всего, что я слышу объ его сумасшедшихъ выходкахъ: надо быть деревяннымъ, чтобы не возмутиться“.—„Какіе люди, какая низость!“ Но не возмущеніе, а лишь омерзѣніе ко всему, что ее окружаетъ, подступаетъ къ сердцу, сжимаетъ ей горло, какъ судорога смертельной тошноты.

Говоря о фавориткѣ Нелидовой, замѣчаетъ она: „l'Impératrice lui fait les plus grandes bassesses“. Однажды, поссорившись съ государемъ, поѣхала Марія Ѳеодоровна, одна, вечеромъ, въ бальномъ нарядѣ, въ Смольный къ Нелидовой просить, чтобы она помирила ее съ мужемъ.—„Надо видѣть, какъ въ такихъ случаяхъ негодуетъ мой мужъ“, прибавляетъ Елизавета.

—„Какія глупости дѣлаетъ мама!—говоритъ онъ часто, оставшись наединѣ со мною“.

Письма ея вскрываются; она это знаетъ и предла-

гаетъ матери способы писать невидимыми чернилами: „когда я пишу молокомъ, то, вмѣсто того, чтобы держать бумагу на огнѣ, можно также обсыпать ее порошкомъ изъ тертаго угля; тогда легко прочесть; и писать можно на обѣихъ страницахъ".

„Я хотѣла бы, по крайней мѣрѣ, чувствовать себя свободной въ собственной комнатѣ". Но за нею слѣдятъ всюду. „Со мною обращаются, какъ съ государственной преступницей".

И, пожалуй, недаромъ. Если не въ дѣлахъ, то въ мысляхъ, она—государственная преступница.

Лѣтомъ 1797 года, въ Павловскомъ гарнизонѣ, произошла одна изъ тѣхъ фальшивыхъ тревогъ, какія тогда бывали часто среди запуганныхъ войскъ: пѣхота, артиллерія, конница—все вдругъ поднялось и въ страшномъ смятеніи кинулось ко дворцу черезъ паркъ, гдѣ въ это время находилась царская фамилія. Одни говорили—пожаръ, другіе—бунтъ. Марія Ѳеодоровна перепугалась до смерти. Павелъ тоже растерялся.

Въ этотъ сѣренькій августовскій вечеръ, въ туманныхъ аллеяхъ Павловска, какъ будто пронеслось кровавое видѣніе 11 марта.

„Анна (супруга вел. кн. Константина Павловича) и я,—пишетъ Елизавета Алексѣевна,—мы слѣдили за всѣмъ, и сердца наши бились отъ надежды, потому что это, въ самомъ дѣлѣ, было похоже на ч т о-т о..."

На что же именно?

„Никогда не было болѣе удобнаго случая... Но горе въ томъ, что люди эти слишкомъ привыкли къ ярму, чтобы умѣть стряхнуть его: при первой же строгой командѣ, готовы они провалиться сквозь землю. О, если бы

кто-нибудь сталъ во главѣ ихъ! О, мама, это, воистину, тиранъ!.."

За нѣсколько дней до смерти Павелъ подписалъ указъ объ арестѣ и заключеніи Елизаветы Алексѣевны въ Петропавловскую крѣпость вмѣстѣ съ наслѣдникомъ. И было за что,—видно по этому письму, гдѣ написанное молокомъ выступаетъ кровью.

Кн. Адамъ Чарторыжскій, „другъ дѣтства", свидѣвшись съ Александромъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ 11 марта, нашелъ въ немъ такую перемѣну, что сердце сжалось у друга.—„Если бы вы были со мною, ничего бы этого не случилось, никогда бы я не былъ такъ увлеченъ..." сказалъ ему Александръ.

„Всю жизнь тяготѣло на немъ это преступленіе,—заключаетъ Чарторыжскій,—ему казалось, что смыть его нельзя ничѣмъ. Всю жизнь мучило оно его и довело, наконецъ, до того безвыходнаго отчаянья, въ которомъ онъ умеръ".—„Мечъ прошелъ ему душу".

Въ 1801 году, весною, въ Москвѣ, во время коронаціи, среди торжественныхъ празднествъ, онъ цѣлыми часами просиживалъ одинъ, въ молчаньи, уставивъ глаза въ одну точку. Тогда никто не смѣлъ къ нему входить. Приближенные боялись за его разсудокъ. „Но когда слишкомъ долго длилась эта страшная задумчивость, я входилъ насильно и пытался развлечь его, напоминалъ о царственномъ долгѣ, о предстоящихъ трудахъ.

— „Нѣтъ, — отвѣчалъ онъ, — это не можетъ пройти. Я долженъ страдать... Какъ вы хотите, чтобы я не страдалъ?.. Это всегда будетъ"...

Была такая минута въ жизни его, когда ему надо было отвѣтить прямо на прямой вопросъ: да или нѣтъ? Преступленіе его не въ томъ, что отвѣтилъ онъ „да"

или „нѣтъ“, а въ томъ, что не отвѣтилъ ни „да“, ни „нѣтъ“.

Душа его разорвалась пополамъ между этими двумя отвѣтами. И ужасно видѣть, какъ двѣ половины корчатся въ предсмертныхъ судорогахъ, точно двѣ половины разрубленной змѣи, которыя хотятъ соединиться.

Александръ не отвѣтилъ ни „да“, ни „нѣтъ“; Елизавета отвѣтила: „да“. И приняла на себя всю тяжесть этого „да“—тяжесть крови.

Въ ту страшную ночь, въ Михайловскомъ замкѣ, среди озвѣрѣвшей толпы пьяныхъ убійцъ и трусливыхъ жертвъ, когда самые храбрые блѣднѣли, какъ трусы, она, слабая, робкая, двадцатилѣтняя женщина, почти дѣвочка, одна казалась безстрашнѣе всѣхъ, одна сохранила спокойствіе, одна знала, что дѣлаетъ. „Въ эту ночь, — говоритъ Чарторыжскій, — императрица Елизавета была единственною в л а с т ь ю“—да, властью и волей народа.

Вотъ чего не могъ ей простить Александръ. Произнесенное „да“ легло между ними безмолвною чертою, связало и раздѣлило ихъ навѣки. Она была ему не поплечу. Онъ хотѣлъ любить свободу—она любила; съ нимъ дѣлалось—она дѣлала. Для слабой тетивы слишкомъ тяжелая стрѣла; для сложнаго слишкомъ простая; для извилистаго слишкомъ прямая. Воплощеніе его собственной совѣсти, того огненнаго меча, который прошелъ ему душу, той молніи, которая разсѣкла ее пополамъ.

„Небеснаго земной свидѣтель“,—правду сказалъ о ней Пушкинъ. Какъ небесное видѣніе, какъ свѣтлая Психея, проходитъ она въ темной глубинѣ Атридова

дома, гдѣ древнее проклятіе падаетъ съ головы на голову.

Но въ ту ночь, когда Евмениды лаютъ, какъ собаки, и нюхаютъ, и лижутъ кровь, превращается сама Психея въ Евмениду.

„Наконецъ-то я дышу свободно со всею Россіей!“—это торжествующій крикъ Евмениды, ея святая улыбка сквозь кровь.

II.

„C’est Psyché unie à l’Amour. Это Психея, соединенная съ Амуромъ“, говорила о нихъ Екатерина.

Въ лѣтніе вечера, на Царскосельскихъ лигахъ, великіе князья и княгини бѣгали въ горѣлки передъ дворцомъ, откуда смотрѣла на нихъ Бабушка. „Елизавета едва касалась земли—до того была легка,—разсказываетъ гр. Головина,—воздухъ игралъ ея волосами, она опережала всѣхъ; ею любовались и не могли налюбоваться до-сыта.—„Психея, Психея!“—слышался влюбленный шопотъ.

„Однажды вечеромъ, когда я пріѣхала къ ней,—вспоминаетъ та же Головина,—она открыла дверь своего кабинета, въ то время, какъ я входила въ другую. Только что меня замѣтила,—порхнула ко мнѣ; признаюсь, я приняла ее за прекрасное видѣніе: волосы были распущены, она была въ бѣломъ платьѣ, называемомъ греческою туникою, съ узкою золотою цѣпочкой на шеѣ; рукава засучены, такъ какъ только что она оставила арфу. Я остановилась и сказала:

— Боже мой, ваше высочество, какъ вы хорошо

выглядите!—вмѣсто того, чтобы сказать: Боже мой, какъ вы хороши!“

„Какъ-то весной гуляли мы въ дворцовомъ саду съ графомъ Алексѣемъ Разумовскимъ. Увидавъ великую княгиню, мы залюбовались ея походкой, и графъ сказалъ мнѣ:

— „Боже мой, какой у нея трогательный видъ!“

Жениху 15 лѣтъ, невѣстѣ 13. Они играютъ въ жмурки, веревочку, фанты и другія дѣтскія игры. Однажды вечеромъ въ Эрмитажѣ, въ Брилліантовой комнатѣ, разсматривая вмѣстѣ эстампы за круглымъ столомъ, онъ сунулъ ей любовную записку; она ему отвѣтила тѣмъ же. Но знаетъ ли она, что такое любовь?

„Какъ смѣшно, мама, цѣловать мужчину—не папу, не дядю. И какъ странно не чувствовать на лицѣ своемъ жесткой щетины, какъ всегда, бывало, когда папа цѣлуетъ“.—„Я не могу привыкнуть къ мысли, что я замужемъ... Ахъ, Боже мой, да вѣдь мнѣ только 14 лѣтъ! Нѣтъ, мама, это сонъ“...

Двѣ фарфоровыя куколки, слишкомъ обнаженныя подъ любопытными взорами старичковъ и старушекъ XVIII вѣка, которые умиляются съ похотливымъ присюсюкиваніемъ: „C'est Psyché unie à l'Amour!“ Одна изъ тѣхъ соблазнительныхъ картинокъ, которыми увѣшиваются шелковыя стѣны тайныхъ алькововъ. Всенародное и добродѣтельное растлѣніе дѣтей.

„Гр. Шувалова, женщина пронырливая, наполненная духомъ французскихъ щеголихъ, всѣ способы употребляетъ развратить молодыхъ супруговъ, твердя обыкновенно, что нѣтъ вещи вѣчной, и что самая любовь не можетъ быть навсегда,—записываетъ въ дневникѣ своемъ Протасовъ, дядька Александра. — Много она

ласкалась къ великому князю; но нѣкоторое большей ея дочери на непорочность его покушеніе, противъ котораго добродѣтель его устояла, сдѣлала его матери и дочери ненавистнымъ“. — „La comtesse Schouwalow prostituait sa fille“, сообщаетъ гр. Ростопчинъ.—„Великій князь—продолжаетъ дядька,—упражнялся въ разговорахъ съ молодыми модниками, разными шутками съ парикмахеромъ Романомъ и прочими комнатными (лакеями)... Началъ употреблять вино по вкусу... Пронеслись слухи вредные въ публикѣ... Пошелъ развратъ... О россійскомъ ученіи забыто... Великую княгиню оставилъ одну“.

„Онъ любилъ свою жену, какъ братъ“, замѣчаетъ Головина.

— „А вѣдь Зубовъ-то влюбленъ въ мою жену“,— сказалъ онъ однажды въ присутствіи Елизаветы. Можетъ быть, Зубову предпочелъ бы онъ друга дѣтства, кн. Адама Чарторыжскаго,—а, впрочемъ, все равно.

Бѣлыя одежды Психеи запятнаны грязью. Сначала грязью, потомъ кровью.

„Я одна, одна, совсѣмъ одна, и никого у меня нѣтъ, кому бы я могла довѣрить мои маленькія мысли (mes petites pensées)“.—„Я молчу, мама; надо эти мысли держать про себя“...

„Скука ее убиваетъ“, говоритъ очевидецъ.

„Въ Берлинѣ ходятъ слухи,—пишетъ ей мать,— что вы такъ измѣнились, поблѣднѣли и похудѣли, что что всѣхъ удивляетъ. Что съ вами, дитя мое? Ужь не больны ли?“

Что съ нею? А вотъ что.

„У меня такая потребность любить, которая превосходитъ все“. Но любить некого.

И бѣдная Психея, замерзающая въ ледяной пустынѣ, раздуваетъ угли послѣдняго огня—любви къ матери.

„Боже мой, мама родная, я люблю васъ свыше всякой мѣры. — Вы для меня все. — Мнѣ кажется, что такъ любить нельзя. — Не проходитъ ночи, чтобы, я васъ не видѣла во снѣ... Намедни снилось мнѣ, что я цѣлую васъ, и я чувствовала, что рыдаю, задыхаюсь отъ счастья во снѣ. — Вотъ и сейчасъ ложусь и надѣюсь увидѣть васъ... Это мой самый сладкій сонъ, если бы не горечь пробужденія. — Доброй ночи, мама. Я говорю вамъ это каждую ночь, и послѣдняя мысль моя, передъ тѣмъ, чтобы заснуть,—вы... Цѣлую вамъ ноги и руки. — Впрочемъ, и наяву вы всегда со мною. — Не бываетъ, кажется, минуты въ теченіе дня, когда бы я не думала о васъ“.—Стоитъ ей закрыть глаза, чтобы увидѣть себя въ знакомыхъ комнатахъ родного дома вмѣстѣ съ матерью.

Сонъ становится явью, явь—сномъ. Спящая царевна въ хрустальномъ гробу.

„У насъ теперь бѣлыя ночи—свѣтло, какъ днемъ, а соловьи поютъ“.

Лѣтнія бѣлыя ночи, зимнія лунныя ночи, небо прозрачное, какъ ледъ, ледъ, прозрачный, какъ небо—хрустальный гробъ спящей царевны.

III.

Однажды проснулась, но не надолго.

18 мая 1799 года родилась великая княжна Марія Александровна. Любовь Елизаветы къ дочери—такая же мучительная, похожая на страсть, какъ любовь къ матери.

Какъ она тоскуетъ, что не позволяютъ ей самой дормить Мышку грудью! Какъ ясно видитъ въ этомъ крошечномъ тѣльцѣ, для другихъ еще безликомъ, лицо человѣческое!

„Со дня на день я все больше привязываюсь къ моему Коченочку (mon petit chou). Когда она плачетъ, мнѣ хочется плакать съ нею, потому что она такая тихая, добрая, что ужь, конечно, не плакала бы, если бы ей не было больно... Маленькій человѣкъ, кажется, скоро начнетъ говорить... Но ходить и не думаетъ; это меня огорчаетъ.“

Уже мечтаетъ о воспитаніи, о предстоящихъ долгихъ годахъ жизни съ дочерью.

27 іюля 1800 года ребенокъ умеръ отъ той же болѣзни, какъ впослѣдствіи Александръ,—отъ воспаленія мозга.

Елизавета почти не плакала. Но въ коротенькой запискѣ, посланной матери въ самый день смерти, какъ будто слышится ужасное, раздирающее душу, рыданіе безъ слезъ.

„Мама родная, я не въ силахъ сказать вамъ ничего, кромѣ двухъ словъ: не безпокойтесь обо мнѣ. Сегодня утромъ я лишилась дочери, она умерла. Мама, это ужасно. Я не могу объ этомъ говорить. Но не безпокойтесь, я здорова. О, если бъ я могла отдать тысячи здоровій, вытерпѣть тысячи мукъ, только бы вернуть ей жизнь!“

Дня черезъ три подробно и какъ будто спокойно описываетъ смерть. Нѣсколько дней ни на минуту не отходила отъ больной; только къ утру послѣдняго дня, когда Мышка затихла, какъ будто задремала,—прилегла на

канапе рядомъ съ нею въ той же комнатѣ. Вдругъ очнулась и увидѣла, что ребенокъ умираетъ.

„Какъ бы я ни была счастлива,—если бы даже то было счастье видѣть васъ, мама, или имѣть еще дюжину дѣтей,—Мышки у меня больше не будетъ!..“

И опять одна. Опять замерзаетъ въ ледяной пустынѣ.

IV.

Послѣдняя улыбка замерзающей Психеи—любовь, если это можно назвать любовью, къ гр. Головиной. Любовь Психеи въ Вакханкѣ.

„Я хочу любить васъ, вопреки всему, и, будь я за тысячи верстъ отъ васъ, я буду находить безконечную сладость въ томъ, чтобы мучить себя воспоминаніями счастливыхъ дней...—Нѣтъ, милая, нѣтъ, сердце мое слишкомъ полно. Я больше не могу терпѣть... Мысли мои убиваютъ меня. Плакать, думать о васъ—вотъ все, что мнѣ остается. Я едва удерживаю слезы, когда вижу васъ на-людяхъ или когда о васъ думаю... Боже мой, какую власть вы надо мною имѣете!.. Если бы только могла я провести съ вами два-три часа наединѣ, вы узнали бы тайну мою... Что мнѣ сказать вамъ?.. Что я васъ люблю, боготворю, вотъ все... А вѣдь кто-нибудь, читая это, подумаетъ, что я пишу любовнику“...

„Я уходила съ великою княгинею въ ея уборную,—разсказываетъ Головина.—Минута разставанія приближалась. Великій князь удалялся въ кабинетъ для ночного туалета. Великая княгиня принималась за свой; я расчесывала ей волосы, заплетала въ косу. Камерфрау ее раздѣвала. Она переходила въ спальню, чтобы лечь

въ постель, и звала меня туда. Я становилась на колѣни на ступеняхъ кровати, цѣловала ей руки и удалялась“...

„Великій князь прочелъ ваши письма и потребовалъ у меня объясненій, — сообщаетъ Головиной Елизавета. — Я разсказала ему о т ч а с т и... Но, когда вспомнила это блаженное 30-ое мая, страшно смутилась (cela m'a toute bouleversée). Вы знаете, какъ дорогъ мнѣ этотъ день, въ который я отдалась вамъ вся (où je me suis donnée toute à vous)“.

Кончилось тѣмъ, чѣмъ и должно было кончиться: ненавистью, отвращеніемъ со стороны, конечно, не Вакханки, а Психеи. Она поняла, что соленою водою не утолить жажду.

V.

И спящая царевна, уже не пытаясь проснуться, засыпаетъ все глубже. Ей снятся чудные и страшные сны: нашествіе Наполеона, пожаръ Москвы, утреннее солнце Парижскаго мира, вечернее солнце Священнаго Союза и вдругъ наступившая ночь, въ которой встаетъ опять, какъ тогда, исполинскій мертвецъ Аракчеевъ, и опять приближается лай Евменидъ, алчущихъ крови за кровь. Но Богъ спасъ ее отъ этого послѣдняго, самаго страшнаго сна.

Въ захолустномъ городкѣ Таганрогѣ, въ бѣдномъ дворцѣ, похожемъ на ветхій усадебный домъ, въ золотую осень, у теплаго моря, подъ ропотъ волнъ и звонъ колоколовъ старинной греческой церкви Константина и Елены, Александръ и Елизавета, какъ будто впервые за тридцать лѣтъ, встрѣтились и узнали другъ друга.Наконецъ-то, спящую царевну царевичъ разбудилъ

поцѣлуемъ. Психея соединилась съ Амуромъ. Но, увы, для того, чтобы вмѣстѣ лечь въ гробъ.

Александръ хотѣлъ отречься отъ престола и не смогъ. Елизаветѣ не отъ чего было отрекаться: корона сама упала съ головы ея, обвитой терновымъ вѣнцомъ. Эта русская императрица такъ и осталась до конца „государственной преступницей“. И въ самыя страшныя минуты жизни своей, когда видѣла она въ лицѣ Александра лицо Павла, и когда казалось ей, что произнесенное ею кровавое „да“ только укрѣпило то, что ей хотѣлось разрушить,—въ эти страшныя минуты, вспоминая смерть дочери, можетъ быть, чувствовала она горестную радость о томъ, что не имѣла больше дѣтей, не оставила наслѣдниковъ—не послужила тому, что такъ ненавидѣла. Пусть ничего не сдѣлала и даже почти ничего не сказала, прошла безмолвно свѣтлая Психея—но все-таки прошла, была—и этого довольно.

Есть легенда, кажется, о царственномъ домѣ Гогенцоллерновъ, что передъ смертью кого-нибудь изъ нихъ появляется ночью на ступеняхъ дворца Бѣлая Женщина.

Елизавета Алексѣевна и есть эта Бѣлая Женщина—святая, страшная Евменида—Совѣсть.

Для однихъ—Евменида, а для другихъ—Психея, воплощеніе того небеснаго, чего всѣ мы ищемъ на землѣ и не находимъ: Вѣчной Сестры—Невѣсты—Матери. Она вездѣ, она и тамъ, въ самой темной тьмѣ земного ада.

И, увидѣвъ ее, хочется сказать:

— Это ты. Я узналъ тебя. Дай упасть къ ногамъ твоимъ и цѣловать слѣды твоихъ ногъ.

ТУРГЕНЕВЪ

Тургеневъ, говорятъ, устарѣлъ.

Двѣ исполинскія каріатиды русской литературы— Л. Толстой и Достоевскій — дѣйствительно, заслонили отъ насъ Тургенева.

Навсегда ли? Надолго ли? Не суждено ли намъ черезъ нихъ вернуться къ нему?

Въ Россіи, въ странѣ всяческаго, революціоннаго и религіознаго, максимализма, странѣ самосожженій, странѣ самыхъ неистовыхъ чрезмѣрностей, Тургеневъ едва ли не единственный, послѣ Пушкина, геній мѣры и, слѣдовательно, геній культуры. Ибо что такое культура, какъ не измѣреніе, накопленіе и сохраненіе цѣнностей?

Въ этомъ смыслѣ Тургеневъ, въ противоположность великимъ созидателямъ и разрушителямъ, Л. Толстому и Достоевскому,—нашъ единственный охранитель, консерваторъ и, какъ всякій истинный консерваторъ, въ то же время либералъ. Или, говоря современнымъ политическимъ языкомъ, Тургеневъ, въ противоположность максималистамъ, Л. Толстому и Достоевскому, нашъ единственный минималистъ.

Въ этомъ—вѣчная правда его. Ибо, какъ бы мы ни презирали минималистовъ за ихъ „мѣщанство“, все-таки безъ нихъ не обойдешься; безъ нихъ и максималисты

провалились бы. Не потому ли революція наша не удалась, что слишкомъ было много въ ней русской чрезмѣрности, мало европейской мѣры; слишкомъ много Л. Толстого и Достоевскаго, мало Тургенева?

Геній мѣры—геній Западной Европы. Европѣ и открылся Тургеневъ, первый изъ русскихъ писателей. Несмотря на европейскую славу Л. Толстого и Достоевскаго, послѣдняя русская глубина ихъ остается Европѣ чуждою. Они удивляютъ и поражаютъ ее; Тургеневъ плѣняетъ. Онъ ей родной. Она почувствовала въ немъ впервые, что Россія тоже Европа.

Мѣра всѣхъ мѣръ, божественная мѣра вещей—красота.

Въ созерцаніи осуществляется красота, какъ искусство, эстетика; въ дѣйствіи, въ трагедіи, какъ любовь—влюбленность.

Тургеневъ—поэтъ красоты и влюбленности.

„Пѣснь торжествующей любви"—пѣснь торжествующей плоти.

Трагедія влюбленности заключается въ томъ, что не можетъ любовь, ослѣпленная похотью, достигнуть этой истинной, торжествующей, „прославленной" плоти. Предметъ похоти, чувственное тѣло человѣка—не истинная плоть, а лишь органическая матерія, мясо, будущая падаль. Бодлеръ видитъ въ тѣлѣ возлюбленной—la charogne, падаль. Въ Прологахъ повѣствуется, какъ одному юному отшельнику, распаленному блуднымъ помысломъ, старецъ посовѣтовалъ пойти на кладбище, разрыть могилу, натереть платокъ трупнымъ гноемъ и понюхать, чѣмъ пахнетъ: „тогда поймешь, чего хочешь".—Такъ аскетизмъ и оргіазмъ сливаются въ одной кощунственной лжи.

На самомъ дѣлѣ, влюбленные любятъ не это тѣло, не трупъ, не падаль, а какое-то другое, какую-то нетлѣнную „духовную плоть". О ней-то сказано: „Будутъ два одною плотью.—Кто можетъ вмѣстить, да вмѣститъ".

Но пока никто не вмѣстилъ.

Влюбленностью вскрывается человѣческая двойственность—духъ и матерія, Богъ и звѣрь. Сначала нѣжный человѣческій шопотъ: люблю! люблю!—а потомъ „звѣриный крикъ, вой, ревъ" рожающей Китти, рожающей самки. Любовь—жестокость. Любовь—кровавое насилье. Любить—рождать. Любить—убивать. „Любовь крѣпка, какъ смерть". Смерть связана съ любовью. Любовь-похоть—смерть личности. У Гете Пандора, впервые увидѣвъ соединеніе любовниковъ, спрашиваетъ своего творца, Прометея: „что это?" — и тотъ отвѣчаетъ: „это—смерть".

Потому-то и является въ бракѣ третья личность—ребенокъ, что двѣ первыя—отца и матери—какъ бы умираютъ, убываютъ, ущербляются въ похоти. И задача неисполненной любви, непрославленной плоти передается отъ одного поколѣнія другому, какъ зажженный факелъ изъ рукъ въ руки; и чреда поколѣній—чреда бѣгущихъ факелоносцевъ.

Тургеневъ яснѣе, чѣмъ кто-либо изъ міровыхъ писателей, показалъ, что заповѣди о бракѣ, о совершенномъ соединеніи двухъ въ одну плоть никто не вмѣстилъ.

У него, который можно сказать, всю жизнь только и дѣлалъ, что мучился надъ вопросомъ пола, поразительное отсутствіе вопроса о дѣторожденіи, о материнствѣ. Тургеневскія женщины и дѣвушки какъ будто не могутъ родить. И какъ будто самъ онъ этому сочувствуетъ,

не хочетъ продолженія рода человѣческаго, говоритъ ему: „Довольно! Довольно!“—Но это не скопчество, не отсѣченіе, а какое-то огненное утвержденіе пола, огненная чистота — влюбленная дѣвственность. Тургеневъ поэтъ вѣчной дѣвственности.

Я не могу себѣ представить, что у женщинъ и дѣвушекъ Тургенева такія же тѣла, какъ у толстовской Китти, Наташи или даже Анны Карениной. Кажется, что тѣла ихъ облачныя, призрачныя и прозрачныя, какъ тѣла гоголевскихъ русалокъ, сквозь которыя свѣтитъ луна. Какъ будто онѣ той же природы, какъ Эллисъ въ Призракахъ, или видѣніе Клары Миличъ. Вообще призрачность и влюбленность почти всегда сливаются у Тургенева: это какъ бы два явленія одной сущности; кто любитъ, тотъ вступаетъ въ царство призраковъ.

Тургеневскія женщины и дѣвушки среди человѣческихъ лицъ—иконы; среди живыхъ людей—„живыя мощи“.

„Голова совершенно высохшая, одноцвѣтная, бронзовая—ни дать, ни взять—икона стариннаго письма... Я вглядываюсь попристальнѣе: лицо не только не безобразное,—даже красивое, но страшное, необычайное.

— „Вы меня не узнаете, баринъ?—прошепталъ голосъ: онъ словно испарялся изъ едва шевелившихся губъ.—Да и гдѣ узнать!.. Я Лукерья...

„Я не зналъ, что сказать, я какъ ошеломленный глядѣлъ на это темное, неподвижное лицо съ устремленными на меня свѣтлыми и мертвенными глазами. Возможно ли? Эта мумія—Лукерья, красавица—высокая, полная, бѣлая, румяная,—хохотунья, плясунья! Лукерья, за которою ухаживали всѣ наши молодые парни,

по которой я самъ втайнѣ вздыхалъ, я—шестнадцатилѣтній мальчикъ!

— „Помилуй, Лукерья, что это съ тобою случилось?“

Случилось съ нею то же, что со всѣми женщинами и дѣвушками, въ которыхъ влюбленъ вѣчный шестнадцатилѣтній мальчикъ, Тургеневъ: всѣ онѣ погибаютъ, превращаются въ призраки, въ видѣнія, въ таинственно мерцающія иконы, въ благоуханно нетлѣнныя муміи, въ живыя мощи.

Но что же именно происходитъ съ ними? А вотъ что.

„Меня тогда только что помолвили за Василья Полякова,—помните, такой изъ себя статный былъ, кудрявый—еще буфетчикомъ у матушки у вашей служилъ.—Очень мы съ Василіемъ слюбились... А дѣло было весною. Вотъ разъ ночью... ужь и до зари недалеко... а мнѣ не спится: соловей въ саду таково удивительно поетъ сладко... Не вытерпѣла я, встала и вышла на крыльцо его послушать. Заливается онъ, заливается... и вдругъ мнѣ почудилось: зоветъ меня кто-то Васинымъ голосомъ, тихо такъ: „Луша!..“ Я глядь въ сторону, да знать съ просонья—оступилась, такъ прямо съ рундучка и полетѣла внизъ—да о землю хлопъ!“

Всѣхъ тургеневскихъ женщинъ и дѣвушекъ зоветъ Васинымъ голосомъ не Вася, а кто-то другой. Другой позвалъ Лизу въ Дворянскомъ Гнѣздѣ—и она ушла въ монастырь. И Елену, и Маріанну, и Несчастную, и Клару Миличъ—всѣхъ. Всѣ оступаются съ какого-то таинственнаго „рундучка“, таинственной грани, и падаютъ, и разбиваются о землю до смерти.

Ну, а что же статный, кудрявый буфетчикъ Вася Поляковъ?

„Потужилъ, потужилъ—да и женился на другой, на

дѣвушкѣ изъ Глиннаго... Очень онъ меня любилъ, да вѣдь человѣкъ молодой—не оставаться же ему холостымъ. А жену онъ нашелъ себѣ хорошую, добрую—и дѣтки у нихъ есть. Онъ тутъ у сосѣда въ приказчикахъ живетъ, и очень ему, слава Богу, хорошо!"

Это бракъ Левина съ Китти, Пьера Безухова съ Наташею, такъ называемый, христіанскій бракъ.

Христіанскій, но не Христовъ. Дѣло житейское, но не религіозное или, по крайней мѣрѣ, не того религіознаго порядка, въ которомъ сказано: могущій вмѣстить, да вмѣститъ. — „Человѣкъ молодой, не оставаться же ему холостымъ",—это всѣ вмѣщаютъ. Это физіологія, Ветхій Завѣтъ. Трагедія пола этимъ не разрѣшается. Поставленъ вопросъ, но отвѣта нѣтъ.

Приказчику Васѣ Полякову, „слава Богу, очень хорошо". Но неужели же „пѣснь торжествующей любви" должна всегда кончаться унылымъ тренканьемъ гармоники благополучнаго приказчика. Жалко безумной влюбленности, жалко невозможной надежды.

— „А вы меня не слишкомъ жалѣйте, право... Я и теперь пѣсни пою.

„Лукерья собралась съ духомъ... Мысль, что это полумертвое существо готовится запѣть, возбудила во мнѣ невольный ужасъ. Но, прежде чѣмъ я могъ промолвить слово,—въ ушахъ моихъ задрожалъ протяжный, едва слышный, но чистый и вѣрный звукъ... за нимъ послѣдовалъ другой, третій. Она пѣла, не измѣнивъ выраженія своего окаменѣлаго лица, уставивъ даже глаза. Но такъ трогательно звенѣлъ этотъ бѣдный,—какъ струйка дыма, колебавшійся голосокъ, такъ хотѣлось ей всю душу вылить".

Вотъ предсмертная „пѣснь торжествующей любви"—пѣснь самого Тургенева. Громовые голоса Л. Толстого и Достоевскаго заглушаютъ этотъ „чуть слышный, трогательно звенящій,—какъ струйка дыма, колеблющійся голосокъ".—Но горе намъ, если мы его не услышимъ. Въ тѣхъ громовыхъ голосахъ звучитъ хаосъ, безмѣрность, а въ этомъ, тихомъ—тишина гармоніи, тишина красоты.

— „Охъ, не могу, силушки не хватаетъ...

„Она закрыла глаза. Я положилъ руку на ея крошечные холодные пальчики. Она взглянула на меня—и ея темныя вѣки, опущенныя золотистыми рѣсницами, какъ у древнихъ статуй, закрылись снова".

Не кажется ли иногда, что въ послѣднихъ, самыхъ совершенныхъ и вѣщихъ произведеніяхъ своихъ, муза Тургенева похожа на эту древнюю статую съ темными, закрытыми вѣками?

Вѣки у нея закрыты, потому что она видитъ чудный сонъ.

„Разъ мнѣ какой чудный сонъ приснился.—Вижу я, будто стою я въ полѣ, а кругомъ рожь, такая высокая, спѣлая, какъ золотая... И будто со мною собачка рыженькая, злющая-презлющая—все укусить меня хочетъ. И будто въ рукахъ у меня серпъ, и не простой серпъ, а самый какъ есть мѣсяцъ, вотъ когда онъ на серпъ похожъ бываетъ. И этимъ самымъ мѣсяцемъ должна я эту самую рожь сжать дочиста.

„Только очень меня растомило, и мѣсяцъ меня слѣпитъ, и лѣнь на меня нашла; а кругомъ васильки растутъ, да такіе крупные! И всѣ ко мнѣ головками повернулись. И думаю я: нарву я этихъ васильковъ; Вася придти обѣщался—такъ вотъ я себѣ вѣнокъ сперва совью; жать-то я еще успѣю. Начинаю я рвать васильки,

а они у меня промежъ пальцевъ таютъ, да таютъ хоть ты что! И не могу я себѣ вѣнокъ свить. А между тѣмъ, я слышу—кто-то ужь идетъ ко мнѣ, близко таково и зоветъ: „Луша! Луша!..“ Ай, думаю, бѣда—не успѣла! Все равно, надѣну я себѣ на голову этотъ мѣсяцъ, замѣсто васильковъ. Надѣваю я мѣсяцъ, ровно какъ кокошникъ, и такъ сама сейчасъ вся засіяла, все поле кругомъ освѣтила. Глядь—по самымъ верхушкамъ колосьевъ катитъ ко мнѣ скорехонько, только не Вася, а самъ Христосъ! И почему я узнала, что это Христосъ, сказать не могу,—такимъ его не пишутъ,—а только Онъ! Безбородый, высокій, молодой, весь въ бѣломъ, только поясъ золотой, и ручку мнѣ протягиваетъ.—„Не бойся,—говоритъ,—невѣста моя возлюбленная, ступай за мною; ты у меня въ царствѣ небесномъ хороводы водить будешь и пѣсни играть райскія“.—И я къ Его ручкѣ какъ прильну! Собачка моя сейчасъ меня за ноги... Но тутъ мы взвились. Онъ впереди... Крылья у Него по всему небу развернулись, длинныя, какъ у чайки,—и я за Нимъ. И собачка должна отстать отъ меня. Тутъ только я поняла, что эта собачка—болѣзнь моя, и что въ царствѣ небесномъ ей уже мѣста не будетъ“.

Намъ казалось, что Тургеневъ—безбожникъ, что онъ покончилъ навсегда съ религіей вообще и съ христіанствомъ въ частности, что тутъ непримиримая противоположность Тургенева Л. Толстому и Достоевскому: они вѣрятъ въ Бога; много, можетъ быть, даже черезчуръ много говорятъ о Христѣ; Тургеневъ почти никогда не говоритъ о Немъ, не произноситъ имени Его, какъ будто забылъ Его, не знаетъ, не хочетъ знать.

Но откуда же это внезапное видѣніе?

Реальная муза Тургенева не видѣла Христа на-яву;

но закрыла „свои темныя вѣки, съ золотистыми рѣсницами, какъ у древнихъ статуй“—и увидѣла Его во снѣ—въ самомъ вѣщемъ снѣ своемъ, въ самой страшной мукѣ, ибо трагедія пола и есть, конечно, самая страшная мука Тургенева. И вотъ онъ понялъ, что никто, кромѣ Христа, не утолитъ этой муки.

По отношенію къ христіанству, не лицо Л. Толстого и Достоевскаго, нашихъ богоискателей, а лицо „безбожнаго“ Тургенева есть лицо всей русской интеллигенціи, да, пожалуй, и всей западно-европейской культуры.

Но, можетъ быть, и у нихъ, какъ у Тургенева, непроизнесенное имя? Можетъ быть, вся современная культура, вся живая плоть человѣчества—ж и в ы я м о щ и, бѣдная Лукерья, которая думаетъ, что любитъ приказчика Васю Полякова съ уныло-благополучной гармоникой, а въ дѣйствительности, любитъ кого-то д р у г о г о, давно уже позвавшаго ее таинственнымъ голосомъ? Открытыми глазами на-яву еще не видитъ Его, но закроетъ ихъ—и вотъ-вотъ увидитъ во снѣ? Можетъ быть, имя Его остается пока еще безмолвнымъ, потому что нельзя его сейчасъ произнести, не наступили времена и сроки?

А когда пытаются произносить, то все не такъ. Твердятъ, кричатъ, вопіютъ громовыми голосами, но никто не слышитъ.

Л. Толстой произноситъ имя человѣческое; а всѣ чувствуютъ, что это не только Человѣкъ. Достоевскій произноситъ имя Божеское; а всѣ чувствуютъ, что это не только Богъ.

Тургеневъ молчитъ и молча подходитъ ближе ко Христу, чѣмъ Л. Толстой и Достоевскій.

Каковъ же этотъ никѣмъ неузнанный, не названный по имени Христосъ?

„Я видѣлъ себя юношей, почти мальчикомъ, въ низкой деревенской церкви. Красными пятнышками теплились передъ старинными образами восковыя топкія свѣчи.

„Радужный вѣнчикъ окружалъ каждое маленькое пламя. Темно и тускло было въ церкви... Но народу стояло передо мною много.

„Все русыя крестьянскія головы. Отъ времени до времени, онѣ начинали колыхаться, падать, подниматься снова, словно зрѣлые колосья, когда по нимъ медленной волной пробѣгаетъ лѣтній вѣтеръ.

„Вдругъ какой-то человѣкъ подошелъ сзади и сталъ со мною рядомъ.

„Я не обернулся къ нему, но тотчасъ почувствовалъ, что этотъ человѣкъ—Христосъ.

„Умиленье, любопытство, страхъ разомъ овладѣли мною. Я сдѣлалъ надъ собою усиліе... и посмотрѣлъ на своего сосѣда.

„Лицо, какъ у всѣхъ—лицо, похожее на всѣ человѣческія лица. Глаза глядятъ немного ввысь, внимательно и тихо. Губы закрыты, но сжаты: верхняя губа какъ бы покоится на нижней; небольшая борода раздвоена; руки сложены и не шевелятся. И одежда на немъ, какъ на всѣхъ.

„Какой же это Христосъ!“ подумалось мнѣ.—„Такой простой, простой человѣкъ! Быть не можетъ!“

„Я отвернулся прочь. Но не успѣлъ я отвести взоръ отъ того простого человѣка, какъ мнѣ опять почудилось, что это именно Христосъ стоялъ со мной рядомъ.

„Я опять сдѣлалъ надъ собою усиліе...

„И опять увидѣлъ то же лицо, похожее на всѣ человѣческія лица, тѣ же обычныя, хоть и незнакомыя, черты.

„И мнѣ вдругъ стало жутко—и я пришелъ въ себя.—Только тогда я понялъ, что именно такое лицо—л и ц о, п о х о ж е е н а в с ѣ ч е л о в ѣ ч е с к і я л и ц а,—оно и есть лицо Христа“.

Толстовскій ли это Христосъ, Сынъ Человѣческій, только человѣческій? Нѣтъ. Хотя Онъ и простой, простой человѣкъ, но недаромъ видящему жутко, страшно отъ божественной близости.

Православный ли, византійски-церковный Христосъ Достоевскаго? Нѣтъ. Вѣдь Тотъ въ алтарѣ со священникомъ или на иконахъ въ блистающихъ ризахъ. А Этотъ въ „рабьемъ зракѣ“, съ людьми пришелъ изъ міра и снова пойдетъ въ міръ. И лицо у Него, „какъ у всѣхъ, похожее на всѣ человѣческія лица“. Совершенно Божеское, потому что совершенно человѣческое. Христосъ въ міру, Христосъ въ человѣчествѣ—вотъ неузнанный, неназванный, но подлинный, тургеневскій Христосъ.

Отсюда—религіозное отношеніе Тургенева ко всемірной культурѣ, котораго ни у Л. Толстого, ни у Достоевскаго нѣтъ.

Толстовское опрощеніе, надежда спасти Россію „по-мужицки, по-дурацки“ есть тоже форма нигилизма. И у Достоевскаго въ его высокомѣрномъ презрѣніи къ „безбожному, гнилому Западу“, въ утвержденіи Россіи, какъ единственнаго народа-ботоносца,—опасность еще злѣйшаго, хотя и скрытаго, нигилизма, который теперь на нашихъ глазахъ вскрывается въ „зоологическомъ патріотизмѣ“, въ дѣйствительно безбожномъ

и гнилом націонализмѣ современныхъ эпигоновъ славянофильства. Тутъ уже воистину подъ видомъ Христа провозглашается Антихристъ: „По плодамъ узнаете ихъ“. Плоды же ихъ — всѣ происходящіе сейчасъ въ Россіи, человѣческія мерзости и звѣрскіе ужасы, освящаемые именемъ Христа.

Гордыня реакціонная, которая противополагаетъ Россію Европѣ, въ самодержавіи, православіи, народности, и обратная, но не менѣе страшная гордыня революціонная, которая отрицаетъ религіозную культуру народа, его живую исторію, живую плоть, хочетъ все смести, разрушить, чтобы строить сызнова на голомъ мѣстѣ,— вотъ двѣ грозящія намъ погибели. Отъ этихъ-то двухъ погибелей и спасаетъ насъ религіозное смиреніе Тургенева передъ святыней европейской культуры.

Говорятъ, Тургеневъ—западникъ. Но что значитъ— западникъ? Это вѣдь только бранное слово славянофиловъ. Неужели же мы всѣмъ существомъ своимъ не чувствуемъ, что Тургеневъ—не менѣе русскій, чѣмъ Л. Толстой и Достоевскій? Ежели Петръ и Пушкинъ— истинно-русскіе люди, не въ презрѣнномъ, шутовскомъ, сегодняшнемъ, а въ славномъ, подлинномъ смыслѣ этого слова, то Тургеневъ—такой же истинно-русскій человѣкъ, какъ Петръ и Пушкинъ. Онъ продолжаетъ дѣло ихъ: не заколачиваетъ, подобно старымъ и новымъ нашимъ „восточникамъ“, а прорубаетъ окно изъ Россіи въ Европу; не отдѣляетъ, а соединяетъ Россію съ Европой.— Пушкинъ далъ русскую мѣру всему европейскому; Тургеневъ даетъ всему русскому европейскую мѣру.

Но съ окончательною ясностью Тургеневъ еще не видѣлъ того, что соединяетъ Россію съ Европою. Мы уже видимъ или скоро увидимъ.

Соединяетъ ихъ вселенское начало обѣихъ культуръ, единое солнце Востока и Запада—вселенское христіанство—Христосъ въ міру, неузнанный, неназванный Женихъ человѣческой плоти, всемірной культуры, ибо безъ Него культура—не живая плоть, а живыя мощи или мертвое тѣло, падаль. Этого-то Жениха, грядущаго въ міръ, увидѣла въ своемъ вѣщемъ снѣ влюбленная муза Тургенева.

Существовало, нѣкогда, кажется, у всѣхъ народовъ, древнее суевѣріе, а можетъ быть, и неложная вѣра въ то, что на поминальныхъ тризнахъ, справляемыхъ во славу героя, тѣнь умершаго, безсмертнаго присутствуетъ среди живыхъ.

Можетъ быть, вы усмѣхнетесь, если я напоминаю вамъ эту древнюю вѣру и признаюсь, что у меня сейчасъ такое чувство, какъ будто И. С. Тургеневъ, котораго кое-кто изъ пришедшихъ на эти поминки зналъ при жизни и до сей поры еще помнитъ, любитъ, какъ живого,—у меня, говорю я, такое чувство, какъ будто онъ присутствуетъ здѣсь, видитъ и слышитъ насъ.

Если дѣйствительно есть та живая связь наша съ нимъ, о которой я говорилъ, если религіозное отношеніе его и наше ко всемірной культурѣ — Христосъ въ міру, съ лицомъ человѣческимъ, простымъ, простымъ лицомъ, какъ у всѣхъ, именно такой Христосъ, какимъ Тургеневъ увидѣлъ Его,—если Онъ—единственное наше спасеніе, спасеніе гибнущей Россіи, то вы поймете, повѣрите, почувствуете, такъ же, какъ я это чувствую, что Тургеневъ—живой, самый нужный, близкій намъ чело-

вѣкъ, что онъ видитъ и слышитъ насъ, потому что мы любимъ то, что и онъ здѣсь любилъ и не могъ разлюбить тамъ.

19 февраля 1909 г.

ПРОРОЧЕСТВО И ПРОВОКАЦІЯ

Лучше быть шутомъ гороховымъ, чѣмъ современнымъ „пророкомъ“. Лучше бить камни для мостовой, чѣмъ назваться учителемъ.

„Не называйтесь учителями, ибо одинъ у васъ Учитель“. Это давно сказано. И еще: „Всѣ пророки и законъ прорекли до Іоанна.—Изъ рожденныхъ женами не возставалъ большій Іоанна Крестителя; но меньшій въ царствѣ небесномъ—больше его“, т. е. больше величайшаго пророка.

Если нѣтъ и не будетъ пророковъ, это не значитъ, что нѣтъ и не будетъ пророчества; наоборотъ: потому-то и нѣтъ пророковъ, что всѣ обладаютъ прозрѣніемъ божественной истины, т. е. причастны духу пророческому. Никто не пророкъ, никто не учитель, потому что всѣ учатъ и учатся. Нѣтъ великихъ и малыхъ, потому что всѣ равны въ Единомъ.

Это еще не исполнилось и, судя по всему, что сейчасъ происходитъ, исполнится не скоро. Но вотъ именно теперь, когда умолкли пророчества, заговорили пророки; когда ученія мало — учителей много.

„Не называйтесь учителями“, сказано такъ, что глухіе могли бы услыхать. Но имѣющіе уши не услышали. Только и дѣлали, только и дѣлаютъ, что лѣзутъ въ учителя, въ пророки. Сами лѣзутъ и другихъ тащатъ.

Нѣтъ болѣе дряхлаго язычества, чѣмъ современное поклоненіе учителямъ и пророкамъ, „поклоненіе героямъ“. Лучше поклоняться идолу-чурбану, чѣмъ идолу-герою, все равно, „божественному“ Цезарю или „божественному“ Шаляпину.

Нѣтъ болѣе смраднаго удушія, чѣмъ то, въ которое попадаетъ пророкъ, тѣснимый толпою.

Нѣтъ болѣе злостной провокаціи, чѣмъ современное пророчество.

— Покажи знаменье, сотвори чудо.

— Чудо могутъ видѣть только вѣрующіе,—повѣрьте и увидите.

— Чему же вѣрить? Ты все говоришь, а не дѣлаешь. Какія дѣла твои? Были у насъ пророки—тѣ шли на смерть. А ты, что?

— Я пойду вмѣстѣ съ вами.

— Ступай же впередъ, а мы за тобою.

— Пойдемъ, когда велитъ намъ Богъ. Но вы не знаете Бога. Я вамъ еще не сказалъ. Слушайте...

— Слыхали, довольно. Соловья баснями не кормятъ.

— О, родъ лукавый и невѣрный!

— Нѣтъ, братъ, шалишь. Зубы не заговаривай!

— Трусъ!

— Шарлатанъ!

— Провокаторъ!

И если новаго пророка не побиваютъ камнями, какъ древнихъ, то заплевываютъ, забрасываютъ гнилыми яблоками, тухлыми яйцами и сажаютъ въ сумасшедшій домъ.

Толпа не любитъ оставаться въ дуракахъ, а по горькому опыту знаетъ она, что почти всѣ пророки остаются въ дуракахъ. У толпы, какъ у мухи, тысячи глазъ, но глаза подслѣповатые: не умѣютъ отличать Магомета отъ Каліостро.

Вотъ почему толпа и въ наши дни поступаетъ со своими пророками такъ же, какъ въ средніе вѣка съ колдунами и вѣдьмами: судитъ ихъ „Божьимъ судомъ“—тащитъ въ огонь или въ воду; не сгоритъ, не утонетъ—стало быть, съ діаволомъ снюхался; а начнетъ горѣть или тонуть, значитъ, невиненъ—вытащатъ; а не успѣютъ—воля Божья, зато душа спаслась,—и у толпы новый мученикъ, съ которымъ она и носится впредь до новѣйшаго.

И если даже слушаютъ, вѣрятъ, то все же нѣтъ, нѣтъ — и загорится въ глазахъ толпы тотъ огонекъ, который случалось видѣть миссіонерамъ въ глазахъ людоѣдовъ: „разложить бы костеръ, да испечь тебя, какъ слѣдуетъ“.

Лакома толпа до печенаго мяса пророковъ.

И толпа въ своей жестокости права: подѣломъ вору мука.

Ужъ сколько разъ твердили міру...
Да, видно, все не въ прокъ.

И нынѣ, какъ прежде, бѣдные, милые мальчики, вмѣсто того, чтобы учить латинскій урокъ, мечтаютъ сдѣлаться пророками.

Хочется сказать имъ: не мечтайте, повѣрьте, что участь любого Ивана Ивановича завиднѣе, чѣмъ участь пророка; будьте добрыми людьми, а если не можете, то ужъ лучше пьянствуйте, развратничайте, подписывайте фальшивые векселя — только не лѣзьте въ пророки;

помните, что человѣческая, не Божья слава—позорнѣйшій изъ всѣхъ позорныхъ столбовъ.

Я думалъ такъ, читая книгу Стриндберга—„Адъ“.

„Адъ?—Но вѣдь я же воспитанъ въ глубочайшемъ презрѣніи къ аду, какъ плоду фантазіи, сваленному въ общую сорную яму суевѣрій. И все же я не могу отрицать самой дѣйствительности. Въ этомъ-то и заключается новое толкованіе такъ называемой „вѣчной муки“: мы находимся въ аду здѣсь, внизу. Земля—это адъ, темница, воздвигнутая Высшимъ Разумомъ. Адскій огонь, это—желаніе: осужденнымъ даютъ все, чего они желаютъ; но лишь только желаніе исполнено, какъ предметъ его становится ненужнымъ. О, суета суетъ! И послѣ перваго разочарованія, Высшія Силы вновь разжигаютъ пламя. И пресыщеніе, отвращеніе ко всему мучитъ больше, чѣмъ неутоленное желаніе. Такъ терпитъ діаволъ вѣчныя муки, потому что имѣетъ все, чего хочетъ, и не можетъ уже больше ничего желать, ничѣмъ утолиться.

„Такъ будемъ же страдать, не надѣясь ни на одну радость жизни. Ибо, братъ мой, мы въ аду!

„Передо мною встаетъ картина Дантовскаго ада, раскаленные гробы грѣшниковъ...“ заключаетъ Стриндбергъ.

Можетъ быть, и вправду, съ Дантовскаго Ада не появлялось книги, болѣе достойной этого имени, не звучало болѣе пронзительнаго вопля вѣчной муки: братъ мой, мы въ аду!

Адъ Стриндберга—сумасшествіе, не въ переносномъ, а въ точномъ смыслѣ слова. А грѣхъ, за который онъ попалъ въ адъ—желаніе быть пророкомъ.

Вотъ какъ это случилось.

Между 80-ми и 90-ми годами прошлаго вѣка испыталъ онъ три превращенія: первое—соціализмъ, мечта устроить царствіе Божіе безъ Бога; второе—индивидуализмъ, мечта книжныхъ затворниковъ, подобныхъ Ренану и Флоберу, о верховномъ правительствѣ самодержавныхъ мудрецовъ—„мандариновъ“. И третье, послѣднее—католичество, мечта о возрожденіи средневѣковой теократіи съ римскимъ папой во главѣ. Въ соціализмѣ, какъ это нерѣдко случается, Стриндбергъ былъ женолюбцемъ, феминистомъ; отрекшись отъ соціализма, какъ тоже часто бываетъ, сдѣлался женоненавистникомъ. Наконецъ, переходныя ступени отъ второго превращенія къ третьему—оккультизмъ, алхимія, магія, теософія.

И каждый разъ, какъ въ новую вѣру крестится,—онъ ее не только исповѣдуетъ, но и проповѣдуетъ—пророчествуетъ. Въ этомъ вся его бѣда: назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ; назвался пророкомъ, жди провокаціи.

Это и сбылось надъ Стриндбергомъ.

И здѣсь, какъ вездѣ, провокація обоюдная: обличалъ — обличаютъ; требовалъ — требуютъ; провоцировалъ—провоцируютъ.

Учитель ушелъ впередъ, а ученики, отставая, дѣлались врагами. И враговъ у него теперь больше, чѣмъ волосъ на головѣ. Соціалисты, „мандарины“, женщины, оккультисты, алхимики, маги, теософы, можетъ быть, и католики, которые чуютъ въ немъ измѣну,—все это несется за нимъ по пятамъ, какъ свора гончихъ за раненымъ звѣремъ или толпа Евменидъ за убійцею.

Манія пророчества, манія величія переходитъ въ

манію преслѣдованія, опять-таки не въ переносномъ, а въ точномъ смыслѣ слова. Онъ уже сидѣлъ въ сумасшедшемъ домѣ. Читая Адъ, испытываешь страхъ, какъ бы онъ опять туда не вернулся.

Всюду чудятся ему „покушенія“: врачи хотятъ его упрятать въ желтый домъ, женщины—отравить, соціалисты—зарѣзать, анархисты—взорвать, оккультисты—заколдовать, алхимики и маги—убить электрическимъ токомъ, который по ночамъ, когда онъ спитъ, направляется въ самое сердце его черезъ потолокъ и стѣны изъ какой-то сложной машины, поставленной на чердакѣ или крышѣ сосѣдняго дома: онъ задыхается и вытаскиваетъ въ окно. Бѣгаетъ изъ дома въ домъ, изъ города въ городъ, изъ страны въ страну, но нѣтъ убѣжища, нѣтъ спасенія: вездѣ враги, соглядатаи, сыщики, провокаторы.

До какого безумія дошелъ онъ, можно судить по тому, что въ ласкѣ собственной матери онъ видитъ провокацію.

И не только люди, но и животныя, бездушныя вещи, преслѣдуютъ, подсиживаютъ, пророчествуютъ, провоцируютъ. Ночные шорохи, игра тѣней на вдавленной подушкѣ, игра свѣта на шероховатостяхъ цинковой ванны, стеариновыя сосульки оплывшей свѣчи, открывшаяся на вѣщей страницѣ книга, поднятый на улицѣ лоскутокъ газетной бумаги съ неоконченною фразою, скрещенные на лѣсной тропинкѣ, въ видѣ буквъ, сучки—все—чудо, все—знаменіе, все—„перстъ“, пророчество или провокація. Въ томъ-то и ужасъ его, что не умѣетъ онъ отличить пророчество отъ провокаціи, Бога отъ дьявола.—„Я искалъ Бога и нашелъ дьявола“.—Да, древній Отецъ лжи—исконный Провокаторъ. И отецъ

посылаетъ дѣтей своихъ, безчисленныхъ мелкихъ бѣсовъ. Дьявольское пророчество—провокація становится вѣчно вѣющей, пламенѣющей недотыкомкой безумія. Отнынѣ вся жизнь его—сплошной бредъ, сплошной адъ.

И вовсе не выходъ, какъ думаетъ Стриндбергъ, а глубочайшій послѣдній „кругъ“ ада—его послѣднее обращеніе въ католицизмъ.

Опять, увы, опять и тутъ пророчество, и тутъ провокація.—„Раздастся проповѣдь крестоваго похода противъ турокъ и евреевъ—и скоро на площадяхъ запылаютъ первые костры, на которыхъ будутъ сжигать вѣдьмъ“.—„Мнѣ стало ясно, что освобожденіе человѣчества—одна нелѣпость“. Какъ будто можно сжечь недотыкомку на кострѣ инквизиціи! Какъ будто всякая инквизиція, старая и новая, не та же провокація! Какъ будто римскій папа, назвавшій себя „непогрѣшимымъ учителемъ“,—не всемірно-историческое нарушеніе заповѣди: „не называйтесь учителями“!

Кажется, впрочемъ, самъ Стриндбергъ чувствуетъ, что его крещенье въ римскую вѣру такое же непрочное, какъ и всѣ остальныя. Десницею созидаетъ, шуйцею разрушаетъ. „Дорога креста ведетъ меня назадъ къ религіи моихъ предковъ“, т. е. къ римскому католичеству.—Это съ одной стороны, а съ другой: „примиреніе со старою религіею (т. е. съ римскимъ католицизмомъ) невозможно: насъ ожидаетъ не возвратъ къ отжившимъ идеаламъ, а движеніе къ новому“.

Кажется, самъ онъ чувствуетъ, что попалъ не туда—не на лоно матери, а подъ розги мачихи.—„Развѣ религія—наказаніе, а Христосъ—Мститель?“ спрашиваетъ онъ и знаетъ, что если получитъ отвѣтъ, то не словами, а розгами.—„Что же дѣлать? Смириться... Сми-

риться передъ Богомъ? Но развѣ не кощунство—превращать Всевышняго въ плантатора, владѣющаго неграми?"—„Всѣ древніе боги превращались въ демоновъ: Прометей-Люциферъ сталъ Сатаной. Неужели же и.....?" Тутъ русскія цензурныя точки. Но смыслъ понятенъ: „я искалъ Бога и нашелъ дьявола".

Нѣтъ, дѣйствительный исходъ изъ ада—не католицизмъ, не обращеніе въ какую бы то ни было старую или новую вѣру, а лишь обращеніе въ с е б я с а м о г о („metanoite, опомнитесь, обратитесь"), окончательное сознаніе того грѣха, за который онъ попалъ въ адъ.

„Моя жизнь—знаменье, примѣръ, служащій другимъ для исправленья; притча для доказательства ничтожества славы; притча для юношества о томъ, какъ не слѣдуетъ жить; притча—я, считавшій себя пророкомъ и оказавшійся нынѣ жалкимъ хвастуномъ".

Кто говоритъ такъ, тотъ не погибъ. Но и не спасся: чтобы спастись, надо не говорить, а дѣлать. И если бы Стриндбергъ началъ дѣлать, то прежде всего сжегъ бы книгу свою, ибо такихъ книгъ нельзя писать, нельзя читать. Это не книга, а та черепица, которою скребъ струпья свои прокаженный Іовъ. Какъ будто слышится и самый звукъ ужаснаго скребка. И книга выпадаетъ изъ рукъ...

Что ужъ тутъ говорить! Хочется сдѣлать, какъ друзья Іова: „сидѣли съ нимъ семь дней и семь ночей; и никто не говорилъ ему ни слова, ибо видѣли, что страданіе его весьма велико".

А когда молчать не хватитъ силъ, то скажемъ: бѣдный Стриндбергъ, бѣдные мы! Ибо не онъ одинъ, а мы всѣ въ аду, всѣ ждемъ второго Господня сошествія въ адъ. Маленькія дѣти, почти голыя, выброшенныя на улицу въ лютый морозъ, — сидимъ, замерзаемъ и плачемъ, и кричимъ—не докричимся матери.

И еще скажемъ ему, чтобъ не слишкомъ онъ боялся и стыдился своего безумья: оно вѣдь не только его, но и наше; надо всѣми нами свиститъ и воетъ ураганъ безумья—кто головой выше, надъ тѣмъ страшнѣе; былинки гнетъ, дубы выворачиваетъ съ корнемъ. Такіе разные, но одинаково современные люди, какъ Мопассанъ и Гаршинъ, Ницше и Глѣбъ Успенскій, одинаково сходятъ съ ума. И Достоевскій скользилъ по краю той же пропасти. Л. Толстой, это воплощенное душевное здоровье, нѣкогда пряталъ отъ себя ружье, чтобъ не застрѣлиться, веревку, чтобъ не повѣситься. И теперь, уже каменѣя въ своей старческой мудрости, не выдержалъ, вдругъ закричалъ: „Накиньте намыленную веревку на мою старую шею!" Отчего не умолкаетъ въ ушахъ этотъ крикъ, раздавшійся, точно крикъ послѣдняго ужаса, послѣдняго безумья не только надъ Россіей, но и надъ всѣмъ человѣчествомъ?

Кажется иногда, что въ настоящее время абсолютное душевное здоровье—абсолютная пошлость.

Это, конечно, не такъ. Если путь къ религіи—черезъ безуміе, то сама она—высшій разумъ; если путь къ религіи—черезъ болѣзнь, то сама она—высшее здоровье. Истинно религіозными людьми могутъ быть только безконечно разумные, безконечно здоровые. Чудо исцѣленія—первое чудо религіи.

Но, пока не совершится оно, не будемъ считать немощь нашу здоровьемъ, безуміе наше—пророчествомъ. Будемъ помнить, что, когда заговоритъ проро-

чество, пророки замолчатъ. И не на кострахъ инквизиціи, не на ночныхъ огняхъ безумья, а только въ утреннемъ солнцѣ свободы и разума недотыкомка ложнаго пророчества—провокаціи до тла сгоритъ.

ДУША САХАРА

Это одно изъ дѣйствующихъ лицъ метерлинковой Синей Птицы — высокая, бѣлая фигура, вышедшая изъ сахарной головы, одѣтая въ балахонъ цвѣта темно-синей сахарной бумаги, съ леденцами вмѣсто пальцевъ, которые она отламываетъ и предлагаетъ дѣтямъ пососать. Какъ будто второстепенное, а на самомъ дѣлѣ, главное лицо—душа пьесы, душа самого Метерлинка. Когда-то была у него душа трагедіи—горькой полыни, а теперь—душа сахара.

Волшебное искусство Художественнаго театра вдохнуло и въ зрителей душу сахара, ибо нужно по-истинѣ волшебство, чтобы взрослыхъ людей кормить отъ 8 часовъ вечера до 12½ ночи этою тающею, капающею, липнущею сладостью.

Критики бранятся, капризничаютъ, гримасничаютъ; но не вѣрьте имъ: толпа наслаждается, сосетъ, не насосется, и облизывается, и прочмокиваетъ, и слюнки распустила, какъ маленькія дѣти.—„Если не обратитесь и не станете, какъ дѣти“... Ну, вотъ и обратились, впали въ дѣтство.

Европа становится Китаемъ. А за Европой и мы. Всѣ тамъ будемъ. Благополучные мандарины, дряхлые младенцы, сидимъ на корточкахъ, киваемъ головами и присюсюкиваемъ надъ сладчайшими глупостями, утон-

ченнѣйшими вздорами, благоуханнымъ цвѣтомъ чая въ прозрачныхъ фарфоровыхъ чашечкахъ. Кончена трагедія, наступила идиллія, царство небесное, идѣже нѣсть ни болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная—или смерть безконечная.

Это, впрочемъ, уже разъ было въ Европѣ—было и сплыло; но вотъ опять наплываетъ.

1909 1809. Среди безчисленныхъ юбилеевъ,—мавзолеевъ того кладбища, по которому нынѣ всѣ мы бродимъ, какъ тѣни, слѣдовало бы справить и юбилей Бѣдной Лизы, юбилей чувствительности; слѣдовало бы возобновить модныя сто лѣтъ назадъ посѣщенія „Лизина пруда, сего мѣста, очарованнаго Карамзиновымъ перомъ", какъ тогда писали.

Издыхая, услаждуся,
Вспомня взоръ, Темира, твой.
Съ свѣтомъ, съ жизнью разлучуся,
Лишь не съ милой мнѣ мечтой.

„Онъ былъ сантименталенъ, онъ былъ золъ и сантименталенъ", говоритъ Достоевскій о старикѣ Карамазовѣ. Чѣмъ злѣе, тѣмъ сантиментальнѣе. Карамазовская злая сантиментальность—душа сахара—душа нашего времени.

Одинъ изъ вчерашнихъ зрителей, бывшій революціонеръ, получилъ письмо, съ описаніемъ ужасовъ, которые сейчасъ творятся въ русскихъ тюрьмахъ надъ приговоренными къ смертной казни. Называютъ ихъ с м е р т н и к а м и — новое слово, вошедшее въ русскій языкъ и сразу сдѣлавшееся обиходнымъ: употребляется уже безъ ковычекъ;—смертниковъ, связанныхъ по рукамъ и ногамъ, кладутъ въ рядъ на тюремномъ дворѣ

и тутъ же, одного за другимъ, вѣшаютъ; живые видятъ судороги, слышатъ стоны умирающихъ и ждутъ очереди.

Утромъ получилъ мой знакомый это письмо, а вечеромъ наслаждается Синею Птицею.

— Ну, что, какъ?—спросилъ я его.

— Хорошо! Ахъ, какъ хорошо!

— Что же именно—постановка или сама пьеса?

— Все вмѣстѣ... Я давно не наслаждался такъ, не отдыхалъ душою.

Я хотѣлъ, было, напомнить о смертникахъ, и не хватило духу; но, кажется, онъ самъ угадалъ и заторопился, немного конфузясь.

— Да, да, вотъ именно то, что для души нужно... Знаете, точно прямо съ дороги, потнаго, грязнаго, жаркаго, усталаго, такъ что всѣ косточки ноютъ, вдругъ взяли да посадили въ теплую, свѣжую, душистую ванну. Развѣ не такъ? А? Ну чего вамъ еще?..

Я промолчалъ, но хотѣлось прибавить: теплая ванна, въ которой льется кровь изъ раскрытыхъ жилъ, какъ у римскихъ самоубійцъ. Мы вѣдь всѣ немножко самоубійцы или убійцы, палачи или смертники: одни вчера, другіе завтра; одни сразу, другіе потихоньку.

И въ этой теплой ваннѣ—всѣ вмѣстѣ—революціонеры и черносотенцы, максималисты и октябристы, соціалъ-демократы и кадеты, семиты и антисемиты, вѣрующіе и безбожники—всѣ вмѣстѣ въ этой бездонной сладости, бездонной мягкости, какъ маленькія дѣти въ одной колыбелькѣ. Или, какъ мухи на одной липкой и сладкой, ядовитой бумажкѣ, которая называется мушиная смерть.

Не дохлыя мухи, а здоровые люди, все равно, греки, римляне, варвары или даже русскіе мужики, не вынесли

бы, стошнило бы ихъ. А вотъ намъ ничего—посасываемъ да похваливаемъ.

Герой Ибсеновскихъ призраковъ, Освальдъ Альвингъ признается, что любитъ больше всего на свѣтѣ прикосновеніе къ мягкимъ тканямъ, особенно къ бархату: подойдетъ къ занавѣси, остановится, и долго-долго, цѣлыми часами, зажмуривъ глаза, съ улыбкой, трогаетъ, щупаетъ, гладитъ, мягкія складки. Кто-то замѣчаетъ, что это симптомъ размягченія мозга.

Что, если наслажденіе наше Синею Птицею тоже зловѣщій симптомъ—щупаніе бархата? Что, если Метерлинкъ, современнѣйшій изъ современныхъ геніевъ—Гете, у котораго начинается размягченіе мозга?

Отъ гоголевскихъ „свиныхъ рылъ“ сквозь чеховскую „тарарабумбію“ и андреевскую Тьму къ метерлинковой Синей Птицѣ—вотъ страшный путь.

Но намъ не страшно: вѣдь въ Странѣ Воспоминаній нѣтъ угрызеній; и въ Царствѣ Ночи вѣютъ забвенные, безкровные, спокойные Ужасы. Какъ скоро забылись, успокоились, обезкровились!

Обезкровленіе, обезболеніе—а н э с т е з і я. Больная совѣсть—больной зубъ, съ которымъ уже ничего не остается дѣлать, какъ вырвать. Но сперва надо усыпить боль кокаиномъ или хлороформомъ. И тогда можно вырвать совѣсть, вырвать сердце,—а мы и не услышимъ. Сладость Метерлинка—сладость хлороформа.

Сладко—гадко. Упоительно—отвратительно.

Сладость гнили, сладость смерти, той в т о р о й с м е р т и, отъ которой нѣтъ воскресенія.

Какъ въ Бобкѣ Достоевскаго, — засыпая смертнымъ сномъ, шепчемъ: „Синяя Птица, Синяя Птица!—Бобокъ! Бобокъ!“

Сахаръ входитъ въ составъ нѣкоторыхъ взрывчатыхъ веществъ. Можетъ быть, душа сахара сдѣлается душою огня? Можетъ быть, Синяя Птица—синее сердце того пламени, который насъ всѣхъ истребитъ?

Лучше умереть, чѣмъ жить не съ душой человѣческой, а съ этою сладкою слякотью—душою сахара.

СВИНЬЯ МАТУШКА

I

Одинъ современный русскій писатель сравниваетъ два памятника—Петра I и Александра III *).

„Къ статуѣ Фальконета, этому величію, этой красотѣ поскакавшей впередъ Россіи... какъ идетъ придвинуть эту статую, Россіи черезъ 200 лѣтъ послѣ Петра, растерявшей столько надеждъ!.. Какъ все изящно началось и неуклюже кончилось!..

— „Это тогда!—могъ бы сказать обыватель, взглянувъ на монументъ на Сенатской площади.

— „Это теперь!—подумалъ бы онъ, взглянувъ на новый памятникъ.

„Водружена матушка Русь съ царемъ ея.—Ну, какой конь Россія,—свинья, а не конь... Не затанцуетъ. Да, такая не затанцуетъ, и, какъ мундштукъ ни давитъ въ нёбо, матушка Русь рѣшительно не умѣетъ танцовать ни по чьей указкѣ и ни подъ какую музыку... Тутъ и Петру Великому „скончаніе“, и памятникъ Фальконета—только обманувшая надежда и феэрія.

---

*) См. статью Варварина въ Русск. Словѣ. Я не хочу раскрывать псевдонима, но ex ungue leonem—одинъ только человѣкъ въ Россіи пишетъ такимъ языкомъ.

„Задъ, главное, какой задъ у коня! Вы замѣчали художественный вкусъ у русскихъ, у самыхъ, что ни на есть аристократическихъ русскихъ людей придѣлывать для чего-то кучерамъ чудовищные зады, кладя подъ кафтанъ цѣлую подушку?—Что за идеи, объясните! Но, должно быть, какая-то историческая тенденція, „міровой“ вкусъ, что ли?...“

Міровой вкусъ къ „заду“—это и есть „родное, мое, наше, всероссійское.—„Крупомъ, задомъ живетъ человѣкъ, а не головой... Вообще говоря, мы разуму не довѣряемъ“...

„Ну и что же, всѣ мы тутъ, всѣ не ангелы. И до чего намъ родная, милая вся эта Русь!.. Монументъ Трубецкого, единственный въ мірѣ, есть именно нашъ русскій монументъ.—Намъ другой Руси не надо, ни другой исторіи“.

Самообличеніе—самооплеваніе русскимъ людямъ вообще свойственно. Но и среди нихъ это небывалое; до этого еще никто никогда не доходилъ. Тутъ переступлена какая-то черта, достигнутъ какой-то предѣлъ.

Россія—„матушка“, и Россія—„свинья“. Свинья—матушка. Пѣснь торжествующей любви—пѣснь торжествующей свиньи.

Полно, ужь не насмѣшка ли? Да нѣтъ, онъ, въ самомъ дѣлѣ, плачетъ и смѣется вмѣстѣ: „смѣюсь какимъ-то живымъ смѣхомъ „отъ пупика“,—и весь дрожитъ, такъ что видишь, кажется, трясущійся кадыкъ Федора Павловича Карамазова.

— Ахъ, вы, дѣточки, поросяточки! Всѣ вы,—дѣточки одной Свиньи Матушки. Намъ другой Руси не надо. Да здравствуетъ Свинья Матушка!

Какъ мы дошли до этого?

II.

Дневникъ А. В. Никитенко (1804—1877)—едва ли не лучшій отвѣтъ на вопросъ; какъ мы до этого дошли?

Это—исповѣдь, обнимающая три царствованія, три поколѣнія—отъ нашихъ прадѣдовъ до нашихъ отцовъ. Годъ за годомъ, день за днемъ, ступень за ступенью—та страшная лѣстница, по которой мы спускались и, наконецъ, спустились до Свиньи Матушки.

Рабья книга о рабьей жизни. Писавшій—рабъ вдвойнѣ, по рожденію и по призванію: крѣпостной и цензоръ; откупившійся на волю крѣпостной и либеральный цензоръ. Русская воля, русскій либерализмъ.

Рабы, влачащіе оковы,
Высокихъ пѣсней не поютъ.

Вся жизнь его—пѣснь раба о свободѣ. „Боже, спаси насъ отъ революціи!“—вотъ вѣчный припѣвъ этой пѣсни.—„Безумные слѣпцы! Развѣ они не знаютъ, какая революція возможна въ Россіи?—Надо не имѣть ни малѣйшаго понятія о Россіи, чтобы добиваться радикальныхъ переворотовъ.—Я вышелъ изъ народа. Я плебей съ головы до ногъ, но не допускаю мысли, что хорошо дать народу власть.—Либерализмъ надо просѣвать сквозь сито консерватизма.—Одинъ прогрессъ *сломя голову*, другой *постепенно*; я поборникъ послѣдняго.—Мудрость есть терпѣніе.—Вотъ я любуюсь стебелькомъ растенія въ горшкѣ, стоящемъ на моемъ окнѣ, которое, несмотря на недостатокъ земли и на холодъ, проникающій сквозь стекло, все-таки живетъ и зеленѣетъ“.

Бѣдное растеніе, бѣдная рабья свобода!

Только изрѣдка, когда впивается желѣзо до костей, уже не поетъ онъ, а стонетъ. „Искалѣченный, измученный,—лучше сразу откажись отъ всякихъ правъ на жизнь и дѣятельность—во имя... Да во имя чего же, Господи?“

Въ 1841 году предложилъ онъ гр. Шереметеву выкупъ за мать и брата, еще крѣпостныхъ. „Вотъ я уже полноправный членъ общества, пользуясь нѣкоторой извѣстностью и вліяніемъ и не могу добиться—чего же? Независимости моей матери и брата. Полоумный вельможа имѣетъ право мнѣ отказать: это называется правомъ! Вся кровь кипитъ во мнѣ; я понимаю, какъ люди доходятъ до крайностей“.

Самъ онъ до нихъ не дошелъ. „Я всегда былъ врагомъ всякихъ крайностей“. Несмотря на всѣ испытанія, всѣ искушенія,—а ихъ, видитъ Богъ, было много,—остается онъ до конца дней своихъ либеральнымъ постепеновцемъ.

„Стоять посреди крайности, соблюдать законъ равновѣсія—ничего слишкомъ—вотъ мой девизъ.—Терпѣніе, терпѣніе и терпѣніе.—Мудрость есть терпѣніе.—Нѣтъ такого зла, котораго люди не могли бы снести: все дѣло только въ томъ, чтобы привыкнуть къ нему.—Да будетъ все такъ, какъ иначе быть не можетъ“.

Да будетъ все такъ, какъ есть.

Но, если далеко писавшему до революціи, то, по дѣйствію на душу читателя, это одна изъ революціоннѣйшихъ русскихъ книгъ.

Мы видимъ здѣсь во-очію, какъ европейское лицо либеральной постепеновщины превращается въ истинно-русскій реакціонный „задъ“; какъ утвержденіе либеральной середины переходитъ въ самую чудовищную крайность: да здравствуетъ Свинья Матушка!

III.

— „Не правда ли говорилъ, что въ Европѣ будетъ смятеніе?“ сказалъ Николай I въ 1848 году представлявшимся ему русскимъ католическимъ епископамъ.

— „Только что я услышалъ объ этихъ безпорядкахъ,—отвѣтилъ одинъ изъ нихъ,—какъ вспомнилъ высокія слова вашего величества и изумился ихъ пророческому значенію.

— „Но будетъ еще хуже,—продолжалъ государь.—Все это отъ безвѣрія и потому я желаю, чтобы вы, господа, какъ пастыри, старались всѣми силами объ утвержденіи въ сердцахъ вѣры. Что же меня касается,—прибавилъ онъ, сдѣлавъ широкое движеніе рукой,—то я не позволю безвѣрію распространяться въ Россіи, ибо оно и сюда проникаетъ“.

Еще откровеннѣе выразилъ эту главную мысль Николаевскаго царствованія министръ народнаго просвѣщенія Уваровъ:

— „Мы живемъ среди бурь и волненій политическихъ. Народы обновляются, идутъ впередъ. Но Россія еще юна... Надобно продлить ея юность... Если мнѣ удастся отодвинуть Россію на 50 лѣтъ, то я исполню свой долгъ“.

Никитенко знаетъ, откуда пошла эта „русская вѣра“: „о, рабыня Византія! Ты сообщила намъ религію“...

Борьба Россіи съ Европой, всемірно-историческаго „зада“ со всемірно-историческимъ лицомъ есть возрожденіе Византіи въ ея главной религіозной сущности.

„Теперь въ модѣ патріотизмъ,—продолжаетъ Никитенко,—отвергающій все европейское и увѣряющій, что Россія проживетъ однимъ православіемъ безъ науки и искусства... Они, точно, не знаютъ, какою вонью пропахла Византія, хотя въ ней наука и искусство были въ совершенномъ упадкѣ.... Видно по всему, что дѣло Петра Великаго имѣетъ и теперь враговъ не менѣе, чѣмъ во времена раскольничьихъ и стрѣлецкихъ бунтовъ. Только прежде они не смѣли выползать изъ своихъ темныхъ норъ... Теперь же всѣ гады выползли".

Кто главный врагъ дѣла Петрова, онъ тоже знаетъ.

Въ томъ самомъ 1848 году, когда объявлена священная война Европѣ, Никитенко записываетъ: „думаютъ навсегда уничтожить дѣло Петра.—Наука блѣднѣетъ и прячется. Невѣжество возводится въ систему. Еще немного—и все, въ теченіе ста пятидесяти лѣтъ содѣянное Петромъ и Екатериною, будетъ въ конецъ низвергнуто, затоптано. Чудная земля Россія! Полтораста лѣтъ прикидывались мы стремящимися къ образованію. Оказывается, что все это было притворство и фальшь: мы улепетывали назадъ быстрѣе, чѣмъ когда-либо шли впередъ. Дивная земля!"

Вотъ когда начался „міровой вкусъ къ заду", превращеніе Коня въ Свинью.

Почти ни одной черты не надо мѣнять, чтобы картина тогдашней реакціи сдѣлалась картиною нашихъ дней.

Неземная скука „вѣчныхъ возвратовъ", повторяющихся снова: „все это уже было когда-то",—вотъ что въ русскихъ реакціяхъ всего отвратительнѣе.

Никитенко—не Тацитъ; но иныя страницы его напоминаютъ римскаго лѣтописца, можетъ быть, оттого, что нѣтъ во всемірной исторіи двухъ самовластій болѣе

схожихъ, по впечатлѣнію сумасшествія, которое производитъ низость великаго народа. Ибо что такое самовластье, возведенное на степень религіи, какъ не самое сумасшедшее изъ всѣхъ сумасшествій?

IV.

Митрополитъ Филаретъ пожаловался Бенкендорфу на одинъ стихъ Пушкина въ Онѣгинѣ:

И стая галокъ на крестахъ.

Митрополитъ нашелъ въ этомъ оскорбленіе святыни. Цензоръ на запросъ отвѣтилъ, что „галки, сколько ему извѣстно, дѣйствительно садятся на кресты московскихъ церквей, но что, по его мнѣнію, виноватъ здѣсь болѣе всего московскій полицеймейстеръ". Бенкендорфъ написалъ митрополиту, что дѣло не стоитъ того, чтобы въ него вмѣшивалась такая почтенная духовная особа.

Если это легенда, то до чего нужно было дойти, чтобы повѣрить ей.

„Въ Средніе Вѣка жгли за идеи и мнѣнія, но, по крайней мѣрѣ, каждый зналъ, что можно и чего нельзя,—заключаетъ лѣтописецъ.—У насъ же безсмыслица, какой міръ не видалъ!"

Потерпѣвъ пораженіе въ войнѣ съ московскими галками, митрополитъ нашелъ поддержку въ министрѣ народнаго просвѣщенія, Уваровѣ, который приказалъ, чтобы профессора философіи во всѣхъ русскихъ университетахъ руководились въ своемъ преподаваніи статею, напечатанной въ Журналѣ М. Н. П., гдѣ доказывалось, что „всѣ философіи вздоръ, и что всему надо учиться въ Евангеліи".

*

Никитенко вспоминаетъ по этому поводу проектъ Магницкаго объ уничтоженіи въ Россіи преподаванія философіи, такъ какъ оно „невозможно безъ пагубы религіи и престола“.

Другой министръ народнаго просвѣщенія, кн. Ширинскій-Шахматовъ, утверждалъ, что „польза философіи не доказана, а вредъ отъ нея возможенъ“.

Понятно, что, съ этой точки зрѣнія, всѣ философскія системы въ Россіи не болѣе, какъ тѣ галки, которыя садятся на крстахъ и пакостятъ.

Да и гдѣ ужъ тутъ философія, когда одинъ цензоръ въ учебникѣ ариѳметики запрещаетъ рядъ точекъ, поставленный между цифрами, подозрѣвая въ нихъ вредный умыселъ; а другой—не пропускаетъ въ географической статьѣ мѣста, гдѣ говорится, что въ Сибири ѣздятъ на собакахъ, требуя, чтобы свѣдѣніе это получило подтвержденіе отъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Безконечная переписка ведется о томъ, какъ ставить числа мѣсяцевъ—новаго стиля надъ старымъ, или стараго надъ новымъ.

Одного ученаго на университетскомъ диспутѣ „О зародышѣ брюхоногихъ слизняковъ“, за употребленіе иностранныхъ словъ объявили „не любящимъ своего отечества и презирающимъ свой языкъ“.

Цензоръ Пушкинскаго Современника до того напуганъ гауптвахтою, что „сомнѣвается, можно ли пропускать извѣстія вродѣ того, что такой-то король скончался“.

Въ сочиненіи по археологіи нельзя говорить о римскихъ императорахъ, что они убиты,—велѣно писать: „погибли“; а греческое слово д ѣ м о с ъ—народъ—замѣнять русскимъ словомъ г р а ж д а н е.

И опять вспоминается Магницкій, который доказывалъ нѣкогда, что книга профессора Куницына, Естественное Право, напечатанная въ Петербургѣ, произвела революцію въ Неаполѣ.

О книгѣ Продѣлки на Кавказѣ военный министръ замѣтилъ Дубельту: „книга эта уже тѣмъ вредна, что въ ней что ни строчка, то правда“.

Тотъ же Дубельтъ вызвалъ Булгарина за неодобрительный отзывъ о петербургской погодѣ:

— „О чемъ ты тамъ нахрюкалъ? Климатъ царской резиденціи бранить? Смотри!“

Когда за Философскія Письма Чаадаева запрещенъ былъ Телескопъ, издателей петербургскихъ журналовъ вызвали въ цензурный комитетъ: „всѣ они вошли, согнувшись, со страхомъ на лицахъ, какъ школьники“.

Цензоровъ тошнитъ отъ цензуры: „цензура теперь хуже квартальныхъ надзирателей.—Изъ цензуры сдѣлали съѣзжую и обращаются съ мыслями, какъ съ ворами и пьяницами.—Тьфу! Что же мы, наконецъ, будемъ дѣлать въ Россіи? Пить и буянить?“

На похоронахъ Пушкина обманули народъ: сказали, что отпѣвать будутъ въ Исаакіевскомъ соборѣ, и ночью, тайкомъ, перенесли тѣло въ Конюшеную церковь. Бенкендорфъ убѣдилъ государя, что готовится манифестація; по улицамъ стояли военные пикеты, и въ толпѣ шныряло множество сыщиковъ. Точно такъ же тайкомъ увезли тѣло въ деревню.

Жена Никитенко на одной станціи, неподалеку отъ Петербурга, увидѣла простую телѣгу, на телѣгѣ солому, подъ соломой гробъ, обернутый рогожей. Три жандарма на почтовомъ дворѣ хлопотали о томъ, чтобы скорѣе

перепрячь курьерскихъ лошадей и скакать дальше съ гробомъ.

— Что это такое?—спросила она у одного изъ находившихся здѣсь крестьянъ.

— А Богъ его знаетъ что! Вишь, какой-то Пушкинъ убитъ, и его мчатъ на почтовыхъ въ рогожѣ и соломѣ, прости Господи—какъ собаку...

„Чтобы все найденное мною неприличнымъ, было исключено“, постановилъ Николай I о посмертномъ изданіи Пушкина.

Такъ похоронили того, кто сравнивалъ Николая I съ Петромъ Великимъ и завѣщалъ, умирая: „скажите государю, что мнѣ жаль умереть,—былъ бы весь его“.

Когда умеръ Гоголь, Погодина отдали подъ надзоръ полиціи за то, что онъ выпустилъ журналъ свой съ черною каймою а предсѣдатель цензурнаго комитета объявилъ, что не будетъ пропускать похвальныхъ статей Гоголю—„лакейскому писателю“.

„Уваровъ хочетъ, чтобы русская литература прекратилась: тогда, говоритъ, я буду спать спокойно“.

„Да и къ чему въ Россіи литература?.. Родная поэзія кнута и штыка...“

Наконецъ, самого Никитенко посадили на гауптвахту за то, что онъ пропустилъ въ Сынѣ Отечества нѣсколько шутливыхъ словъ о фельдъегерѣ, побрякивающемъ шпорами и крутящимъ усы, намазанные фиксатуаромъ“.

Клейнмихель принялъ шутку на свой счетъ. Что такое въ самомъ дѣлѣ Клейнмихель, какъ не исполинскій фельдъегеръ? „Клейнмихель охмѣлѣлъ отъ царскихъ милостей“, замѣчаетъ Никитенко и далѣе разсказываетъ о бѣшеномъ волкѣ, который, появившись однажды на петербургскихъ улицахъ, перекусалъ множество людей.

„Сила его,—продолжаетъ онъ о Клейнмихелѣ,—будетъ расти при дворѣ, по мѣрѣ усиленія къ нему ненависти и презрѣнія въ обществѣ“.

Большой Клейнмихель повторяется въ безчисленныхъ маленькихъ, какъ солнце въ капляхъ росы.

„Недавно два офицера, такъ, ради смѣха, встрѣтивъ на улицѣ одного чиновника, совершили надъ нимъ грубое неприличіе. Тотъ спросилъ у нихъ: что они—сумасшедшіе или пьяные? Они привели его на съѣзжую, и оскорбленный долженъ былъ заплатить полицейскому пятнадцать рублей, чтобы тотъ отпустилъ его“.

Гвардейскіе офицеры собрались пить. Двое поссорились, остальные рѣшили, что чѣмъ выходить на дуэль, лучше раздѣлаться кулаками. Дѣйствительно, надавали другъ другу пощечинъ и помирились.

Офицеръ въ маскарадѣ Дворянскаго собранія, въ пьяномъ видѣ, разрубилъ саблею черепъ молодому человѣку, ничѣмъ его не оскорбившему.

Вотъ первые цвѣточки того хулиганства, чьи ягодки созрѣли въ наши дни.

Въ корпусѣ мальчики освистали учителя-офицера. Сначала ихъ сѣкли такъ, что докторъ, при этомъ присутствовавшій, пересталъ отвѣчать за жизнь нѣкоторыхъ; потомъ лишили дворянства, разжаловали въ солдаты и по этапу отправили на Кавказъ.—„Русское дворянство растить своихъ сыновей для розогъ, а дочерей для придворнаго разврата!—Ужасъ, ужасъ и ужасъ!“

Но если иногда и загорается ужасъ, то гаснетъ тотчасъ же въ той сѣренькой слякоти, которая опредѣляется двумя словами: карты и скука. Во всѣхъ салонахъ царствуютъ карты и скука“.

Это слишкомъ знакомое намъ состояніе тихаго тер-

рора, благополучнаго ужаса—не только въ обществѣ, но и въ народѣ.

„Гулялъ подъ качелями. Густыя массы народа двигались почти безшумно, съ тупымъ равнодушіемъ поглядывая на паяцовъ и вяло улыбаясь на ихъ грубыя выходки".

Однажды на масляницѣ 1836 года загорѣлся балаганъ Лемана. Когда начался пожаръ, и раздались первые вопли, народъ, толпившійся на площади, бросился къ балагану, чтобы разбирать его и освобождать людей. Явилась полиція, разогнала народъ и запретила что бы то ни было предпринимать до прибытія пожарныхъ. Народъ отхлынулъ и сдѣлался спокойнымъ зрителемъ страшнаго зрѣлища. Пожарная команда поспѣла какъ разъ во-время, чтобы вытаскивать крючками изъ огня обгорѣлые трупы. Зато Сѣверная Пчела объявила, что люди горѣли въ удивительномъ порядкѣ.—„Государь сердился но это никого не вернуло къ жизни".

Все наростаетъ и наростаетъ этотъ тихій ужасъ, предчувствіе неминуемой гибели.

„Въ обществѣ нѣтъ точки опоры; всѣ бродятъ, какъ шалые и пьяные. Одни воры и мошенники бодры и трезвы.—Общество быстро погружается въ варварство. Спасай кто можетъ свою душу!—Страшный гнетъ, безмолвное раболѣпство.—Не фальшь ли все, что говорятъ о народномъ патріотизмѣ? Не ложь ли это, столь привычная нашему холопскому духу? Насъ бичуютъ, какъ во времена Бирона; насъ трактуютъ, какъ безсмысленныхъ скотовъ. Или нашъ народъ, въ самомъ дѣлѣ, никогда ничего не дѣлалъ, а за него всегда дѣлала власть?.. Неужели онъ всѣмъ обязанъ только тому, что

всегда повиновался—этой гнусной способности рабовъ? Ужасъ, ужасъ, ужасъ!—Да сохранитъ Господь Россію!"

И всего ужаснѣе то, что гибель Россіи кажется спасеньемъ Европы.

„Ненависть къ русскимъ въ Европѣ повсемѣстная и вопіющая.—Насъ считаютъ гуннами, грозящими Европѣ новымъ варварствомъ. До сихъ поръ мы изображали въ Европѣ только огромный кулакъ.—Грубая физическая сила угрожаетъ штыками и пушками человѣческому разуму. Кто преодолѣетъ?"

„Спасая душу свою", московскій профессоръ Печеринъ бѣжалъ изъ Россіи. Это имъ въ тѣ дни написаны страшныя слова:

Какъ сладостному отчизну ненавидитъ
И жадно ждать ея уничтоженья,
И въ разрушеніи отчизны видѣть
Всемірнаго денницу возрожденья!

„Да сохранитъ Господь Россію!"—послѣдній вопль изъ горящаго балагана.

И балаганъ рухнулъ: „Севастополь взятъ!"—записываетъ Никитенко съ торжествомъ тайнаго, рабьяго, жалкаго, но все же святого мщенія.—Мы не два года ведемъ войну,—мы вели ее тридцать лѣтъ, содержа милліонъ войскъ и безпрестанно грозя Европѣ. Къ чему все это?.. А мы думали столкнуть съ земного шара гніющій Западъ".

Николай I скончался. „Длинная и, надо-таки сознаться, безотрадная страница русскаго царства дописана до конца,—произноситъ рабъ надъ владыкою безпощадный приговоръ человѣческой совѣсти.—Главный недостатокъ царствованія Николая Павловича тотъ, что все оно было—ошибка.—Теперь только открывается,

какіе ужасы были для Россіи эти двадцать девять лѣтъ. Администрація въ хаосѣ; нравственное чувство подавлено; умственное развитіе остановлено; злоупотребленіе и воровство выросли до чудовищныхъ размѣровъ. Все это плоды презрѣнія къ истинѣ и слѣпой варварской вѣры въ одну матеріальную силу. Возставая цѣлыя двадцать девять лѣтъ противъ мысли, онъ не погасилъ ея... и заплатилъ своею жизнью, когда послѣдствія открылись ему во всемъ своемъ ужасѣ".

„Николая I, говоритъ Никитенко, убила эта несчастная война".

Нѣтъ, не только эта, но и вѣчная война Россіи съ Европою—космическаго зада съ человѣческимъ лицомъ. И не только надъ прошлымъ произнесенъ безпощадный приговоръ,—но и надъ будущимъ.

V.

„Великій день: манифестъ о свободѣ крестьянъ", записываетъ Никитенко 5 марта 1861 года. Онъ прочелъ этотъ манифестъ, „важнѣе котораго врядъ ли что есть въ тысячелѣтней исторіи русскаго народа", вслухъ женѣ и дѣтямъ передъ портретомъ Александра II, „какъ передъ образомъ", и велѣлъ своему десятилѣтнему сыну „затвердить навѣки въ своемъ сердцѣ 5 марта и имя Александра II Освободителя".

Не сидѣлось дома на радостяхъ. Вышелъ бродить по улицамъ. Вездѣ читали манифестъ и наклеенныя на перекресткахъ объявленія отъ генералъ-губернатора. Одинъ, дочитавъ до мѣста, гдѣ говорится, что два года дворовые должны оставаться въ повиновеніи у господъ, воскликнулъ: „Чортъ дери эту бумагу!" Другіе молчали.

Но Никитенко не обратилъ на это вниманія и, встрѣтивъ А. Д. Галахова, бросился ему на шею: „Христосъ воскресе!"—„Воистину воскресе!"— и обнялись, чуть не заплакавъ отъ радости.

Никитенкѣ казалось, что онъ можетъ воскликнуть: нынѣ отпущаеши раба твоего, — что освобожденіе крестьянъ—освобожденіе Россіи. И не ему одному, а почти всѣмъ его современникамъ. Почти всѣ тогда повѣрили, что освобожденіе безвозвратное. Но что возвратъ всегда возможенъ,—да еще какой,—показалъ страшный опытъ.

Начался тотъ медовый мѣсяцъ либеральной постепеновщины, за который мы такъ жестоко расплачиваемся. Медъ отцовъ отрыгнулся въ дѣтяхъ полынью.

А между тѣмъ и тогда, кто хотѣлъ, видѣлъ правду. Точнѣе нельзя ее высказать, чѣмъ это сдѣлалъ Никитенко нѣсколько лѣтъ назадъ.

„Въ обществѣ начинаетъ прорываться стремленіе къ лучшему порядку вещей. Но этимъ еще не слѣдуетъ обольщаться. Все, что до сихъ поръ являлось у насъ хорошаго или дурного, все являлось не по свободному самобытному движенію общественнаго духа, а по волѣ высшей власти, которая одна вела, куда хотѣла" (1855).

И еще раньше, во времена Николаевскія: „или нашъ народъ, въ самомъ дѣлѣ, никогда ничего не дѣлалъ, а за него всегда дѣлала власть?... Неужели онъ всѣмъ обязанъ только тому, что всегда повиновался—этой гнусной способности рабовъ?"

Обязанъ всѣмъ—даже свободой. И воля рабовъ—рабья воля—немногимъ лучше вольнаго рабства.

Нѣтъ, несвободенъ освобождаемый и не освободившій себя народъ. Свобода—не милость, а право. Не

роса нисходящая, а пламя возносящееся. Лишь Божьей милостью свободенъ свободный народъ.

Если бы Никитенко остался вѣренъ этой правдѣ, то не запутался бы въ той лжи, въ которой погибъ.

„Какіе невѣроятные успѣхи сдѣлала Россія въ нынѣшнее царствованіе! Если бы въ Николаевскія времена кто-нибудь вздумалъ напечатать о подобныхъ вещахъ, тотъ былъ бы сочтенъ за сумасшедшаго или за государственнаго преступника. А тутъ вотъ публичное судопроизводство, гласные, присяжные, адвокатура... и все это—созданіе того государя, котораго упрекаютъ въ слабости.—Когда правительство ступило на другой путь, тогда безчестно не содѣйствовать его благимъ начинаніямъ.—Нѣтъ, господа красные, вы не поняли этого человѣка!

„Во всей нашей администраціи есть одинъ только человѣкъ, честности и патріотизму котораго можно довѣрять,—это Александръ II.—Если между нашими правительственными лицами есть кто-нибудь, желающій блага Россіи, то это государь".

Все бывшее зло — отъ личной воли Николая I; все настоящее благо—отъ личной воли Александра II. Но вѣдь это и значитъ: народъ самъ никогда ничего не дѣлалъ, а за него дѣлала власть; онъ всѣмъ обязанъ повиновенію—„этой гнусной способности рабовъ". Корень рабства остается нетронутымъ; заколдованный кругъ неразорваннымъ. И освобожденіе не освобождаетъ. Было и есть. Есть и будетъ.

Мудрено ли, что бывшее медомъ въ устахъ отцовъ, будетъ полынью во чревѣ дѣтей?

Либеральному постепеновцу суждено отнынѣ вѣчно искать середины, вѣчно колебаться какъ маятнику между двумя крайностями,—„я всегда былъ врагомъ всякихъ крайностей";—между двумя террорами, бѣлымъ и краснымъ;— между двумя молитвами: Боже, спаси насъ отъ реакціи,—и Боже, спаси насъ отъ революціи.

И постепенно, и нечувствительно совершитъ онъ полный оборотъ слѣва направо, отъ европейскаго лица революціи къ истинно-русскому заду реакціи.

VI.

„Появились нигилисты въ круглыхъ шапочкахъ и съ остриженными волосами, — записываетъ онъ 21 апрѣля 1864 года.—Наши нигилисты требуютъ жизни безъ всякихъ нравственныхъ опоръ и вѣрованій.—Хотятъ разрушить все и начать съ дубины дикаря.—Смотрятъ на человѣчество, какъ на стадо животныхъ".

Изъ бесѣды съ одной нигилисткой: „эта милашка до того завралась, что воскликнула: „анархія, самое лучшее состояніе общества!"

О философіи Лаврова: „Боже мой, и это философія!.. Я не говорю уже о томъ, что тутъ все одинъ матеріализмъ... Но что за хаосъ мыслей!.. Развѣ только на Сандвичевыхъ островахъ можно признать за философію весь этотъ бредъ".

О Писаревѣ: „модный пророкъ Писаревъ угрожаетъ намъ въ будущемъ кровавымъ потопомъ".

„Прокламаціи. Бредятъ конституціей, соціализмомъ... Требуютъ, чтобы Россія лила кровь, какъ воду... И чего хотите вы, господа красные?.. Кто далъ вамъ право человѣческую кровь считать за воду?.. Вы хотите кровавыми буквами написать на вашихъ знаменахъ: с в о б о д а и а н а р х і я".

„Настоящей разумной революціи намъ не изъ чего дѣлать, хотя все къ ней клонится. Но мы способны дойти до полной анархіи. — Деспотизмъ анархическій несравненно хуже монархическаго. — Мы стоимъ въ преддверіи анархіи, да она уже и началась.— Мы всѣ спускаемся по скату и съ неудержимой быстротой мчимся въ пропасть, которой предѣловъ и дна не видно“.

„До чего изгажено, перепорчено, изуродовано молодое поколѣніе!.. Это — осадки, подонки вѣка... Растлѣнные умы... Краснокожіе либералы... Нелѣпыя стремленія... Безобразный порывъ... Бѣдная Россія, какъ жестоко тебя оскорбляютъ!.. Боже, спаси насъ отъ революціи!“

Что это? Полъ-вѣка или полъ-года назадъ? Никитенко или Булгаковъ, Бердяевъ, Струве? Дневникъ шестидесятыхъ годовъ или Вѣхи? Тѣ же мысли, чувства, тѣ же слова, тѣ же звуки голоса. „Все это ужь было когда-то“. Было и есть, есть и будетъ. Отвратительная скука русскихъ реакцій, неземная скука вѣчныхъ возвратовъ, повторяющихся сновъ.

Все такъ же нечувствительно, постепенно—постепеновецъ доходитъ до воззванія къ ежевымъ рукавицамъ.

„Если бы правительство показало, что съ нимъ шутить нельзя, то мода эта (на нигилизмъ) быстро прошла бы.—Единственной уздой русскаго человѣка до сихъ поръ былъ страхъ; теперь страхъ этотъ снятъ съ его души“. Страху не стало — оттого и гибнетъ Россія.

Но если такъ, то Николаевское царствованіе не было „ошибкой“; ужь если кто сдѣлалъ ошибку, то самъ Никитенко, осудившій царство страха. Правъ былъ

Николай, правъ былъ Уваровъ, желавшій „подтянуть“. Россію, „отодвинуть на пятьдесятъ лѣтъ“.

Оказывается, что въ Россіи, хотя „народъ никогда ничего не дѣлалъ, а все за него дѣлала власть“,—все же не избытокъ, а недостатокъ власти. „Чего смотрятъ высшія власти?.. Едва ли въ какомъ-нибудь благоустроенномъ государствѣ инерція правительства доходила до такой степени, какъ у насъ“.

Эта желанная власть явилась, наконецъ, въ лицѣ Муравьева. „Мѣры Муравьева начинаютъ приносить плоды: возстаніе (Польши) почти прекращено. Пора, пора дѣйствовать въ духѣ одной системы, не сворачивая въ сторону ни на одну линію“.

Когда генералъ-губернаторъ Суворовъ отказался участвовать въ поднесеніи образа Муравьеву, говоря, что не можетъ оказать этой чести такому „людоѣду“, — Тютчевъ, благороднѣйшій изъ русскихъ поэтовъ, назвалъ это пошлостью въ пошлѣйшихъ стихахъ:

Простите насъ, нашъ симпатичный князь,
Что русскаго чествмъ мы людоѣда,
Мы, русскіе, Европы не спросясь.

„Если ужь пошло на то, такъ Россія нужнѣе для человѣчества, чѣмъ Польша, рѣшаетъ Никитенко.—У Россіи есть будущность.—Насъ упрекаютъ могуществомъ нашимъ, какъ преступленіемъ. Но развѣ мы украли наше могущество? Мы добыли его терпѣніемъ и кровью“.

„Смотрите, не лизните крови!“ предостерегаетъ онъ русскихъ нигилистовъ и тутъ же съ „людоѣдами“ лижетъ кровь.

„Не фальшь ли все, что говорятъ о народномъ патріотизмѣ? Не ложь ли это, столь привычная нашему

холопскому духу?“—не вспомнились ему тогда эти его собственныя слова.

Маятникъ вправо—маятникъ влѣво; но дѣло не въ немъ, а въ стрѣлкѣ часовъ, которая движется отъ одного полдня къ другому—отъ одного тихаго ужаса къ другому.

VII.

Уже въ 1858 году поворотъ назадъ становится очевиднымъ. Запрещено употреблять въ печати слово „прогрессъ“. На докладѣ Ковалевскаго, въ которомъ говорилось о прогрессѣ гражданственности, Александръ II собственноручно написалъ: „Что за прогрессъ? Прошу слова этого не употреблять“.

Въ слѣдующемъ 1859 году: „мы, кажется, не шутя вызываемъ тѣнь Николая Павловича. Но теперь это можетъ быть и опасно. Правительство нехорошо дѣлаетъ, что, принимая начало, не допускаетъ послѣдствій“.

Но начало безъ послѣдствій—въ этомъ вся сущность рабьей свободы: по устамъ текло—въ ротъ не попало.

Въ 1861 году, нѣсколько дней спустя, послѣ Манифеста: „право, никогда еще, даже при Николаѣ Павловичѣ, университеты наши не были въ такомъ положеніи, какъ теперь.—„Современнику“—предостереженіе.—Министръ усиливается запретить Некрасова.

„Коварнѣйшая погода: солнце свѣтитъ ярко, какъ лѣтомъ, а между тѣмъ страшный холодъ.—Прелестные майскіе дни, нечего сказать! Сегодня ночью выпалъ снѣгъ. Надѣвай опять шубу.—На душѣ уныло, мрачно, безнадежно.—Тощая зелень изъ полумертвой земли“.

Бѣдный подснѣжникъ рабьей свободы, побитый морознымъ утренникомъ. Мнимая весна—петербургская оттепель.

„Государь намѣренъ закрыть нѣкоторые университеты.

— „Долѣе терпѣть такіе безпорядки нельзя,—говоритъ онъ,—я рѣшился на строгія мѣры“.

„Въ Казанской губерніи бунтъ крестьянъ.—Употреблена военная сила. Шестьдесятъ человѣкъ убито“.

Въ 1864 году о статьяхъ Каткова: „неужели же одною матеріальною силою мы будемъ притягивать нѣмцевъ, поляковъ, финновъ? Правительству нужны бываютъ цѣпныя собаки; оно и спускаетъ ихъ съ цѣпи, а потомъ не знаетъ, какъ ихъ унять“.

Въ 1865 году: „Валуевъ замыслилъ сдѣлать съ нашею литературою то, чего не въ состояніи былъ сдѣлать Николай Павловичъ“.

Въ 1869: „Надо зажать ротъ печати“,—говоритъ новый Аракчеевъ,—Шуваловъ.—Паника всеобщая. Ожидаютъ худшаго, чѣмъ во времена Николаевскія“.

Въ 1872: „Мы возвращаемся прямо къ временамъ передъ Крымской войной. Новый законъ о цензурѣ. Finis печати. При этомъ законѣ становятся невозможными въ Россіи наука и литература. Да, правду сказать, давно бы слѣдовало покончить съ ними. Къ чему онѣ намъ?“

Рабы, влачащіе оковы,
Высокихъ пѣсенъ не поютъ.

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ отмѣтилъ лѣтописецъ появленіе славянофила А. С. Хомякова въ армякѣ и шапкѣ-мурмулкѣ: „говоритъ неумолчно и большею частью по-французски... Себѣ на умѣ“.—Теперь появляется другой представитель русской народности, еще

больше себѣ на умѣ: „казацкій генералъ съ удивительною рожею,—на ней какъ будто отпечатана такая программа, что, если онъ хоть четвертую часть ея исполнилъ, то его десять разъ стоило повѣсить. А между тѣмъ, странное дѣло, тутъ же видно и какое-то добродушіе“.

На высотѣ русскаго освобожденія этотъ казацкій генералъ—какъ рѣющій ангелъ на иглѣ Петропавловской крѣпости. Смѣсь либеральнаго добродушія съ программой, достойной висѣлицы, и есть лицо того времени, въ которое мы, дѣти нашихъ отцовъ, имѣли несчастье родиться.

Въ это именно время дѣлается „провидѣніемъ Петербурга Треповъ“. Не только Петербурга, но и всей Россіи. „Вся Россія отдается подъ полицейскій надзоръ... Открыто подкапываются подъ суды, стремятся опрокинуть земскія учрежденія, поразить гласность.—Земское собраніе уничтожено, какъ какое-нибудь тайное нигилистическое общество.—Администрація принимаетъ такія репрессивныя мѣры, какъ будто одни нигилисты населяютъ русскую землю“.

Усилена власть губернаторовъ. Нижегородскій сдѣлалъ распоряженіе, по которому всѣ женщины въ круглыхъ шляпахъ, синихъ очкахъ, съ остриженными волосами и безъ кринолиновъ, признаются нигилистками и забираются въ полицію, гдѣ имъ приказываютъ надѣть кринолины, а если не послушаются, то высылаютъ изъ губерніи.

Въ 1872 году, въ Петербургѣ одну молодую дѣвушку, дочь дѣйствительнаго статскаго совѣтника, остригшую себѣ волосы послѣ тифа и по слабости глазъ носившую

очки, городовые схватили на улицѣ и отвели въ часть, какъ нигилистку.

— „При мнѣ этого не будетъ!“—говоритъ гр. Д. А. Толстой о нигилистахъ. И Катковъ, какъ бѣшеный, кидается на всѣхъ.

Полдень бѣлаго террора, тихаго ужаса.

„Все одно и то же—мрачно всюду, глухо всюду“. И въ этой глухой тишинѣ, кажется, вотъ-вотъ раздастся снова панической крикъ: „да сохранитъ Господь Россію!“

„Какіе невѣроятные успѣхи сдѣлала Россія!“—это въ началѣ, а въ концѣ: „мнѣ пришлось горько разочароваться и убѣдиться, что всему хорошему у насъ суждено начинаться, но не доходить до конца.—Давъ свободу народу, мы хотимъ сковать всякую свободу мысли.—Одною рукою производимъ улучшенія, а другою ихъ подрываемъ; одною даемъ, а другою отнимаемъ. Установляемъ новые порядки и тотчасъ же спѣшимъ сдѣлать ихъ недѣйствительными. Намъ хотѣлось бы новаго въ частностяхъ, но съ тѣмъ, чтобы все главное осталось по-старому.—У насъ испугались реформы тѣ самые, которые ее произвели“.

Это и есть участь русской либеральной постепеновщины: кошачьи подарки, собачьи отнимки; и хочется, и колется; въ концѣ медоваго мѣсяца—тёщина рожа реакціи. Чего просили, то и получили: не Божью грозу, а чортову слякоть рабьей свободы.

„Все это ужь было когда-то“.—Было и есть. Есть и будетъ.

VIII.

Да, „намъ хотѣлось бы новаго въ частностяхъ, съ тѣмъ, чтобы все главное осталось по-старому".

Неужели же онъ все еще видитъ, что именно главное? Неужели все еще думаетъ, что губитъ Россію только бюрократія,—цвѣтъ и плодъ, а не корень дерева.

Кажется, начинаетъ видѣть.

„Не перестаютъ восхищаться благодѣяніями, излитыми въ послѣднее время на народъ. То ли скажетъ исторія? Освобожденіе будетъ не добромъ, а зломъ и великимъ зломъ, при такомъ поворотѣ назадъ.—Лучше было бы не начинать, чѣмъ продолжать такъ".

Это увидѣлъ онъ, уже одной ногой стоя во гробѣ. „Теперь я, какъ Марій на развалинахъ всего, что мною когда-то дѣлалось: впереди ничего, кромѣ окончательнаго уничтоженія".

И вотъ послѣдній вопль отчаянія: „нашъ народъ чортъ знаетъ, что такое!—Все ложь, все ложь, все ложь въ любезномъ моемъ отечествѣ".

Было царство страха, стало царство лжи.

Ложь—рабья свобода и рабья любовь къ отечеству: у рабовъ нѣтъ отечества.

Какъ утопающій за соломинку, хватается онъ теперь за ту самую революцію, которой такъ боялся, за тѣхъ самыхъ нигилистовъ, которыхъ такъ ненавидѣлъ.

„Всеобщее неудовольствіе и волненіе умовъ, даже дикія выходки нашихъ юношей доказываютъ, что нашъ народъ живъ и что у него есть будущность.—Главный двигатель матеріалистовъ—отчаяніе, и, правду сказать, есть отъ чего придти въ отчаяніе.—Но чѣмъ хуже,

тѣмъ лучше.—Можетъ быть, намъ предстоитъ очиститься въ огнѣ революціи".

Онъ, впрочемъ, знаетъ, что ему самому этимъ огнемъ уже не очиститься; надъ самимъ собою и надъ своимъ поколѣніемъ произнесъ онъ смертный приговоръ.

„Самое важное въ человѣческой жизни это—умѣніе что-нибудь сдѣлать.—Я ничего не умѣлъ и не умѣю сдѣлать. Жить въ словахъ и для словъ это—глубокое злополучіе.—Я, какъ ребенокъ, какъ дуракъ, играю въ мечты и призраки. Я и подобные мнѣ доктринеры составляемъ родъ безполезныхъ людей, способныхъ развѣ только умирать мужественно и честно. Но мы напрасно думаемъ отвратить неотвратимое".

Приговора тягчайшаго надъ либеральной постепеновщиной никто никогда не произносилъ.

IX.

Тотъ всепоглощающій нигилизмъ, съ которымъ онъ въ другихъ боролся,—теперь съ ужасомъ видитъ онъ въ себѣ самомъ. Всю жизнь отрицалъ крайности, утверждалъ середину, и вотъ въ самой серединѣ, въ самомъ сердцѣ всего—ничто.

„Все, что мы называемъ прекраснымъ, добрымъ, заключается въ идеалахъ—въ иллюзіяхъ"—во лжи. „Вся наша цивилизація—грубая, пошлая ложь, блескъ снаружи, гниль внутри.—Наука, говорятъ, освободитъ человѣка отъ иллюзій. Хороша услуга. Я не знаю, въ состояніи ли голая истина довести человѣчество до чего-нибудь, кромѣ отчаянія. Глубокое презрѣніе къ себѣ и къ жизни, вотъ все, что выносишь изъ долговременнаго опыта жизни. Человѣкъ—ничто. Жизнь гадка. Она есть

глубочайшее ничтожество, ничтожнѣе самаго ничтожества".

Проклятіе жизни, проклятіе себѣ, проклятіе Богу.

Передъ этимъ нигилизмомъ, нигилизмъ самыхъ крайнихъ—дѣтская шалость. Тамъ золотуха; здѣсь проказа.

Напрасно хочетъ онъ сохранить мужество: „пока живъ, будь мужемъ; крѣпче и крѣпче держись за духъ.—Каждый день начинается мыслью: борись и крѣпись.—Терпѣніе, терпѣніе и терпѣніе".

Нѣтъ, проклятье всѣхъ проклятій—этому терпѣнію! Лучше умереть, чѣмъ такъ терпѣть.

„Умереть значитъ перестать существовать и терпѣть зло".

И, можетъ быть, злѣйшее зло—само терпѣніе?

„1877, іюль, 19.—Здоровье гнусное, прегнусное; лѣто гнусное, прегнусное; человѣчество гнусное, прегнусное... Вѣтеръ завываетъ, какъ лютый звѣрь. Дождь, мракъ...

„Іюль, 20. — Проиграно сраженіе при Плевнѣ, и какое-то мрачное молчаніе, липнущее насъ свѣдѣній объ..."

На этомъ словѣ дневникъ обрывается. На слѣдующій день, 21 іюля, Никитенко умеръ.

Рабья жизнь, рабья смерть.

Рабы, влачащіе оковы,
Высокихъ пѣсней не поютъ.

Пѣснь его—только пѣснь умирающаго раба, сраженнаго гладіатора. Если бы онъ зналъ, что суждено ей заглушиться пѣснью торжествующей свиньи!

„Всякій народъ имѣетъ своего діавола", говоритъ Лютеръ. Никитенко увидѣлъ лицо русскаго діавола—

„космическій задъ": „ну, и что же, всѣ мы тутъ, всѣ не ангелы; и до чего намъ родная, милая вся эта Русь; намъ другой Руси не надо".

Да здравствуетъ Свинья-Матушка!

Онъ отъ этого умеръ, а мы этимъ живемъ.

ЗМЛЯ ВО РТУ

I

Полетимъ или не полетимъ? Это вопросъ не только о воздухоплаваніи, но и объ участіи нашемъ въ той всечеловѣческой свободѣ, которая хочетъ воплотиться въ крыльяхъ.

„1695 года, апрѣля въ 30 день, закричалъ мужикъ караулъ, и сказалъ за собою государево слово, и приведенъ въ Стрѣлецкій приказъ, и разспрашиванъ; а въ разспросѣ сказалъ, что онъ, сдѣлавъ крылѣ, станетъ летать, какъ журавль. И, по указу Великихъ Государей, сдѣлалъ себѣ крылѣ слюдныя (слюдяныя), а стали тѣ крылѣ въ 18 рублевъ изъ государевой казны. И бояринъ князь Иванъ Борисовичъ Троекуровъ съ товарищи и съ иными прочими, вышедъ, сталъ смотрѣть; и тотъ мужикъ, тѣ крылѣ устроя, по своей обыкности, перекрестился, и сталъ мѣхи подымать, и хотѣлъ летѣть, да не поднялся и сказалъ, что онъ сдѣлалъ тѣ крылѣ тяжелы. И бояринъ на него кручинился. И тотъ мужикъ билъ челомъ, чтобъ ему сдѣлать другія крылѣ иршеныя (замшевыя?). И на тѣхъ не полетѣлъ. А стали тѣ крылѣ, въ 5 рублевъ. И за то ему учинено наказаніе: бить батоги, снемъ рубашку, и тѣ деньги велѣно доправить на

немъ, и продать животы его и остатки“ (Записки Желябужскаго).

Нѣсколько лѣтъ назадъ, когда я перелистывалъ въ Амбріазонской библіотекѣ Атлантическій Кодексъ Леонардо да-Винчи съ рисунками летательныхъ машинъ,—вспомнился мнѣ крылатый мужикъ. И въ этомъ году, въ Іоганнсталѣ, около Берлина, когда съ высоты донеслось вдругъ нѣжное жужжаніе—журавлиное курлыканье моторовъ, и я увидѣлъ впервые человѣческія крылья, серебристо-сѣрыя на темно-лиловомъ, вечерѣющемъ небѣ, и лицо человѣка, какъ лицо бога, сквозь вертящееся, паутинное солнце пропэллера,—опять мнѣ вспомнился неполетѣвшій мужикъ.

Нѣтъ, не полетимъ. Пока есть то, что есть,—ни за что не полетимъ.

Возвращаясь въ Россію, каждый разъ удивляешься: до чего все заплеванное, заплюганное, точно мухами засиженное, пришибленное, ползучее, безкрылое.

Какъ мастеровые въ горбуновской сказочкѣ рѣшаютъ: „отъ хорошей жизни не полетишь“.

Развѣ на дырявомъ шарѣ генерала Кованько или на слюдяныхъ крыльяхъ?

II

Огорчился я, а Вяч. Ивановъ утѣшилъ меня *).

*) См. По звѣздамъ. Статьи и афоризмы. Спб. 1909. „Русскія Идеи“.

Книга эта, такъ же какъ все явленіе Вяч. Иванова, заслуживаетъ глубокаго вниманія.

Если бы на Невскомъ, въ сумерки, когда зажигаются электрическіе огни, отражаясь пестрыми столбами въ мокрыхъ тротуарахъ,—появилась вдругъ высокая, блѣдная женщина, вся съ головы до ногъ закутанная, какъ бы запеленутая, льняными пеленами, священными повязками—Дельфійская Сибилла,—то сначала толпа удивилась бы, засмѣялась: „ряженая!“—а потомъ шарахнулась бы въ ужасѣ. Такое впечатлѣніе производитъ критическая муза Вяч. Иванова въ современной русской литературѣ.

„Мистики Востока и Запада согласны въ томъ, что именно въ настоящее время славянству и, въ частности, Россіи переданъ нѣкій свѣточъ; вознесетъ ли его нашъ народъ или выронитъ—вопросъ міровыхъ судебъ... Благо для всего міра, если вознесетъ“.

Этотъ міровой свѣточъ—„русская идея“, „воля къ нисхожденію“.

„Наши благороднѣйшія устремленія запечатлѣны жаждой саморазрушенія... словно другіе народы мертвенно-скупы, мы же, народъ самосожигателей, представляемъ въ исторіи то живое, что, какъ бабочка-Психея, тоскуетъ по огненной смерти“.

Европейской волѣ къ восхожденію, которая воплотилась въ культурѣ „критической, люциферіанской, каиновой“, полярно-противоположна русская воля къ нисхожденію, относящаяся къ „тайнѣ Второй Ипостаси, къ тайнѣ Сына“.

Вотъ почему народъ нашъ—„христоносецъ“, по преимуществу: подобно Св. Христофору, черезъ темный бродъ исторіи несетъ онъ на плечахъ своихъ Младенца Христа.

Я утѣшенъ: я знаю теперь, что если мы не летимъ, то не потому, что не можемъ, не умѣемъ, а потому, что не хотимъ летѣть. Наше дѣло—нисходить, никнуть, погребаться, зарываться въ землю. И надо намъ отдать справедливость: мы это дѣло, какъ нельзя лучше, дѣлаемъ.

Я утѣшенъ, но, признаюсь, не совсѣмъ.

Конечно, всякому народу лестно сказать: „Я—христоносецъ“. Но, во-первыхъ, совѣстно: прочіе народы-нехристи могутъ обидѣться. А, во-вторыхъ,—нисходить, такъ нисходить: къ чему же тогда слюдяныя крылья и дырявый шаръ генерала Кованько? За эти неудачныя и самохвальныя попытки не приговорили бы насъ „бить батоги, снемъ рубашку“, не только на историческомъ, но и на вѣчномъ Божьемъ судѣ.

„Во Христѣ умираемъ, Духомъ Святымъ воскресаемъ“, увѣряетъ Вяч. Ивановъ. Его бы устами медъ пить. Что мы вообще умираемъ, этому повѣрить легко: стоитъ лишь взглянуть на все, что происходитъ сейчасъ въ Россіи. Но во Христѣ ли умираемъ,—сомнительно. Во всякомъ случаѣ, умирали, умерли достаточно,—пора бы и воскресать. А на воскресеніе что-то непохоже.

„Сѣмя не оживетъ, если не умретъ“. Это значитъ: всякое оживающее сѣмя должно умереть; но не значитъ, что всякое умершее—должно воскреснуть. Можетъ и просто сгнить.

А ну, какъ сгніемъ?

Ш

„Ваше Высокопревосходительство, глубокоуважаемый Тертій Ивановичъ.

...„Вступленіе Ваше въ первый рядъ государственныхъ сановниковъ кажется мнѣ несомнѣннымъ предзнаменованіемъ нѣкоторой общей перемѣны правительственныхъ взглядовъ... А перемѣна взглядовъ, на которую я намекаю, важна и необходима не для меня одного, а для всей Россіи, и не только для нея, но и для всей вселенской церкви.

Сторожатъ меня Албанцы,
Я въ цѣпяхъ... но у окна
Зацвѣтаютъ померанцы—
Добрый знакъ: близка весна.

...„Меня связываетъ съ Вами не столько единомысліе, сколько единоволіе... У насъ одна и та же цѣль: ignem fovere in gremio sponsae Christi... Во всякомъ случаѣ, чаю отъ Васъ движенія воды въ нашей застоявшейся церковной купели.

„Имѣю честь быть Вашего Высокопревосходительства покорный слуга, Владиміръ Соловьевъ“ (П и с ь м а Вл. Соловьева, II т., стр. 328).

Бѣдный Вл. Соловьевъ! До какой глубины нисхожденія, униженія нужно было дойти, чтобы увѣровать въ Тертія Филиппова, какъ въ зацвѣтающій померанецъ! Бѣдный пророкъ, поющій оффенбаховскую пѣсенку передъ этимъ оффенбаховскимъ „эпитропомъ Гроба Господня“ (церковный чинъ Тертія)! Нужда скачетъ, нужда пляшетъ, нужда пѣсенки поетъ.

Вѣдь зналъ же Вл. Соловьевъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. „Не петербургскіе же чиновники разбудятъ православіе“, писалъ онъ въ 1885 году, за четыре года до письма Т. Филиппову. А года за три, во второмъ изданіи „Догматическаго развитія церкви“, цензорская рука зачеркнула слово „Богочеловѣкъ“.—„Эту рѣдкость,—замѣчаетъ Вл. Соловьевъ,—я буду бережно хранить для потомства“. И въ 1886 году: „Оберъ-прокуроръ, Синода, Побѣдоносцевъ сказалъ одному моему пріятелю, что всякая моя дѣятельность вредна для Россіи и для православія, и, слѣдовательно, не можетъ быть допущена.—Наши государственные, церковные и литературные мо-

шенники такъ нахальны, а публика такъ глупа, что всего можно ожидать“ (Письма, II т., стр. 142).

И вотъ все-таки—„зацвѣтаютъ померанцы“.

Т. Филипповъ — цвѣтъ, Побѣдоносцевъ — плодъ; одинъ—романтикъ, другой—реалистъ. Принявъ цвѣтъ, надо принять и плодъ.

Принялъ ли его Вл. Соловьевъ? Какъ будто принялъ.

„Существующія основы государственнаго строя въ Россіи мы принимаемъ, какъ фактъ несомнѣнный. Дѣло не въ этомъ... При всякомъ политическомъ строѣ... и при самодержавіи, государство можетъ и должно удовлетворять требованіямъ... религіозной свободы“ (тамъ же, Грѣхи Россіи, стр. 191).

Это значитъ: можно соединить самодержавіе съ православіемъ, какъ съ откровеніемъ совершенной истины Христовой.

Или, говоря языкомъ Вяч. Иванова: если въ православіи—воля къ нисхожденію, самоотреченію, погребенію себя во Христѣ—одна половина русской идеи, то въ самодержавіи—другая половина этой же идеи—воля къ восхожденію, самоутвержденію, воскресенію. — Во Христѣ ли тоже? Для Достоевскаго, для славянофиловъ—да.

А для Вл. Соловьева? И да, и нѣтъ. Онъ спрашиваетъ Россію:

Какимъ ты хочешь быть Востокомъ,
Востокомъ Ксеркса иль Христа?

И, вмѣстѣ съ тѣмъ, полагаетъ, что „дѣло не въ этомъ“, что „при всякомъ политическомъ строѣ“ возможна религіозная свобода, а, слѣдовательно, въ послѣднемъ счетѣ, Ксерксъ не мѣшаетъ Христу.

Напрасно думаетъ онъ, будто бы нанесъ славянофильству послѣдній ударъ—coup de grâce. Православіе и самодержавіе, какъ два осуществленія единой правды Христовой—вотъ живое сердце славянофильства, котораго не только не убилъ онъ, но и не коснулся.

И посмотрите, какъ это живое сердце снова забилось у Вяч. Иванова. Именно здѣсь, между государствомъ и церковью, Вяч. Ивановъ находится въ точно такомъ же двусмысленномъ положеніи, какъ Вл. Соловьевъ. Тоже готовъ сказать: „дѣло не въ этомъ“.

„Наше освободительное движеніе,—говоритъ Вяч. Ивановъ,—было безсильною попыткою что-то окончательно выбрать и рѣшить“. Но „мы ничего не рѣшили и не выбрали окончательно, и по-прежнему хаосъ въ нашемъ душевномъ тѣлѣ“. Россіи угрожаетъ гибель за то, что она стоитъ,

нѣмѣя,
У перепутнаго креста
Ни Звѣря скиптръ нести не смѣя,
Ни иго легкое Христа.

Но если мы „ничего не рѣшили, не выбрали окончательно“, то какъ знать, въ чье имя совершается и самое нисхожденіе Россіи—во имя Христа или Звѣря?

„Намъ должно говорить не о могуществѣ, а о грѣхахъ Россіи,—напоминаетъ Вл. Соловьевъ.—Никакіе подвиги не могутъ закрыть нашихъ грѣховъ; напротивъ, эти подвиги только ярче обличаютъ внутреннее противорѣчіе, въ которомъ мы находимся“,—„хаосъ въ нашемъ душевномъ тѣлѣ“, колебаніе между Христомъ и Звѣремъ.

Восхожденіе можетъ быть каиновымъ, люциферіанскимъ, сатанинскимъ; но вѣдь и нисхожденіе—точно такъ же, точно въ той же мѣрѣ. Вѣдь вотъ знаетъ же Вяч. Ивановъ, что нисхожденіе, не закрѣ-

пившее силы свѣта, — самоубійственно. — Бросься отсюда внизъ, и ангелы понесутъ Тебя.— Отойди отъ меня, Сатана.

Какое же нисхожденіе совершается сейчасъ въ Россіи? Христово или сатанинское?—Мы не рѣшили. „Мы ничего не рѣшили и не выбрали окончательно".

Со Христомъ ли погребаемся, вольно нисходимъ или низвергаемся насильственно, летимъ къ чорту?

Въ нисхожденіи Христовомъ—свобода. А свободна ли Россія нисходящая?

„Рабскій народъ рабски смиряется и жестокостью власти воздержаться въ повиновеніи любитъ... бичевъ и плетей у нихъ частое есть употребленіе". Эти слова Пуффендорфа русскіе цензора вычеркнули, и Петръ I возстановилъ.

Кнутъ не мука, а впредь наука. Палка нѣма, а дастъ ума. Нѣтъ того спорѣе, что кулакомъ по шеѣ.— Это въ народной мудрости, и это же въ сознаніи просвѣщенныхъ людей.—„Я люблю полицеймейстера, который, во время пожара, и меня самого съѣздилъ бы по затылку, чтобы я не стоялъ, сложа руки.—Безъ насилья нельзя", говоритъ Константинъ Леонтьевъ. И по поводу либеральныхъ реформъ въ царствованіе Александра II: „не рѣшимся ли мы просить могучаго Отца (государя), чтобы впредь Онъ держалъ насъ грознѣе?"

Это единственно-русское. Не столько „идея", сколько физіологія—ощущеніе свободы, какъ чего-то богопротивнаго,—рабства, какъ богоугоднаго.

„Природа ихъ такова,—говоритъ Аристотель о варварахъ,—что они не могутъ и не должны жить иначе, какъ въ рабствѣ: quod in servitute boni, in libertate mali sunt.

Въ свободѣ—грѣшные, въ рабствѣ—святые.
Святые рабы. Святая Русь—земля святыхъ рабовъ.

IV

Первые изобрѣтатели аэроплановъ, американцы, братья Вильбуръ и Орвиль Райтъ—сыновья пуританскаго епископа въ городѣ Дайтонъ, въ штатѣ Огіо—потомки тѣхъ англійскихъ пуританъ, которые завоевали Новый Свѣтъ.

Вѣрные преданію отцовъ своихъ, въ воскресеніе, день Господень, ни за что не полетятъ братья Райтъ: въ этотъ день молятся они, чтобы Господь благословилъ ихъ святой смиренный трудъ, святое смиренное восхожденіе.

Предѣлъ восхожденія, освобожденія—полетъ. Западная культура только потому и могла достигнуть этого предѣла, что Господь явился ей не въ „рабьемъ зракѣ", а какъ Освободитель народовъ, Царь царей, грядущій на облакахъ со славою и силою многою. Такимъ являлся Онъ благочестивымъ и вольнолюбивымъ воинамъ Кромвеля; такимъ и донынѣ является ихъ правнукамъ.

Вотъ что для насъ, русскихъ, невообразимо. Мы уже не вѣримъ свидѣтельству св. Ипполита о томъ, что „Антихристъ на небеса возлетитъ". Но мы всосали это съ молокомъ матери; это у насъ въ крови, даже у самыхъ невѣрующихъ: каинство, окаянство, люциферіанство всякой вообще воли къ восхожденію, къ полету. Обезкрыленіе, обезцѣненіе цѣнностей. „Опрощеніе, совлеченіе всѣхъ ризъ", опредѣляетъ Вяч. Ивановъ.

Европейскій путешественникъ XVII вѣка разсказываетъ о русскомъ пьяницѣ, который пропилъ сначала

кафтанъ, затѣмъ рубаху, наконецъ, порты и, выйдя, голый, изъ кабака, сорвалъ горсть одуванчиковъ и „прикрылъ ими свое срамное тѣло“.

Толстовское опрощеніе, писаревскій нигилизмъ, бакунинскій анархизмъ—всѣ русскія „совлеченія“—не напоминаютъ ли эту горсть одуванчиковъ?

Тотъ же путешественникъ разсказываетъ, какъ пьяный священникъ хотѣлъ благословить стрѣльцовъ, но когда, поднявъ руку, наклонился впередъ, голова у него отяжелѣла, и онъ упалъ въ грязь. Стрѣльцы подняли его, и онъ все-таки благословилъ ихъ грязными перстами.

Когда Достоевскій или Константинъ Леонтьевъ благословляютъ Звѣря именемъ Христа, когда Союзъ Архангела Михаила благословляетъ еврейскіе погромы и смертныя казни—кажется, видишь это благословеніе грязными перстами.

„Мы обречены необоримымъ чарамъ своеобразнаго Діониса“, утверждаетъ Вяч. Ивановъ.

Да, обречены. И въ самомъ христіанствѣ нашемъ, по преимуществу, аскетическомъ, „совлекающемъ“, изъза лика Христа выглядываетъ звѣроподобный ликъ варварскаго Діониса, древняго Хмѣля-Ярилы.

V

Единственный залогъ русскаго „воскресенія“ Вяч. Ивановъ усматриваетъ въ томъ, что „въ одной Россіи Свѣтлое Христово Воскресеніе—праздникъ изъ праздниковъ, торжество изъ торжествъ“. Или, по слову Гоголя: „въ одной Россіи празднуется этотъ день такъ, какъ ему слѣдуетъ праздноваться“.

Вѣрнѣе было бы сказать не д е н ь, а н о ч ь, ибо за

Свѣтлою ночью—темный день, за святымъ хмѣлемъ—грѣшное похмѣлье, за мгновеннымъ полетомъ—стремительное паденіе въ грязь. Самъ же Гоголь замѣтилъ (Вяч. Ивановъ не замѣчаетъ, и это для него показательно) неимовѣрную грусть сквозь пасхальную радость—грусть, отъ которой хочется „завопить раздирающимъ сердце воплемъ: Боже, пусто и страшно становится въ Твоемъ мірѣ!“

И вотъ опять знакомое видѣніе русскаго бреда.

„Въ Новгородѣ ежегодно бываетъ день большого богомолья, и въ этотъ день корчмарь или цѣловальникъ, съ купленнаго позволенія митрополита, разбиваетъ передъ кабакомъ нѣсколько палатокъ. Здѣсь пьянствуютъ.—Одна напившаяся баба, вышедши изъ кабака, упала на дорогѣ и заснула. Въ то же время пьяный мужикъ, проходя мимо, увидѣлъ лежавшую и обнажившуюся бабу, возгорѣлъ похотью и прилегъ къ ней, несмотря на ясный день и на то, что мѣсто было на большой дорогѣ. Прилегши къ бабѣ, онъ заснулъ. Вскорѣ вокругъ этой пары животныхъ образовалась цѣлая толпа молодыхъ парней; они смѣялись и глумились, пока, наконецъ, не подошелъ одинъ старикъ, который накинулъ кафтанъ на лежавшихъ и прикрылъ срамоту ихъ“ (Олеарій. П у т е ш е с т в і е в ъ М о с к о в і ю. 1633—1639).

Въ одной Россіи Свѣтлое Воскресеніе—праздникъ изъ праздниковъ, торжество изъ торжествъ; но и въ одной Россіи возможна такая срамота, какъ эта пара животныхъ. Ангелы—ночью, свиньи—днемъ. И это не только въ XVII вѣкѣ.

Я никогда не забуду, какъ однажды, въ первый день Пасхи, встрѣтилъ на углу Бассейной и Надеждинской

кучку пьяныхъ, которые, шагая по серединѣ улицы, горланили: Христосъ воскресе!—вмѣстѣ съ чудовищной, тоже, увы, единственной, русскою бранью. И надо всей Россіей, надъ одной Россіей стоитъ въ этотъ день „гулъ всезвонныхъ колоколенъ“, смѣшанный съ матерной бранью.

Понятно, почему Лейбницъ говорилъ о русскихъ: „крещеные медвѣди“; а ученый шведъ, Іоаннъ Ботвидъ, въ 1620 году, въ Упсальской академіи защищалъ диссертацію: „Христіане ли московиты?“

Тутъ не только эмпирическая, но и мистическая противоположность европейской воли къ восхожденію и русской воли къ нисхожденію. Они и мы не понимаемъ другъ друга именно въ этомъ, самомъ главномъ. Если они для насъ, то и мы для нихъ—„Каины“. Только они вѣжливѣе: не говорятъ намъ этого въ лицо.

Была когда-то и въ Европѣ воля къ нисхожденію; но въ самой глубинѣ ея, въ самой тьмѣ Среднихъ Вѣковъ не утратилъ Западъ воли къ свѣту, къ нисхожденію, къ Возрожденію. Западный свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ, и тьма не объяла его. А нашъ русскій—уже обнимаетъ. Уже „хаосъ шевелится подъ нами“.—„Хаосъ въ нашемъ душевномъ тѣлѣ“—это и Вяч. Ивановъ чувствуетъ.

Что, если русская воля къ нисхожденію—воля къ хаосу?

VI

Въ маленькомъ недавнемъ случаѣ со смертной казнью испанскаго анархиста Феррера выразился этотъ мистическій рубежъ между русскимъ Авелемъ и европейскимъ Каиномъ. На одномъ концѣ Европы кого-то повѣсили—

и вся она, какъ одинъ человѣкъ, содрогнулась отъ гнѣва и ужаса. А чего бы, казалось? На другомъ концѣ—сколько вѣшаютъ! Но ей до этого дѣла нѣтъ. Эскимосы ѣдятъ сырое мясо, а русскіе вѣшаютъ.

Однажды Европѣ почудилось, что и намъ сырое мясо опротивѣло: Каинъ подошелъ къ Авелю съ братскимъ привѣтомъ. Но это оказалось недоразумѣніемъ—и Каинъ вновь отшатнулся отъ Авеля: живите по-своему,—во Христѣ нисходите, умирайте, убивайте другъ друга; мы не судимъ васъ,—только и вы не мѣшайте намъ жить по-нашему, по-окаянному.

И вотъ они летятъ, а мы сидимъ въ лужѣ, утѣшаясь тѣмъ, что это вовсе не лужа, а „русская идея“.

Св. Христоферъ не узналъ Младенца Христа, котораго несъ на плечахъ. Не такъ же ли Россія, слѣпой великанъ, не видитъ, кого несетъ,—только изнемогаетъ подъ страшною тяжестью, вотъ-вотъ упадетъ, раздавленная? Не видитъ Россія, кто сидитъ у нея на плечахъ,—Младенецъ Христосъ или щенокъ Антихристовъ.

VII

Что, если русская идея—русское безуміе?

Опасность этого безумія сознаетъ и Вяч. Ивановъ, но отвлеченно, бездѣйственно. „Опасность,—говоритъ онъ,—самоубійственная смерть—тогда, когда умирающій (нисходящій) недостоинъ умереть, чтобы воскреснуть.—Прежде чѣмъ нисходить, мы должны укрѣпить въ себѣ свѣтъ; прежде чѣмъ обращать въ землю силу, мы должны имѣть эту силу“.

Должны, но имѣемъ ли?—вотъ вопросъ. Если имѣемъ, если укрѣпили въ себѣ свѣтъ, то почему же „хаосъ

въ нашемъ душевномъ тѣлѣ, и мы ничего не рѣшили, не выбрали окончательно,—

Ни Звѣря скиптръ нести не смѣя,
Ни иго легкое Христа?"

Какой же свѣтъ тамъ, гдѣ нельзя отличить Христа отъ Звѣря? Какая крѣпость тамъ, гдѣ хаосъ?

Существуетъ предѣлъ, за которымъ нисхожденіе становится низверженіемъ во тьму и хаосъ. Не чувствуется ли именно сейчасъ въ Россіи, что близокъ этотъ предѣлъ, что нисходить дальше некуда: еще шагъ—и Россія—уже не историческій народъ, а историческая падаль?

Нисхожденіе и восхожденіе,—двѣ чашки вѣсовъ: если одна подымается съ тяжкимъ скиптромъ, то другая опускается не подъ легкимъ игомъ.

Сказать: нисходимъ,—значитъ не сказать ничего, въ смыслѣ религіозной воли, религіознаго дѣйствія. Дѣйствіе начинается только тогда, когда нисходящій говоритъ: довольно,—пора восходить. Сейчасъ въ Россіи вопросъ о волѣ есть вопросъ о томъ, какъ относится нисхожденіе наше къ восхожденію, русская церковь къ русской власти.

Вяч. Ивановъ не только не отвѣтилъ, но и не поставилъ этого вопроса. Онъ смотритъ, какъ чашки вѣсовъ колеблются, и пальцемъ не двинетъ, чтобы поднять одну и опустить другую.

Нѣтъ, спасеніе наше не въ томъ, чтобы, сознавъ себя народомъ-христоносцемъ, въ другихъ народахъ видѣть Каиновъ; спасенье наше въ томъ, чтобы увидѣть, наконецъ, свое собственное „окаянство", почувствовать себя не „христоносцами", а „христопродавцами" именно здѣсь, въ этой страшной волѣ къ нисхожденію, къ совле-

ченію, къ саморазрушенію, къ хаосу; чтобы понять, что Россія, только восходящая, возстающая на скиптръ Звѣря, можетъ понести на плечахъ своихъ легкое иго Христа.

Но не мертвецъ, возстающій изъ гроба, а погребенный заживо—Россія нынѣшняя. Кричитъ, стучитъ въ крышку гроба—и никто не слышитъ, только могильную землю, горсть за горстью, набрасываютъ, и ровняютъ, утаптываютъ—холмъ насыпали, крестъ поставили. Достоевскій пишетъ на крестѣ: „Смирись, гордый человѣкъ!" Л. Толстой: „Непротивленіе злу". Вл. Соловьевъ: „Дѣло не въ этомъ". Вяч. Ивановъ: „Духомъ Св. воскресаемъ".

Нѣтъ, не Духомъ Св. воскресаю, а духомъ Звѣринымъ удушаюсь, умираю,—могъ бы отвѣтить погребенный.—Кричу, стучу—и никто не слышитъ. Уже земля обсыпалась, задавила меня. Больше не могу кричать, голоса нѣтъ. Земля во рту.

КОГДА ВОСКРЕСНЕТЪ

„У насъ прежде, нежели во всякой другой землѣ, воспразднуется Свѣтлое Воскресеніе Христово. Мечта ли это? Но зачѣмъ же эта мечта не приходитъ ни къ кому другому, кромѣ русскаго? Что значитъ, въ самомъ дѣлѣ, что самый праздникъ исчезъ, а видимые признаки его такъ ясно носятся по лицу земли нашей: раздаются слова Христосъ воскресъ,—и поцѣлуй, и всякій разъ такъ же торжественно наступаетъ святая полночь, и гулы всезвонныхъ колоколовъ гудятъ и гудятъ по всей землѣ, точно какъ бы будятъ насъ? Гдѣ носятся такъ очевидно признаки, тамъ недаромъ носятся; гдѣ будятъ, тамъ разбудятъ".

Это говоритъ Гоголь, чей праздникъ совпалъ со Свѣтлымъ праздникомъ. Не для того ли, чтобы умершій, вѣчно-живой, сказалъ намъ снова то, что говорилъ при жизни, никѣмъ не услышанный? Неужели и теперь не услышимъ?

„Нѣтъ, не воспраздновать нынѣшнему вѣку Свѣтлаго праздника такъ, какъ ему слѣдуетъ праздноваться", заключаетъ онъ.

Почему же не воспраздновать? Почему, въ самомъ дѣлѣ, намъ праздникъ не въ праздникъ? Почему онъ исчезъ, какъ будто навѣки затмился?

Помните, въ дѣтствѣ казалось намъ, что солнце на небѣ играетъ въ этотъ день, какъ ни въ одинъ изъ

другихъ дней года? Отчего же теперь меркнетъ, гаснетъ—какъ будто свѣта не стало въ нашихъ глазахъ? Отчего „гулы всезвонныхъ колоколовъ“ гудятъ и гудятъ надъ нами, какъ будто не воскреснымъ, а похоронным звономъ? Уста произносятъ: Христосъ воскресъ,—уста отвѣчаютъ: воистину воскресъ; а сердце молчитъ,—сердце молчитъ, какъ будто, если и воскресъ, то не для насъ?

„Знаю, что люди, совершающіе преступленія, которыя они называютъ казнями, не услышатъ, потому что не хотятъ слышать того, что я кричу, о чемъ умоляю ихъ: но я все-таки не перестану кричать, умолять ихъ объ одномъ и томъ же до послѣдней минуты моей жизни“, говоритъ Л. Толстой въ недавней статьѣ своей: Христіанство и смертная казнь.

„Левъ Николаевичъ проситъ вамъ написать, что статья Жуковскаго о смертной казни ему извѣстна и всегда возмущала его.—Левъ Николаевичъ находитъ, что вы очень хорошо сдѣлали, что возобновили въ памяти читателей это старое ужасное кощунство“, пишетъ секретарь Толстого, въ частномъ письмѣ, по поводу одной, тоже недавней статьи о смертной казни. А въ концѣ письма приписываетъ самъ Толстой слабѣющей старческой рукой:

„Я въ послѣдніе дни чувствую себя очень слабымъ отъ возобновившагося нездоровья,—въ сущности, отъ старости; но хочется самому написать вамъ, хоть нѣсколько словъ, въ благодарность за вашу статью и, въ особенности,—хорошее письмо. Стараюсь, сколько умѣю и могу, бороться съ тѣмъ зломъ представленія церковной лжи на мѣсто истины христіанства, на которое вы указываете; но думаю, что освобожденіе отъ лжи достигается не указаніемъ на ложь лжи, а на полное усвоеніе истины, такое, при которомъ истина становится единственнымъ или, хотя главнымъ, руководителемъ жизни...“

Одинъ, среди гробовой тишины, кричитъ онъ все глуше и глуше, замирающимъ голосомъ, какъ будто, и вправду, „накинули намыленную веревку на его старую шею“,—кричитъ и будетъ кричать до послѣдней минуты жизни своей, повторять одни и тѣ же слова упорно, утомительно однообразно, безнадежно, почти безсмысленно, почти тупо: „Это ужасно, ужасно, ужасно!.. Да, положеніе теперешняго христіанскаго человѣчества ужасно!.. Не хорошо убивать другъ друга!..“

„Убивать за убійство,—говоритъ Достоевскій,—несоразмѣрно большее наказаніе, чѣмъ самое преступленіе. Убійство по приговору несоразмѣрно ужаснѣе, чѣмъ убійство разбойничье: тутъ всю послѣднюю надежду, съ которою умирать въ десять разъ легче, отнимаютъ навѣрно; тутъ приговоръ, и въ томъ, что навѣрно не избѣгнешь, вся ужасная-то мука и сидитъ—и сильнѣе этой муки нѣтъ на свѣтѣ.—Кто сказалъ, что человѣческая природа въ состояніи вынести это безъ сумасшествія? Зачѣмъ такое ругательство, безобразное, ненужное, напрасное?—Объ этой мукѣ и объ этомъ ужасѣ и Христосъ говорилъ. Нѣтъ, съ человѣкомъ такъ нельзя поступать“.

„У насъ (въ Россіи) смертной казни нѣтъ“, радуется Достоевскій, не подозрѣвая, какою насмѣшкою сдѣлаются эти слова черезъ сорокъ лѣтъ.

„Священникъ вполголоса читалъ молитвы.—Подошли два другіе помощника, проворно сняли съ Тропмана камзолъ, завели ему руки назадъ, связали ихъ крестъ на крестъ и опутали все тѣло ремнями... Тропманъ по-

корно наклонялъ голову. Священникъ растягивалъ слова молитвы... Я не могъ отвести взора отъ этой тонкой, юношеской шеи... Воображеніе невольно проводило по ней поперечную черту... Вотъ тутъ, думалось мнѣ, черезъ нѣсколько мгновеній, раздробляя позвонки, разсѣкая мускулы и жилы, пройдетъ десятипудовый топоръ... Я видѣлъ, какъ палачъ вдругъ выросъ на лѣвой сторонѣ гильотинной площадки; я видѣлъ, какъ Тропманъ взбирался по ступенямъ... какъ онъ остановился наверху, какъ справа и слѣва два человѣка бросились на него, точно пауки на муху, какъ онъ вдругъ повалился головой впередъ, и какъ подошвы его брыкнули... Но тутъ я отвернулся и началъ ждать, а земля тихо поплыла подъ ногами... Наступила бездыханная тишина... Потомъ что-то вдругъ глухо зарычало и покатилось—ухнуло... Точно огромное животное отхаркнулось... Все помутилось..." (И. С. Тургеневъ. Казнь Тропмана. 1870).

Все помутилось, потемнѣло и въ нашихъ глазахъ. Потемнѣло и Свѣтлое Воскресеніе.

Вотъ почему намъ праздникъ не въ праздникъ. Не можемъ, не хотимъ, не должны мы праздновать Воскресеніе Умершаго тамъ, гдѣ происходитъ умерщвленіе живыхъ. Нельзя Христу воскреснуть тамъ, гдѣ еще распинаютъ Христа. Нельзя тѣми же устами пѣть: Христосъ воскресъ,—которыя вопятъ: распни Его!—Ибо, что такое всякая новая казнь въ человѣчествѣ, какъ не новое распятіе Сына Человѣческаго? Не повторяется ли вѣчно въ казни всѣхъ казнимыхъ казнь Казненнаго за всѣхъ?

„Ибо алкалъ Я, и вы не дали Мнѣ ѣсть; жаждалъ, и вы не напоили Меня; былъ странникомъ, и не приняли Меня; былъ нагъ, и не одѣли Меня; боленъ и въ темницѣ, и не посѣтили Меня".—На плахѣ Я былъ, и вы не узнали Меня.

Кощунство, скажутъ, сравнивать Христа со злодѣями. Но не кричалъ ли народъ и о Немъ: смерть Ему! а отпусти намъ Варавву?—Не былъ ли и Онъ распятъ между двумя разбойниками и къ злодѣямъ причтенъ?

Что такое крестъ, какъ не римское орудіе казни—то же, что французская гильотина и русская висѣлица? Для чего же на крестѣ и умеръ Онъ, какъ не для того, чтобы сдѣлать орудіе казни орудіемъ спасенія? Смертью смерть попралъ—не значитъ ли это: собственною смертною казнью смертную казнь попралъ, отмѣнилъ, упразднилъ, уничтожилъ на вѣки вѣковъ?—А если нужно казнить и послѣ Него, значитъ, Онъ умеръ и не воскресъ; значитъ, все еще крестъ—орудіе казни, „проклятое древо", и все еще „проклятъ висящій на древѣ".

Гдѣ возносится висѣлица, тамъ низлагается крестъ. На мѣстѣ Креста Господня, висѣлица—антихристовъ крестъ.

Отъ этого-то креста антихристова и протянулась по всей Россіи черная тѣнь; отъ него-то и померкло солнце Воскресенія. Какъ будто „гулы всезвонныхъ колоколовъ" гудятъ: Христосъ не воскресъ,—и сердце наше отвѣчаетъ: воистину не воскресъ.—„Пасха красная", поетъ Церковь,—а намъ кажется, что она отъ крови красная.

Будемъ ли спрашивать, за что нѣтъ надъ нами благословенія Божьяго, какъ будто Богъ отступилъ отъ насъ, и стала проклятою святая Русь? Вотъ чаша гнѣва въ рукѣ Господа, вино кипитъ въ ней, полное

смѣшенія, и Онъ наливаетъ намъ изъ нея; даже дрожжи ея будемъ выжимать и пить. Бѣда за бѣдою, позоръ за позоромъ, Цусима за Цусимою. Кажется, нельзя ниже пасть, а все-таки падаемъ. За что? Не за то ли, что такъ привыкли къ виду крови, къ воплю крови, что уже не видимъ, не слышимъ этого позора позоровъ?

. . . . . .

И еще смѣемъ говорить о „Великой Россіи“, о нашемъ „честномъ и добромъ, національномъ лицѣ“, смѣемъ спрашивать, куда оно дѣвалось, почему его не видно. Къ плахѣ пригнулъ палачъ—вотъ почему не видно.

Что ужасно и отвратительно ѣсть мясо человѣчье, человѣку нельзя доказывать. Такъ нельзя доказывать, что смертная казнь ужасна и отвратительна, что „убійство по приговору несоразмѣрно ужаснѣе, чѣмъ убійство разбойничье“.

Простое убійство уничтожаетъ религіозную жизнь убійцы; смертная казнь—религіозную жизнь всего народа. Казня одного, казнимъ всѣхъ; убивая тѣло одного, убиваемъ душу всѣхъ.

Кто же это сдѣлалъ съ нами? Кто виноватъ?

Не будемъ обвинять другихъ, себя оправдывать. Нѣтъ правыхъ, всѣ виноваты—и я, который пишу, и ты, который читаешь,—всѣ виноваты: кровью куплена жизнь, которой мы живемъ, кровью напитанъ воздухъ, которымъ дышимъ, кровью смоченъ хлѣбъ, который ѣдимъ, съ кровью смѣшана вода, которую пьемъ. Мы это знаемъ, видимъ; другіе слѣпы или не хотятъ видѣть. Преступнѣе видящіе; слѣпые несчастнѣе.

И пусть не говорятъ намъ, что смертная казнь нужна для спасенія Россіи. Ну, а если бы нужно было снова распять Христа, чтобы спасти Россію, мы бы распяли?—

Въ этотъ день, по крайней мѣрѣ, въ этотъ день, вѣримъ, что не распяли бы.

„Зачѣмъ этотъ утратившій значеніе праздникъ?—спрашиваетъ Гоголь. — Зачѣмъ онъ вновь приходитъ глуше и глуше скликать въ одну семью разошедшихся людей и, грустно окликнувши, уходитъ, какъ незнакомый и чужой всѣмъ? Всѣмъ ли точно онъ незнакомъ и чуждъ? Но зачѣмъ же уцѣлѣли кое-гдѣ люди, которымъ кажется,—какъ бы они свѣтлѣютъ въ этотъ день и празднуютъ свое младенчество, то младенчество, отъ котораго небесное лобзаніе, какъ бы лобзаніе вѣчной весны, изливается на душу?.. Зачѣмъ все это и къ чему это?.. Будто не извѣстно, зачѣмъ, будто не видно—къ чему?—Затѣмъ, чтобы хотя нѣкоторымъ, еще слышащимъ весеннее дыханіе этого праздника, сдѣлалось вдругъ такъ грустно, такъ грустно, какъ грустно ангелу на небѣ, и, завопивъ раздирающимъ сердце воплемъ, упали бы они къ ногамъ своихъ братьевъ, умоляя хотя бы одинъ этотъ день вырвать изъ ряду другихъ дней,—въ одинъ бы день только обнять и обхватить человѣка, какъ виноватый другъ обнимаетъ великодушнаго, все ему простившаго друга... Хотя бы только пожелать такъ, хотя бы только насильно заставить себя это сдѣлать, ухватиться бы за это, какъ утопающій хватается за доску! Богъ вѣсть, можетъ быть, за одно это желаніе уже готова сброситься съ небесъ намъ лѣстница и протянуться рука, помогающая взлетѣть по ней“.

Да, можетъ быть, недаромъ въ день Воскресенія воскресшій Гоголь снова, какъ нѣкогда, падаетъ къ нашимъ ногамъ и вопитъ раздирающимъ сердце воплемъ: „хотя бы только пожелать такъ!..“

Есть въ человѣкѣ воля всемогущая, есть вѣра въ

чудо, которая сама уже чудо. Пожелаемъ же такою волею, повѣримъ такою вѣрою въ чудо Воскресенія Христова, въ чудо воскресенія Россіи.

Не будемъ умолять: отмѣните,— а со Христомъ, смертью смерть поправшимъ, казнью казнь отмѣнившимъ, отмѣнимъ сами смертную казнь.

И тогда только воспразднуемъ Свѣтлый Праздникъ; тогда только заиграетъ солнце на небѣ, и гулы всезвонныхъ колоколовъ загудятъ: Христосъ воскресъ!

И отвѣтитъ вся Россія:

Воистину воскресъ!